

Международный научно-практический
правовой журнал
„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная пала-
та, Министерство внутренних дел, Министерство
здравоохранения, Институт истории, государства
и права АН РМ, Академия МВД «Штефан чел
Маре», Славянский университет, Кагульский го-
суниверситет Б.П. Хашдеу, Институт прикладной
криминологии и уголовной политики, Балтийская
Международная Академия, НИИ прав человека
НАН Азербайджана, Запорожский национальный
университет.

Издается с января 1991 г.

№ 11 (262) 2013 г.

Главный редактор

Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат
права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права,
А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ,
доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк,
доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор
юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк,
доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук,
профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат
права, профессор, Т. Коломонец, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист Украины,
(Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических
наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам.
главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о.
профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов,
доктор юридических наук, профессор, член кор.
НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и
техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор
юридических наук, профессор, академик НАПрН
Украины (Харьков).

Адрес редакции:

2012. Кишинев, ул. Пушкина, 22

Дом печати,

телефон для справок: mob. 067431761;

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: lega_zakon@mail.ru

web страницы: www.legazakon.md

www.legasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

А. СОСНА. О некоторых проблемах применения налоговой ответственности.....	4
В. НОВРУЗОВ, Р. СУЛТАНОВ. Общество и власть в процессе демократизации государства	7
В. ХАХАНОВСКИЙ. Компьютерная информация как особенные фактические данные в уголовном процессе	10
Н. ПОГОРЕЦКИЙ, И. СУХАЧОВА. Проку- рорский надзор за использованием материалов оперативно-розыскной деятельности в ходе до- судебного расследования в соответствии с новым УПК Украины	12
А. ЖИТНЫЙ. Уголовно-правовые аспекты между- народного сотрудничества в противодействии пре- ступности	16
Е. РЯБЧИНСКАЯ. Штраф как вид наказания в уголовном законодательстве стран СНГ	19
Р. МАКСАКОВА. Соотношение форм непосред- ственной демократии и форм реализации учреди- тельной власти.....	25
Д. ЕРМОЛЕНКО. Противодействие правовому нигилизму молодежи	28
В. БАБАКИН. Теоретические аспекты проблем противодействия молодежной преступности опер- ативными подразделениями органов внутренних дел	31
К. КУРСКАЯ. Особенности правового регулиро- вания деятельности экологических прокуратур в Украине	35
Л. БАБИЧ. Роль и предмет судебного контроля при избрании меры пресечения «залог»	38
Е. ГАВРИЛЯК. Актуальные вопросы проведения тактических операций при расследовании вымога- тельств	41
А. ЛАПКО. Роль морально-психологической под- готовленности в обеспечении профессиональной деятельности сотрудниками милиции.....	44
И. ГРАБЕЦ. К нарушению установленных законом ограничений по получению подарка (пожертвова- ния)	47
А. ВАВРЕНЮК. Управление в сфере противодей- ствия преступности требует централизации	50
М. КОРШИКОВ. Тактические приемы подготовки к проведению опознания личности и вещей	53
А. СОРВАЧОВ. Перспективы системы охраны промышленных образцов	56

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 11,75

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”,

г. Кишинэу

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. СОСНА,

доктор права, преподаватель юридического факультета Государственного университета Молдовы

SUMMARY

The pressing questions of application of tax responsibility in the presented material. The different points of over view of scientists and practical workers of both Republic of Moldova and Russian Federation are brought.

Suggestions speak out on a change and addition of current tax legislation.

Keywords: tax liability, tax violation, tax penalty, fine, penalty, tax levies, tax charges.

В представленном материале анализируются актуальные вопросы применения налоговой ответственности. Приводятся различные точки зрения ученых и практиков как Республики Молдова, так и Российской Федерации.

Высказываются предложения по изменению и дополнению действующего налогового законодательства.

Ключевые слова: налоговая ответственность, налоговое правонарушение, налоговая санкция, штраф, пеня, налоговые пошлины, налоговые сборы.

Актуальность исследуемого материала. Отдельные ученые считают налоговую ответственность составной частью финансово-правовой ответственности. Они полагают, что налоговая ответственность:

- 1) основана на государственном принуждении и является одной из форм реализации санкций, установленных финансово-правовыми нормами;
- 2) наступает за совершение налогового правонарушения;
- 3) субъектами ответственности могут быть физические и юридические лица, в том числе индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства;
- 4) выражается в отрицательных последствиях имущественного характера;
- 5) реализуется в процессуальной форме [1].

Постановка проблемы. Налоговая ответственность «представляет собой обязанность лица, виновного в совершении налогового правонарушения, претерпевать меры государственно-властного принуждения, предусмотренные санкциями Налогового кодекса, состоящие в возложении дополнительных юридических обязанностей имущественного характера и применяемые компетентными органами в установленном процессуальном порядке» [2].

Данное определение не совсем верно, т.к. налоговая ответственность предусмотрена не только Налоговым кодексом, но и Уголовным кодексом.

Налоговая ответственность подразделяется на 2 вида: уголовную и административную.

Уголовная ответственность за нарушение налогового законодательства установлена Уголовным кодексом Республики Молдова, (далее - УК РМ) [3], а административная ответственность – Налоговым кодексом Республики Молдова, (далее – НК РМ) [4], Таможенным кодексом Республики Молдова, (далее – ТК РМ) [5], и Кодексом о правонарушениях Республики Молдова, (далее - КоП РМ) [6].

НК РМ устанавливает санкции,

основания, условия и порядок их применения, а также порядок обжалования примененных к налогоплательщикам санкций.

Порядок обжалования административных наказаний регулируется не только НК РМ, но и законом РМ «Об административном суде» № 793-XIV от 10.02.2000 года [7] и Гражданским процессуальным кодексом Республики Молдова № 225-XV от 30.05.2003 года (далее - ГПК РМ) [8].

Имеются противоречия между регулирующими порядок обжалования административных наказаний нормами НК РМ и нормами закона РМ «Об административном суде».

Так, согласно части (3) ст. 267 НК РМ обязанность доказывания ошибочности решения, вынесенного налоговым органом, возлагается на лицо, подавшее жалобу.

Изложение основного материала. Административная ответственность за нарушение налогового законодательства, установленная ст. ст. 253-257¹, 259-263 НК РМ, отличается от административной ответственности, установленной ст. ст. 287, 297, 301, 311 и 330 КоП РМ, и характеризуется следующими признаками.

1. Установленные НК РМ санкции за неисполнение налогового обязательства (штраф и пеня) рассматриваются как часть налогового обязательства (обязательства по уплате налогов).

Согласно части (1) ст. 228 НК РМ пеня составляет часть налогового обязательства и взыскивается в порядке, установленном для взимания налогов.

Согласно части (2) ст. 236 НК РМ штраф составляет часть налогового обязательства и взыскивается в порядке, установленном для взимания налогов.

КоП РМ устанавливает только санкции за нарушения налогового обязательства (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью).

2. НК РМ установлены весьма продолжительные сроки для применения санкций. Согласно части (1) ст. 264 НК РМ за исключением случаев, предусмотренных частью (2), налоговые обязательства могут быть определены в следующие сроки:

а) для налогов (пошлин), сборов, пеней - не позднее четырех лет с последней даты, установленной для представления соответствующего налогового отчета или для уплаты налога (пошлины), сбора, пени (в случае, когда представление налогового отчета не предусмотрено);

б) для налоговых санкций, относящихся к конкретному налогу (пошлине), сбору, - не позднее четырех лет с последней даты, установленной для представления налогового отчета по данному налогу (пошлине), сбору или для уплаты данного налога (пошлины), сбора (в случае, когда представление налогового отчета не предусмотрено);

с) для налоговых санкций, не относящихся к конкретным налогам (по-

шлинам), сборам, - не позднее четырех лет со дня совершения налогового нарушения.

Часть (1) ст. 264 НК РМ устанавливает чрезмерно длительный, по нашему мнению, срок для определения налоговых обязательств, частью которых являются санкции.

Кроме того, часть (2) ст. 264 НК РМ содержит перечень случаев, на которые этот длительный срок не распространяется. Так согласно части (2) ст. 264 НК РМ срок давности не распространяется на налоги (пошлины), сборы, пени или налоговые санкции, относящиеся к конкретному налогу (пошлине), сбору, если налоговый отчет, устанавливающий налоговое обязательство, содержит информацию, вводящую в заблуждение, или отражает факты, образующие состав налогового преступления, либо если он не был представлен вообще.

Из содержания ст. 264 НК РМ непонятно является ли установленный этой статьей срок сроком определения налоговых обязательств или сроком исковой давности. Тем более, что ст. 265 НК РМ устанавливает срок погашения налоговых обязательств.

Согласно части (1) ст. 265 НК РМ в случае определения налогового обязательства в установленный срок или на протяжении периода, установленного в ст. 264 НК РМ, оно погашается путем принудительного исполнения налоговым органом в соответствии с настоящим разделом или судебной инстанцией, но только при условии, что действия налогового органа или обращение в судебную инстанцию имели место в течение шести лет после определения налогового обязательства.

По нашему мнению, срок погашения налогового обязательства является весьма длительным и его следует сократить до 1 года.

При этом следует учесть, что частью (5) ст. 30 КоП РМ установлен одногодичный срок давности исполнения административных наказаний. Кроме того, этот длительный срок погашения налоговых обязательств может быть приостановлен.

Так, согласно части (2) ст. 265 НК РМ срок давности приостанавливается в случае, если:

а) налогоплательщик - физическое лицо находится под арестом или приговорен к лишению свободы, - на период его нахождения под арестом или в заключении;

б) налогоплательщик - физическое лицо отсутствует в Республике Молдо-

ва более шести месяцев, - на период его отсутствия;

с) должностное лицо налогоплательщика - юридического лица отсутствует в Республике Молдова более шести месяцев, - на период его отсутствия;

д) предоставлена отсрочка или рассрочка погашения налогового обязательства, - на период отсрочки или рассрочки;

е) судебная инстанция вынесла решение о взыскании налога (пошлины), сбора, пени и/или штрафа, - на период до погашения налогового обязательства или до того, как судебное решение утратит силу.

Предложение. По нашему мнению, часть (2) ст. 265 НК РМ также нуждается в корректировке. Нахождение в заключении не должно приостанавливать исполнение, т.к. заключение не препятствует обращению к взысканию на недвижимое имущество заключенного.

3. НК РМ устанавливает 4-летний срок для определения налогового обязательства и перечень случаев, когда этот срок не применяется, и 6-летний срок погашения налоговых обязательств.

КоП РМ устанавливает одногодичный пресекательный срок для применения санкций за нарушения налогового законодательства, который не может быть ни приостановлен, ни восстановлен и одногодичный пресекательный срок исполнения административного наказания.

Предложение. По нашему мнению, следовало бы существенно сократить сроки определения налоговых обязательств и сроки их погашения. По истечении длительного срока налогоплательщику трудно доказать отсутствие правонарушения.

Налогоплательщик может вернуть уплаченные излишне суммы, только если не истек 6-летний срок, установленный ст. 266 НК РМ.

Заявление о компенсации или возмещении переплат или сумм, подлежащих возмещению согласно налоговому законодательству, может быть подано налогоплательщиком в течение шести лет со дня их осуществления и/или возникновения. Заявление, поданное по истечении шести лет, считается недействительным. В этом случае компенсация и возврат не осуществляются, за исключением случаев, предусмотренных частью (2) ст. 266 НК РМ. Подача заявления приостанавливает действие указанного срока.

Налоговый орган может восстано-

вить пропущенный срок и удовлетворить заявление о компенсации и/или возмещении переплат или сумм, подлежащих возмещению согласно налоговому законодательству, если налогоплательщик представит доказательства невозможности соблюдения срока давности, предусмотренного частью (1) ст. 266 НК РМ.

4. Часть (1) ст. 234 НК РМ возлагает на налогоплательщика обязанность доказать законность своих действий (бездействий).

Согласно части (1) ст. 234 НК РМ налоговая санкция не применяется полностью или частично, а в случае, если уже назначена, отменяется полностью или частично при предъявлении доказательств, подтверждающих законность всех действий (бездействия) или отдельных действий (бездействия), считавшихся ранее противоправными. Достоверность и подлинность представленных доказательств могут быть проверены налоговым органом у источника их происхождения или у других лиц. Документы, представленные с нарушением установленных налоговым органом сроков или после осуществления налогового контроля, проверяются в обязательном порядке.

И согласно части (3) ст. 267 НК РМ обязанность доказывания ошибочности решения, вынесенного налоговым органом, возлагается на лицо, подавшее жалобу.

Часть (1) ст. 234 НК РМ и часть (3) ст. 267 НК РМ противоречат части (1) ст. 11 НК РМ, согласно которой все сомнения, возникающие при применении налогового законодательства, должны толковаться в пользу налогоплательщика.

Предложение. По нашему мнению, следует изменить часть (1) ст. 234 НК РМ и часть (3) ст. 267 НК РМ, установив принцип презумпции невиновности налогоплательщика.

При этом следует учесть, что ст. 375 КоП РМ устанавливает презумпцию невиновности правонарушителя. Она гласит: «Любое лицо, обвиняемое в совершении правонарушения, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим кодексом. Никто не обязан доказывать свою невиновность. Выводы о виновности в совершении правонарушения не могут основываться на предположениях. Все неустранимые в соответствии с настоящим кодексом сомнения в виновности толкуются в пользу лица, в отношении

которого возбуждено производство о правонарушении».

5. Согласно части (2) ст. 234 НК РМ лицо, привлекаемое к ответственности за совершение налогового нарушения, имеет право на уменьшение штрафа на 50 процентов при строгом соблюдении им следующих условий:

а) не имеет недоимки на дату принятия решения по делу о налоговом нарушении или погашает ее одновременно с выполнением условий пункта б);

б) в течение трех рабочих дней со дня вручения ему решения по делу о налоговом нарушении уплачивает суммы налогов (пошлин), сборов, пени и/или 50 процентов штрафов, указанные в решении;

в) представляет в срок, предусмотренный для добровольного исполнения решения по делу о налоговом нарушении, документы, подтверждающие уплату сумм, предусмотренных пунктами а) и б).

На основании представленных в соответствии с пунктом в) документов орган, уполномоченный рассматривать дела о налоговых нарушениях, в срок до 10 рабочих дней должен принять решение об уменьшении штрафа на 50 процентов. В случае, когда после принятия решения об уменьшении штрафа устанавливается несоблюдение хотя бы одного из условий, предусмотренных пунктами а) и б), соответствующий орган аннулирует решение, и лицо не может пользоваться правом на 50-процентное уменьшение штрафов.

Предложение. КоП РМ устанавливает более простой способ льготной оплаты штрафа. Согласно части (3) ст. 34 КоП РМ правонарушитель вправе внести половину установленного штрафа в случае уплаты его в течение 72 часов с момента наложения такового. В этом случае наказание в виде штрафа считается исполненным в полном размере. По нашему мнению, такой упрощенный порядок следует установить и для штрафов, установленных НК РМ.

6. Решения налоговых органов о применении штрафов за нарушение налогового законодательства, установленных НК РМ, могут быть обжалованы в порядке, установленном НК РМ, и законом РМ «Об административном суде» и ГПК РМ.

Порядок рассмотрения жалоб на решения налоговых органов о применении штрафов, установленных КоП РМ, регулируется ст. ст. 448, 452-477 КоП РМ.

Решение налогового органа о применении санкций, предусмотренных НК РМ, согласно закону РМ «Об административном суде» и ст. ст. 33, 33¹, 85, 166, 167 ГПК РМ может быть обжаловано в суд первой инстанции. Решение этого суда может быть обжаловано в апелляционном порядке, установленном ст. ст. 357-394, 396 ГПК РМ.

Определение апелляционной палаты может быть обжаловано в кассационном порядке, установленном ст. ст. 429-445 ГПК РМ.

Решения судебных инстанций могут быть пересмотрены в ревизионном порядке, установленном ст. ст. 446-453 ГПК РМ.

Согласно ст. ст. 448, 452-464 КоП РМ жалобы на решения налоговых органов о применении штрафов, установленных КоП РМ, рассматриваются судами первой инстанции. Решения этих судов могут быть обжалованы в кассационном порядке, установленном ст. ст. 465-474 КоП РМ, и в ревизионном порядке, установленном ст. ст. 475-477 КоП РМ.

Имеются противоречия между частью (3) ст. 267 НК РМ, согласно которой доказать ошибочность решения налогового органа должно лицо, подавшее жалобу, и частью (3) ст. 24 закона РМ «Об административном суде», согласно которой при рассмотрении в административном суде искового заявления об аннулировании обжалуемого административного акта предоставление доказательств вменяется в обязанность ответчика.

Предложение. По нашему мнению, следует изменить часть (3) ст. 267 НК РМ, возложив на налоговый орган обязанность доказать законность своего решения о применении санкций.

7. Составы налоговых правонарушений, предусмотренных частями (1) и (2) ст. 254 НК РМ, имеют большое сходство с составами налоговых правонарушений, предусмотренных частями (1) и (2) ст. 293¹ КоП РМ, что видно из сравнения этих норм.

Согласно части (1) ст. 254 НК РМ занятие деятельностью при отсутствии контрольно-кассовых машин в случае, когда законодательством предусмотрено их использование, влечет наложение штрафа в размере 1500 леев за каждый случай.

Согласно части (1) ст. 293¹ КоП РМ использование контрольно-кассовых машин без фискальной памяти, неопломбированных, не за-

регистрированных в налоговом органе, влечет наложение штрафа на должностное лицо в размере 50 условных единиц.

Литература:

1. «Налоговое право России: Учебник для вузов», отв. ред. Ю.А.Крохина, Москва, 2005 г., стр. 479
2. «Налоговое право России: Учебник для вузов», отв. ред. Ю.А.Крохина, Москва, 2005 г., стр. 487
3. Официальный монитор РМ № 128-129 от 13.09.2002 г.
4. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 08.02.2007 г.
5. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 01.01.2007 г.
6. Официальный монитор РМ № 3-6 от 16.01.2009 г.
7. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 03.10.2006 г.
8. Официальный монитор РМ № 111-115 от 12.06.2011 г.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

В. НОВРУЗОВ,
доктор права
Р. СУЛТАНОВ,
соискатель ученой степени доктора права

SUMMARY

The article is dedicated to modern problems of political participation of the citizens of institutionalization power in the democratic countries. Legal basics of formation of public authority in countries in transition are analysed. In particular are investigated particularities in performance of function of a public authority, interaction between personality and institutionalized power of state under conditions of democratic societies and issues related to legal basics of formation of public power in democratic countries.

Keywords: citizen, political participation, public power, democratic society.

Анализируются актуальные проблемы политического участия граждан в управление государством: становление власти, ее механизм формирования, правовые основы организации власти в странах молодой демократии; взаимодействие индивида с властью в демократических обществах; проблемы формирования гражданского общества как концентрированного выражения правовых властеотношений в государстве в процессе демократизации страны.

Ключевые слова: гражданин, политическое участие, власть, демократическое общество.

Постановка проблемы. Известно, что ни право, ни государство не могут существовать вне общества. В свою очередь, «общество есть неким образом организованные люди», а власть выступает важным фактором их организации и интеграции в единое целое. Общество без власти утрачивает такие важнейшие качества как регулирование и порядок. С другой стороны, различные типы и формы власти должны рассматриваться сквозь призму общества, в условиях которых они формировались. Под обществом в широком смысле понимается совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. Это – своего рода идеальная «конструкция», в рамках которой люди рождаются, живут, взаимодействуют друг с другом. В том, как «сконструировано» общество, проявляется его культура, отражающая характер институтов власти, форм собственности, системы ценностей, норм поведения и т.д.

Власть есть необходимый атрибут всякого общества. Ее можно определить как способность известных классов, социальных групп либо индивидов проводить свою волю через некую социальную среду, используя, при необходимости, принуждение» [4, с. 9].

Актуальность темы. Переход от одной системы правления в государстве к другой не может быть одномоментным и повсеместным, однозначным и безусловным. Переходный этап общества к другой ступени развития сопровождается значительным числом проблем, множеством противоречивых процессов, разнонаправленных тенденций и т.п. Это потому, что человеческое общество, как саморазвивающаяся система, закономерно переходит из одного качественного состояния в другое. Новые преобразования глубоко изменяют общество во всей его полноте [2, с. 135].

Политические кризисы во многих постсоветских государствах – это наглядное выражение переломных моментов становления государственного механизма политической системы власти.

Формирование политической системы, ее функционирование является актуальной, фундаментальной и одной из наиболее главных основ в строительстве правового государства в странах пост тоталитарной системы.

Сложность ситуации обусловлена теми позитивными и негативными изменениями, которые происходят во всех сферах: политической, общественной и экономической жизни обществ демократического направления. Однако, по нашему мнению, - это в основном, разрыв между продекларированными конституцией постулатами и их осуществлением в реальной жизни.

Целью этой статьи является исследование актуальных проблем организации власти в странах молодой демократии и формирования гражданского общества как концентрированного вы-

ражения правовых властеотношений в государстве в процессе демократизации страны.

Изложение основного материала исследования. Многие государства молодой демократии, согласно конституциям, являются демократическими, правовыми, а некоторые провозглашены и как социальные государства. Однако, к сожалению, то, что пишется в основных законах, во многих случаях остается лишь идеалом, к которому стремится каждое государство.

Вместе с тем, в конституционном строительстве обнаруживаются новые аспекты функционирования и взаимодействия властей в каждой стране, ситуации, возникающие в ходе реформирования конституционной системы в плане большей демократизации общественного и государственного устройства.

«Осмысливая политико-правовое развитие стран освободившихся от недемократических форм организации государственной власти, в том числе в Республики Молдова, наука конституционного права сталкивалась и сталкивается с большими трудностями. Это потому что социально-политическое развитие данных стран имеет свои специфические особенности, которые не могут быть предугаданы мировой моделью перехода к демократии» [3, с. 5].

Качественно новые конституционно-правовые отношения в системе образовавшейся власти в странах

переходного периода обусловили демократические предпосылки для дальнейшего совершенствования функционирования власти в целом. Речь идет о последних конституционных реформах в странах переходного периода.

Разрушение прежней системы власти и возникновение на ее месте новых демократических политических институтов – это процесс длительного времени. В настоящее время основополагающим фактором развития являются процессы глобализации, т.е. формирования единого мирового экономического, социального и политического пространства, а также процессы интернационализации многих юридических институтов, в том числе в Республике Молдова и в Азербайджанской Республике. Одновременно с экономической глобализацией отчетливо наблюдаются процессы глобализации права или юридической глобализации. Она затрагивает самые различные отрасли права, в наибольшей мере они касаются финансового, экономического и экологического и конституционного права [1, с. 6].

Одним из важнейших правовых институтов в формировании и функционировании власти является принцип разделения власти. В советских республиках принцип разделения власти отвергался в пользу принципа «единства власти», выражающегося в «полновластии» представительных органов, советов, на которые переходило осуществление народного суверенитета.

Проблемы формирования политической системы власти в странах молодой демократии постсоветского пространства сопряжены с уровнем развития гражданского общества, демократии, политического и идеологического плюрализма, степенью соблюдения прав и свобод человека и гражданина в данных странах.

Ряд важных вопросов, связанных с последними конституционными реформами в странах молодой демократии переходного периода, являются проблемы взаимодействия индивида с властью. Это проблемы формирования гражданского общества в качестве централизованного выражения властеот-

ношений в государстве в переходном пост социалистическом периоде. Особое место среди них занимает создание эффективного механизма ограничения власти правом.

Свободное, добровольное участие граждан в политике является одним из важнейших индикатором качественных особенностей политических систем, степени их демократизма. В демократическом обществе, теоретически, такое участие – всеобщее, равноправное, инициативное и действенное, особенно в решении вопросов, затрагивающих существенные интересы граждан и находящихся в их непосредственной компетенции. Оно выступает для них средством достижения своих целей и интересов, реализации потребностей в самовыражении и самоутверждении чувства гражданственности. Такое участие обеспечивается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, в совокупности составляющими основы правового государства, демократического политического режима [5, с. 715].

К большому сожалению, в странах молодой демократии не всегда конституция государства рассматривается как важнейший механизм внутренней стабилизации власти, как юридический механизм, ограничивающий власть правами человека и гражданина. Политическая элита, пришедшая к власти, старается любыми путями создать «под себя» конституцию страны.

Также не всегда соблюдаются правовые принципы в функционировании политической власти в странах молодой демократии, нередко они превращаются в систему «дележки» министерскими портфелями между политическими партиями, выигравшими выборы, что свидетельствует о попрании устоев правовой государственности, как важнейшего механизма формирования и функционирования политической системы страны.

Современные проблемы организации и осуществления политической системы власти в странах посттоталитарной системы сопряжены с различными формами правления и политическими режимами.

Трудности, которые испытывают общества переходного периода стран молодой демократии на пути формирования действенной власти, обусловлены не только кризисным положением в экономике, но и просчетами в политике.

Формирование действенного и эффективного механизма политической власти связано с правильным научным объяснением целого ряда теоретических и практических вопросов, таких, как ограничение правом деятельности органов публичной власти, установление юридических норм правовой государственности, охрана конституции, как важнейший механизм внутренней стабилизации общества переходного периода и др.

Связанность власти правом, законом является одним из важнейших условий становления и функционирования власти в обществах переходного периода. Вся совокупность форм, методов, инструментариев, структур, систем, принципов и институтов, составляющих механизм реализации власти в государстве, нацелена на реальное повсеместное осуществление принципов правового государства.

Конституционно-правовой механизм формирования и функционирования власти в странах посттоталитарной системы является комплексным и многоплановым на пути поиска форм и способов формирования власти в построении демократических политических систем.

Современное состояние процесса формирования политических институтов в странах постсоветского пространства свидетельствует об трудных, многогранных, а иногда и неадекватных поисках в определении устройства самого механизма политических институтов власти в странах. Путь от тоталитарной системы к демократическим политическим институтам власти, к свободному гражданскому обществу труден и полон как политических удач, так и неудач.

К большому сожалению, молодая политическая элита не всегда понимает трудности демократического процесса, не всегда способна обладать политиче-

ской дальновидности, а хочет извлечь из политического процесса только сиюминутную выгоду, не способна идти на компромисс, одним словом, не обладает должной политической культурой, не говоря об юридической, моральной и т.д.

Проблемы соотношения между демократией и властью в странах переходного периода свидетельствуют об уровне реализации принципа разделения и взаимодействия властей в странах молодой демократии, о степени формирования гражданского общества, о контроле общественности над работой органов государственной власти, о присутствии или отсутствии взаимной ответственности индивида и государства в странах, строящих демократические политические системы.

Немаловажное значение в данном процессе должно отводиться и правовым проблемам деятельности местной публичной власти и управления.

Развитие конституционно-правовых основ формирования политических институтов власти в странах молодой демократии основывается на принципах организации власти. Это: суверенность государственной власти, демократизм формирования и функционирования органов власти, верховенство права, постоянство и детерминированность полномочий органов государственной власти, легитимность организации и осуществления государственной власти, ответственности ее органов и должностных лиц, формирование гражданского общества в переходном посттоталитарном периоде, современные принципы осуществления политической власти; правовые проблемы регулирования местной публичной власти и управления в обществах переходного периода и мн. др.

К сожалению, молодая политическая элита многих стран, переходящих на демократический путь развития, не прониклась еще мыслью о власти как о деятельности государства, его органов и должностных лиц по осуществлению законодательства, исполнению законов и правосудия путем принятия соответствующих решений в пределах и в порядке, предусмотренных конституцией и законами.

В литературе по специальности совершенно справедливо утверждается, что «скоротечный «перемонтаж» коммунистической идеологии на либеральные духовные и политические ценности породил в сознании россиян политико-культурный вакуум. Большинство их еще не овладело минимумом научных сведений о рыночной экономике, правовом государстве и гражданском демократическом обществе. Сама политика рассматривается рядовыми российскими гражданами больше как способ манипулирования общественным мнением со стороны тех или иных лидеров и конфликтующей с властью оппозицией» [6, с. 3].

В общих чертах, известны два основных подхода к вопросу масштабов политического участия граждан в управлении страной. Первый выступает за его всемерное расширение и внедрение демократических принципов практически во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни. С точки зрения данного подхода, это является надежным механизмом легитимации политической власти, создает возможность контроля действия властей и минимизации насилия в политической жизни.

С другой стороны, это рассматривается как угроза чрезмерному расширению политического участия граждан в осуществлении государственной власти. С их точки зрения инструменты принятия решений следует сохранить в руках парламентариев.

Однако, современный абсентеизм на выборах отражает кризис политического участия граждан в управлении делами страны.

Наиболее оптимальным выходом из него является расширение институциональной базы представительства интересов – совершенствование партийной структуры и электоральных процессов, оформление деятельности различных групп давления.

Не исключено, что правящие элиты могут попытаться ввести новые требования в рамках традиционных институтов или же ограничить их, заменив формами мобилизованного или принудительного участия.

Заключение. Следует отметить, что кризисы политического участия граждан в осуществлении государственной власти практически неизбежны даже в современных демократических системах, что обусловлено динамикой развития современного общества, масштабом и скоростью экономических и социальных перемен. Их неразрешенность создают почву для делегитимизации власти, поэтому преодоление подобного рода кризисов актуально как для рядового гражданина, так и для элит политической системы [5, с. 716].

Литература:

1. Конституционное право: новейшие зарубежные исследования. Сборник научных трудов. Москва, 2005.
2. Костаки Георге, Новрузов Вугар. Демократические преобразования общества и власти в переходном периоде. Монография. Кишинэу: «Центральная типография», 2011.
3. Мишин Вадим. Разделение властей в государстве в переходном периоде, Кишинэу: „Tipografia Centrală”, 2003.
4. Ротару Михаил. Основы государства и права республики Молдова. Курс лекций. Кишинэу: Издательство МЭА, 2007.
5. Султанов Рахим. Политическое участие как выражение демократии. В кн: „Contribții științifice la edificarea și consolidarea statului de drept. Chișinău: „Tipografia Centrală”, 2011.
6. Шилболд И.М. и др. Политика и право. Москва: Дрофа, 1997.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСОБЕННЫЕ ФАКТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В. ХАХАНОВСКИЙ,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий Национальной академии внутренних дел (Украина)

SUMMARY

The article discusses the theoretical understanding of the issues of a relatively new concept as computer information, as well as some aspects of its use in criminal proceedings.

Keywords: computer, information, computer information, computer forensically significant information, the information process, a computing system, the computing environment, the electronic document, virtual tracks.

В работе рассматриваются теоретические вопросы понимания такого сравнительно нового понятия, как компьютерная информация, а также некоторые аспекты его использования в уголовном процессе.

Ключевые слова: компьютер, информация, компьютерная информация, криминалистически значимая компьютерная информация, информационный процесс, вычислительная система, вычислительная среда, электронный документ, виртуальные следы.

Постановка проблемы. Повышение значения информации, а также информационных процессов в современном обществе обусловили широкую дискуссию по этому поводу ученых-юристов. Кроме того, быстрое развитие современных информационных технологий, активное их использование в борьбе с преступностью требуют адекватного толкования, уточнения со стороны правоведов некоторых новых для правоохранительной науки и практики понятий, одним из которых является понятие «компьютерная информация».

Актуальность темы. Проблема места, роли и юридического статуса компьютерной информации в правовой сфере занимался ряд ученых стран СНГ, среди них: Е.Р. Аверьянова, Ю.Н. Батулин, В.В. Бирюков, В.Н. Бутузов, Д.В. Вершок, В.Б. Вехов, В.А. Голубев, В.Д. Гавловский, Н.А. Зигура, А.В. Касаткин, В.Е. Козлов, В.А. Копылов, Л.Б. Краснова, В.В. Крылов, С.П. Кушниренко, В.А. Мещеряков, А.С. Овчинский, С.С. Овчинский, Е.П. Панфилова, Н.С. Полевой, Е.Р. Россинская и др.

Вместе с тем, отмечая значительный вклад этих и других ученых, которые изучали отдельные аспекты компьютерной информации в предупреждении преступлений, их раскрытии и расследовании, данная проблема далеко не исчерпана и требует дальнейших научных исследований. В частности, в настоящее время среди авторов отсутствует единое определение понятия «компьютерная информация». Именно проблемам компьютерной информации как одному из важнейших в современных условиях источников доказательственной информации посвящена эта статья, в чем и заключается ее актуальность и новизна.

Цель статьи – изучение компьютерной информации в контексте особенных фактических данных в уголовном процессе.

Изложение основного материала исследования. Понятие «компьютерная информация», которое можно рассматривать как одну из форм существования информации – электронно-

цифровую форму, возникло вместе с изобретением в середине прошлого столетия Джоном фон Нейманом электронно-вычислительной машины (компьютера).

Наверное, первым понятие компьютерной (машинной) информации определил в 1990 году И.З. Карась, который понимал ее как информацию, которая циркулирует в вычислительной среде, зафиксированную на физическом носителе в форме, доступной для понимания ЭВМ, или передается телекоммуникационными каналами [1, с. 40].

В.Б. Вехов в 1995 году усовершенствовал это определение, предложив его в такой редакции: «Под машинной информацией понимается информация, циркулирующая в вычислительной среде, зафиксированная на физическом носителе в форме, доступной для восприятия ЭВМ, передается по телекоммуникационным каналам: сформированная в вычислительной среде информация, пересылаемая благодаря электромагнитным сигналам с одной ЭВМ в другую, из ЭВМ на периферийное устройство или управляющий датчик оборудования» [2, с. 32].

В середине 90-х годов прошлого века в странах СНГ компьютерная информация (на машинном носителе, в компьютере) была выделена как объект уголовно-правовой охраны, что послужило началом научной дискуссии по этому поводу.

В частности, П.Н. Панченко отождествлял компьютерную информацию с общим понятием информации. С.В.

Бородин, Ю.И. Ляпунов и С.В. Максимов предлагали под компьютерной информацией понимать информацию на машинном носителе, в ЭВМ, их системе или сети [3, с. 9].

С криминалистической точки зрения это понятие исследовал В.В. Крылов и пришел к выводу, что как предмет преступного посягательства компьютерная информация – это сведения, знания или набор команд (программ), предназначенных для использования в ЭВМ или управления ею [4, с. 35].

А.В. Касаткин, а также С.П. Кушниренко и Е.И. Панфилова к машинным носителям относят также и бумажные носители информации [5, с. 26], [6, с. 24].

Вместе с тем, В.А. Мещеряков понимает компьютерную информацию как информацию, представленную в специальном (машинном) виде, предназначенном для ее автоматизированной обработки, хранения и передачи, которая находится на материальном носителе и имеет собственника, установленного порядком ее создания (генерации), обработки, передачи и уничтожения» [7, с. 57].

Е.Р. Россинская считает, что компьютерная информация в процессе доказывания – это фактические данные, обработанные компьютерной системой и (или) те, которые передаются по телекоммуникационным каналам, доступные для восприятия, и на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела [8, с. 30].

В 2001 г. в городе Минск (Беларусь) в рамках Договоренности о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации стороны согласились с определением компьютерной информации для использования в национальных уголовных законодательствах для квалификации преступных деяний в этой сфере, а именно: «информация, на-

ходящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях, в форме, доступной для восприятия ЭВМ, или такой, которая передается по каналам связи».

По мнению Н.А. Зигуры, компьютерная информация – это сведения, представленные в электронно-цифровой форме на материальном носителе, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи информации, а также набор команд (программ), предназначенные для использования в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или управления ими. Причем автор подчеркивает. Что компьютерная информация как вид доказательств является комплексным образованием, поэтому она будет иметь значение доказательства при наличии нескольких элементов, а именно: носителя компьютерной информации; процессуального акта – протокола осмотра компьютерной информации, в котором описано происхождение носителя такой информации, условия и обстоятельства его обнаружения, изъятия, упаковки, а также краткое описание содержания находящейся на нем информации (может быть представлена распечатка) с указанием реквизитов такой информации [9].

Д.В. Вершок считал, что компьютерная информация является разновидностью радиоэлектронной информации [10, с. 8].

В.Б. Вехов, проанализировав приведенные и другие позиции ученых-юристов, сделал, на наш взгляд, весьма важные и правильные выводы относительно рассматриваемого понятия, а именно:

- компьютерная информация – это сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе или передаваемые каналами связи при помощи электромагнитных сигналов;

- компьютерная информация является одной из объективных форм существования информации – электронно-цифровой формой, она всегда будет опосредована через материальный носитель, без которого физически не может существовать;

- как и некоторые другие материальные вещи, компьютерная информация может быть предметом коллективного пользования, поскольку доступ к ней могут одновременно иметь несколько человек (например, при работе в сети Интернет);

- компьютерная информация достаточно просто и быстро превращается из одной объективной формы в другую, копируется на определенные виды материальных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные

только радиусом действия современных средств связи;

- осуществление процессов сбора, исследования и использования криминалистически значимой компьютерной информации возможно только с помощью специальных орудий – компьютерных программ, баз данных, машинных и других материальных носителей, электронно-цифровых устройств, компьютерных систем и сетей [11, с. 8].

Нормативно-правовое определение компьютерной информации можно найти в разделе XVI Уголовного кодекса Украины (в частности – ст. 361, 362), где компьютерная информация понимается как текстовая, графическая или любая другая информация (данные), которая существует в электронном виде сохраняется на соответствующих носителях и которые можно создавать, изменять или использовать при помощи ЭВМ [12].

Относительно международных нормативно-правовых документов в Конвенции о киберпреступности понятие «компьютерная информация» не упоминается, вместе с тем можно найти понятие «электронная информация». Кроме того, в Конвенции многократно используется понятие «компьютерные данные», которое определяется как «любое представление фактов, информации или понятий в форме, пригодной для обработки в компьютерной системе, включая программу, подходящую для того, чтобы вызвать выполнение определенной функции компьютерной системой» [13].

Кроме того, ряд авторов, рассматривая «электронные документы» и «электронные вещественные доказательства» (в частности, Л.Б. Краснова), считают, что их отличием от обычных доказательств является «виртуальная природа закрепления на них информации». Вместе с тем, мы поддерживаем позицию В.Б. Вехова о том, что в основе любого электронного документа лежит электронно-цифровая природа фиксации информации, кроме того, понятие «виртуальный» происходит от лат. «virtualis» – «то, что не имеет физической реализации или воспринимается иначе, чем реализовано в действительности». Также, с позиций криминалистики «виртуальных следов» или «виртуального пространства» не может быть в принципе.

В.А. Мещеряков и некоторые другие авторы утверждают, что «виртуальные следы» существуют на материальном носителе, однако недоступны для непосредственного восприятия [14]. Вместе с тем, следы пальцев рук, изображения на фотопленке или остаточная намагниченность на аудио- и видеоносителях тоже могут быть незаметными без использования определенного оборудования, что не является поводом считать их нематериальными.

Выводы. Итак, электронно-цифровые следы – это любая криминалистически значимая компьютерная информация. Такие следы являются материальными, они могут быть как видимыми, так и невидимыми. Компьютерная информация из невидимых следов может быть считана при помощи соответствующего инструментария и использована в уголовном процессе.

Список использованной литературы:

1. Карась И.З. Экономический и правовой режим информационных ресурсов // Право и информатика / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 40.
2. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1995. – С. 32.
3. Ляпунов Ю.И., Максимов С. В. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. – 1997. – № 1. – С. 9.
4. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1997. – С. 35.
5. Касаткин А.В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: ЮИ МВД России, 1997. – С. 26.
6. Кушниренко С.П., Панфилова Е.И. Уголовно-процессуальные способы изъятия компьютерной информации по делам об экономических преступлениях: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: СПбЮИ Генпрокуратуры России, 2003. – С. 24.
7. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 57.
8. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. – М.: Право и Закон, 2001. – С. 30.
9. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010.
10. Вершок Д.В. Правовой режим радиоэлектронной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск: БГУ, 2003. – С. 8.
11. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России. – 44 с.
12. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2001, № 25-26, ст.131.
13. Конвенція про кіберзлочинність // Офіційний вісник України. – 2007. – № 65. – С. 107. – Ст. 2535.
14. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 67–68.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С НОВЫМ УПК УКРАИНЫ

Н. ПОГОРЕЦКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правосудия юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, заслуженный деятель науки и техники Украины

И. СУХАЧОВА,

помощник прокурора Голосеевского района г. Киева

SUMMARY

Based on results of the analysis of the rates criminal procedure legislation and legislation about operative-search activity, and practice of application of legislation the problem questions of directorate of public prosecutions for the use of materials of operative-search activity during pre-trial investigation in accordance with new CPC of Ukraine are examined.

Keywords: crime, pre-trial investigation, directorate of public prosecutions, materials of operative-search activity, consequence (search) actions, proofs.

В статье на основании результатов анализа норм уголовного процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности, а также правоприменительной практики рассматриваются проблемные вопросы прокурорского надзора за использованием материалов оперативно-розыскной деятельности в ходе досудебного расследования в соответствии с новым УПК Украины

Ключевые слова: прокурорский надзор, материалы оперативно-розыскной деятельности, досудебное расследование, следственные (розыскные) действия, доказательства.

Постановка проблемы. Мировой опыт борьбы с преступностью свидетельствует о том, что раскрытие и расследование тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности, организованными преступными сообществами, невозможны без использования тайных средств и методов полиции. Введение новым УПК Украины института негласных (розыскных) следственных действий (гл. 21) и внесение изменений и дополнений в Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» не только не исключает возможности использования материалов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном производстве, но и создает новые возможности их использования для прокурора как процессуального руководителя досудебного расследования.

Актуальность темы исследования. Современная преступность, которой присущи организованность, профессионализм, транснациональный характер, деятельность которой имеет особенно тяжкие последствия, представляет опасность не только для национальных интересов отдельного государства, но и для всего мирового сообщества. Она посягает на целый комплекс наиболее значимых социальных ценностей, таких как жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность человека, безопасность общества и государства, частная, общественная и государственная собственность и т. п. Преступные группировки, проникая в органы законодательной власти и государственного управления, в правоохранительные и судебные учреждения, лоббируют в них свои незаконные интересы, причиняют значительные убытки обществу и государству, а также конкретному человеку, который в соответствии с

Конституцией Украины (ст. 3) является наивысшей социальной ценностью в государстве.

Высокая техническая оснащённость преступных группировок, наличие у них собственной разведки и контрразведки, владение ими новейшими формами и методами противодействия правоохранительным и судебным органам усложняет, а иногда и делает невозможным выявление признаков совершенных ими преступлений только уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами. Большое значение в этом случае приобретает ОРД с присущими ей специфическими формами и методами, позволяющими обнаруживать и документировать преступления на стадиях их подготовки или совершения, осуществлять профилактическую деятельность преступности.

Следует отметить, что до принятия нового УПК Украины 2012 года и внесения изменений и дополнений в Закон

Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее закон об ОРД) в свыше 85 % уголовных производств, расследованных следственными органами Украины, в том числе в 100 % уголовных производств о тяжких неочевидных преступлениях и преступлениях, совершенных организованными преступными группировками, использовались материалы ОРД.

С принятием нового УПК Украины и внесением изменений и дополнений в Закон Украины об ОРД, а также принятием в связи с этим новых ведомственных правовых актов, использование материалов ОРД в уголовном процессе Украины и, особенно, в первые месяцы действия нового законодательства, значительно ослабилось. Это отрицательно повлияло на раскрытие и расследование преступлений, обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства. Изучение практики использования материалов ОРД в уголовном процессе Украины, выявило ряд причин их неэффективного использования, что актуализирует научную разработку данной проблемы.

Проблемы использования материалов ОРД в уголовном процессе, в том числе и прокурорского надзора за их использованием на досудебном следствии исследовались в работах украинских и зарубежных правоведов Ю. П. Аленина, Ю. М. Грошевого, Э. О. Дидоренко, Е. А. Доли, А. Ф. Долженкова, В. И. Зажицкого, В. С. Зеленецкого, С. Ф. Еськова, Н. С. Карпова, И. П. Козаченко, И. Н. Козьякова, Е. Д. Лукьянчикова, Д. Й.

Никифорчука, В. П. Пивненко, Б. Г. Розовского, И. В. Сервецкого, Н. В. Сибилевой, Г. П. Середы, Д. Б. Сергеевой, С. Н. Стахивского, В. М. Тертышника, Л. Д. Удаловой, Н. Е. Шумило и др.

Научные исследования указанных авторов и их публикации были подготовлены в условиях действия УПК Украины 1960 г. и Закона об ОРД до внесения в него изменений и дополнений, в связи с принятием нового УПК Украины 1912 г.

В условиях действия нового уголовного процессуального законодательства и Закона Украины об ОРД с внесенными в него изменениями и дополнениями проблема прокурорского надзора за использованием материалов ОРД на стадиях досудебного производства, в связи с новеллами нового законодательства и трудностями в их применении на практике, в правовой литературе пока достаточно не исследована.

Целью настоящей статьи есть выявление отдельных проблемных вопросов прокурорского надзора за использованием материалов ОРД на досудебном расследовании и внесение предложений по их разрешению.

Изложение основного материала. Рассматривая проблемные вопросы прокурорского надзора за законностью использования материалов ОРД в досудебном производстве, следует исходить из того, что в соответствии со ст. 36 КПК 2012 [1] года прокурор является процессуальным руководителем досудебного расследования. Осуществляя надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием, прокурор имеет такие полномочия: начинать досудебное расследование при наличии оснований, предусмотренных настоящим Кодексом; иметь полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся досудебного расследования; поручать органу досудебного расследования проведение досудебного расследования; поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленных прокурором сроки следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, иных процессуальных действий или давать указания об их проведении или участвовать в них, а в необходимых случаях – лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия в порядке, определенном настоящим Кодексом; поручать проведение следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий соответствующим оператив-

ным подразделениям; назначать ревизии и проверки в порядке, определенном законом; отменять незаконные и необоснованные постановления следователей; согласовывать или отказывать в согласовании ходатайств следователя к следственному судье о проведении следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, самостоятельно подавать следственному судье такие ходатайства; сообщать лицу о подозрении; предъявлять гражданский иск в интересах государства и граждан, которые из-за физического состояния или материального положения, недостижения совершеннолетия, преклонного возраста, недееспособности или ограниченной дееспособности не могут самостоятельно защитить свои права, в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом и законом и др.

При осуществлении надзора за досудебным расследованием в форме его процессуального руководства прокурор должен руководствоваться ст. 10 Закона Украины об ОРД в редакции 2013 года [6], где указано, что материалы ОРД могут быть использованы как поводы и основания для начала досудебного расследования (п. 1); для получения фактических данных, которые могут быть доказательствами в уголовном производстве (п. 2); для предупреждения, выявления, прекращения и расследования преступлений, разведывательно-подрывных посягательств против Украины, поиска преступников и лиц, которые бесследно исчезли (п. 3); для обеспечения безопасности работников суда, правоохранительных органов и лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве, членов их семей и близких родственников, а также сотрудников разведывательных органов Украины и их близких родственников, лиц, которые конфиденциально сотрудничают или сотрудничали с разведывательными органами Украины, и членов их семей (п. 4).

При этом следует обратить внимание на то, что нынешняя редакция ст. 10 Закона об ОРД отличается от предыдущей [6] лишь тем, что из ее пункта 1 исключено словосочетание «неотложных следственных действий».

Таким образом, исходя из результатов анализа норм КПК Украины 2012 года, а также норм действующего Закона Украины об ОРД можно сделать вывод, что материалы ОРД на досудебном расследовании могут быть использованы не только для начала досудебного расследования, для получения фактических

данных, которые могут быть доказательствами в уголовном производстве, но и как поводы и основания для проведения любых следственных (розыскных) действий, в том числе и негласных, а также для принятия решений следственным судьей, прокурором и следователем в пределах их компетенции, применения соответствующих мер обеспечения уголовного производства, для обеспечения мер безопасности к участникам уголовного производства и принятия иных решений на досудебном следствии.

Действующее законодательство (УПК Украины 2012 года, Закон Украины про ОРД в ред. 2013 года), как и прежнее законодательство Украины не содержат понятия «материалы оперативно-розыскной деятельности», а определяют лишь направления их использования (ст. 10). Отсутствие определения этого понятия в законодательстве существенно затрудняет их использование в уголовном процессе, в том числе и при осуществлении прокурорского надзора в форме процессуального руководства досудебным расследованием.

Нередко на практике материалы ОРД необоснованно отождествляются с оперативно-розыскным делом.

По содержанию оперативно-розыскное дело представляет собой определенным образом упорядоченную информационную систему, которая находит свое фиксированное отображение в совокупности документов, в том числе с соответствующими приложениями, полученных уполномоченными субъектами определенным законом и ведомственными нормативно-правовыми актами способом, содержащих фактические данные, которые могут быть использованы для принятия решений в ОРД, уголовном процессе и других сферах деятельности в соответствии с определенными законом направлениями.

Анализ материалов ОРД, составляющих содержание оперативно-розыскных дел, дает основания к выделению в них таких признаков: они получают только в соответствии с целями и задачами ОРД; только уполномоченными на это лицами; только после заведения оперативно-розыскного дела; путем проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ); только в установленном законом и ведомственными нормативными актами порядке; они должны оформляться в соответствии с установленной законом и ведомственными нормативно-правовыми актами формой; содержать фактические данные (информацию), являющиеся предметом иссле-

дования соответствующего оперативно-розыскного дела; они представляют собой как документы, в которых фиксируются фактические данные (информация), так и материальные носители такой информации, а также материальные объекты (документы, их копии, предметы, их макеты, вещества, слепки следов и т. п.); в них должен отражаться способ получения оперативно-розыскной информации, документов, предметов и др.; они должны приобщаться к материалам оперативно-розыскной деятельности определенным законом и ведомственными нормативными актами; они являются средством закрепления (фиксации) результатов ОРД и способом их передачи.

Правильное оформление процесса и результатов ОРД позволяет закреплять (фиксировать) и сохранять выявленные фактические данные, которые указывают на признаки преступления, разрабатываемых лиц и другие обстоятельства, имеющие значение для дела; осуществлять их уголовно-правовую и уголовно-процессуальную оценку (дать им уголовно-правовую квалификацию), оценивать их с точки зрения законности их получения, отношения к предмету исследования, достаточности для принятия соответствующего решения в ходе ведения оперативно-розыскных дел и их реализации, а также для использования их в уголовном процессе для начала уголовного производства, проведения следственных (розыскных) действий, принятия других процессуальных решений, а также для получения доказательств); контролировать действия лиц, принимающих участие в ОРД, а также весь ход ОРД; осуществлять прокурорский надзор за ОРД и судебный контроль за проведением ОРМ, ограничивающих права граждан, а также осуществлять прокурорский надзор за их использованием в уголовном судопроизводстве.

Исходя из изложенного, можем сделать вывод, что материалы ОРД — это материально фиксированные источники, которые возникают в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, содержат сведения (информацию) о обстоятельствах совершения уголовного правонарушения, о причастных к нему лицах, а также иные данные, способствующие его раскрытию и расследованию [2, с. 275].

В правоприменительной практике Украины при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства проблемным является получение материалов ОРД органами досудеб-

ного расследования и прокурором.

Действующий УПК Украины и Закон Украины об ОРД 2012 года этот вопрос не регулируют. Подробно этот вопрос регламентирован ведомственными правовыми актами Украины [3].

В п. 3 Приказа МВД Украины от 14 августа 2012 года № 700 «Об организации взаимодействия органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями внутренних дел по предупреждению, выявлению и расследованию уголовных правонарушений», который посвящен правовому регулированию вопросов организации взаимодействия при направлении оперативным подразделением материалов по результатам оперативно-розыскной деятельности к следователю, установлено, что при ведении оперативным подразделением оперативно-розыскного дела (далее — ОРД) относительно лиц, в отношении которых есть данные об участии их в подготовке к совершению преступления, подследственным следственным органам внутренних дел, начальник оперативного подразделения обращается к начальнику следственного подразделения о закреплении за этим ОРД следователя для обеспечения методического сопровождения его реализации и предоставления практической помощи оперативному подразделению (п. 3.1).

Начальник оперативного подразделения с соблюдением режима секретности предоставляет следователю необходимые материалы ОРД для изучения и предоставления в случае необходимости рекомендаций относительно фиксации дополнительных фактических данных о противоправных действиях отдельных лиц и групп, который удостоверяет наличие в этих действиях признаков преступления (п. 3.2.).

В дальнейшем материалы ОРД рассматриваются во время оперативного совещания при участии начальников оперативного, следственного подразделений и работников, которые принимали участие в их подготовке, для определения полноты собранных материалов и наличия оснований для регистрации в ЕРДР.

Одновременно разрабатывается план мероприятий по реализации материалов ОРД, который утверждается начальниками следственного и оперативного подразделений (п. 3.3.).

В случае установления во время проведения оперативно-розыскных мероприятий фактических данных, которые свидетельствуют о признаках преступления в действиях отдельных лиц и групп, но если их прекращение может отрицательно повлиять на результаты

уголовного производства, начальник оперативного подразделения информирует об этом начальника следственного подразделения, и лишь после окончания их проведения материалы ОРД выносятся на рассмотрение оперативного совещания для разработки общих мероприятий по их реализации (п. 3.4.).

Осуществляя надзор за законностью использования материалов ОРД как поводов и оснований для начала досудебного производства, прокурору следует учитывать, что в действующем УПК Украины, в отличие от УПК 1960 года (ст. 94), не выделяются отдельно ни поводы, ни основания. Вместе с тем, такие поводы и основания имеют место в уголовном процессе Украины, как и в любой другой человеческой деятельности.

Проанализировав изложенные в процессуальной литературе точки зрения на определение понятия и содержания повода к началу досудебного расследования [2, с. 286], а также содержание поводов, установленных ч. 1 ст. 214, с учетом их генезиса, гносеологической и правовой природы, считаем целесообразным выделить признаки, которым должен соответствовать такой повод, для правильного определения того повода, через который можно использовать материалы ОРД для начала досудебного расследования.

Таковыми признаками повода, по нашему мнению, являются следующие: а) он должен быть актом волевого действия лица, содержащим данные о совершенном уголовном правонарушении, адресованным уполномоченным органам (следователю, прокурору), либо волевым актом уполномоченного органа, направленным на выявление обстоятельств, свидетельствующих о совершенном правонарушении в ходе реализации ими своих профессиональных функций; б) предусматриваться уголовным процессуальным законом; в) содержать данные, указывающие на совершенное уголовное правонарушение; г) иметь определенную законом процессуальную форму; д) представлять собой юридический факт, порождающий уголовно-процессуальные правоотношения; е) быть началом уголовно-процессуальной деятельности.

Указанные признаки дают основания определить повод к началу досудебного расследования как предусмотренный уголовно-процессуальным законом акт волевого действия лица, адресованный уполномоченным органам, или волевой акт уполномоченного органа, направленный на реализацию им своих полномочий, являющийся юридическим фактом, в результате ко-

того этот орган получает данные, указывающие на совершенное уголовное правонарушение, обязывающие его внести их в Единый реестр досудебных расследований [4] и приступить к началу досудебного расследования, а также порождающие при этом соответствующие уголовно-процессуальные, а в отдельных случаях, и иные правоотношения (например, административные, трудовые, гражданско-правовые и др.).

Исходя из понятия поводов для начала досудебного расследования, а также из анализа конструкции ч. 1 ст. 214 УПК Украины поводами к началу досудебного расследования являются:

а) заявление о совершенном уголовном правонарушении;

б) сообщение о совершенном уголовном правонарушении;

в) самостоятельное выявление из любых источников обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершенном уголовном правонарушении.

При осуществлении надзора за досудебным расследованием прокурор должен иметь в виду, что материалы ОРД могут быть реализованы для начала досудебного расследования только через такой повод, как самостоятельное выявление из любых источников обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершенном уголовном правонарушении.

Основанием для начала досудебного расследования являются обстоятельства, которые могут свидетельствовать о совершенном уголовном правонарушении.

Исходя из этого, в материалах ОРД должны содержаться сведения об обстоятельствах, свидетельствующих о совершенном уголовном правонарушении.

В практике встречаются случаи, когда в ходе ведения оперативно-розыскного дела, при наличии в материалах ОРД сведений об обстоятельствах, свидетельствующих о совершенном уголовном правонарушении, следователем не принимаются меры к внесению их в Единый реестр досудебных расследований.

В этом случае прокурор в соответствии со своими полномочиями, определенными законодательными и ведомственными правовыми актами [5], должен принять соответствующие меры прокурорского реагирования.

Осуществляя прокурорский надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием при использовании материалов ОРД как поводов и оснований для производства

следственных (розыскных) действий, в том числе и негласных (гл. 21-21 КПК Украины), следует руководствоваться ч. 2 ст. 223 КПК Украины.

В соответствии с ч. 2 ст. 223 КПК Украины основанием для проведения следственного (розыскного) действия является наличие достаточных сведений, которые указывают на возможность достижения ее цели. Такие сведения могут содержаться и в материалах ОРД.

При осуществлении прокурорского надзора за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием, используя материалы ОРД для применения мер пресечения, следует исходить из того, что основанием для применения меры пресечения является наличие обоснованного подозрения в совершении лицом уголовного правонарушения (ч. 2 ст. 177 КПК Украины). Эти основания могут содержаться также и в материалах ОРД и использоваться, как правило, в совокупности с другими процессуальными данными.

Осуществляя в ходе процессуального руководства досудебным расследованием прокурорскими средствами обеспечение допустимости доказательств, полученных на основании материалов ОРД, следует исходить из того, что в действующем УПК Украины изложено нормативно-правовое определение доказательств (ст. 84), указаны их источники и виды (ч. 2 ст. 84), установлены правила относимости (ст. 85), допустимости (ст. ст. 86–90 КПК).

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК Украины доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК. Часть 1 ст. 87 УПК Украины устанавливает, что недопустимыми являются доказательства, полученные в результате существенно нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и законами Украины, международными договорами, согласные на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, а также любые другие доказательства, добытые благодаря информации, полученной в результате существенного нарушения прав и свобод человека.

Исходя из вышеприведенных положений, любые материалы ОРД могут быть использованы для получения любых доказательств в уголовном процессе в установленной процессуальной форме для каждого вида доказательств.

Выводы. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о недостаточной эффективности исполь-

зования материалов ОРД в уголовном процессе Украины в условиях действия нового законодательства, хотя в последние месяцы правоприменительной практики наметились положительные тенденции в этом вопросе. Главенствующая роль в использовании материалов ОРД в уголовном производстве отводится прокурору как процессуальному руководителю досудебного расследования, имеющему в своем арсенале достаточно средств прокурорского реагирования на существующие проблемы практического характера.

Список используемой литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України Верховна Рада України; Кодекс України, Закон, Кодекс від 13.04.2012 № 4651-VI.: [Електронний ресурс]: збірник – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>
2. Погорелький М. А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі: Монографія.— Х.: Арсис, ЛТД, 2007. — 576 с.
3. Про організацію взаємодії органів досудового розслідування з іншими органами та підрозділами внутрішніх справ у попередженні, виявленні та розслідуванні кримінальних правопорушень: Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 14 серпня 2012 року № 700 : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://document.ua/pro-organizaciyu-vzajemodiyi-organiv-dosudovogo-rozsliduvannj-doc119907.html>.
4. Про єдиний реєстр досудових розслідувань: Наказ Генеральної прокуратури України від 17.08.2012 № 69: [Електронний ресурс]. – режим доступу : <http://zakon.nau.ua/doc/?uid=1041.50396.3&nobreak=1>.
5. Про організацію прокурорського нагляду за додержанням законів органами, які проводять оперативно-розшукову діяльність: Наказ Генеральної прокуратури України від 03.12.2012 № 4/Гн : [Електронний ресурс]. – режим доступу : http://www.gp.gov.ua/ua/gl.html?_m=publications&_t=rec&id=94102.
6. Про оперативно-розшукову діяльність: закон України від 18.06.1992 р. № 22. : [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2135-12>.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

А. ЖИТНЫЙ,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Харьковского национального университета внутренних дел МВД Украины

SUMMARY

Considered the legal institution of international cooperation in combating crime, the place and role of the national criminal law in the mechanism of the collateral.

Keywords: globalization, against crime, crime prevention, the international legal cooperation, the member countries, and international relations.

Рассматривается правовой институт международного сотрудничества государств в противодействии преступности, определяется место и роль национального уголовного права в механизме его обеспечения.

Ключевые слова: глобализация, противодействие преступности, борьба с преступностью, международно-правовое сотрудничество, страны-участницы, международные отношения.

Постановка проблемы. Процессы глобализации, отражаясь на многих социально-правовых феноменах, способствуя прогрессу современного мира, имеют, тем не менее, и негативные последствия. Один из них – изменение структуры, характера и динамики многих социальных девиаций. Так, современная преступность становится более мобильной и деятельной, чему способствует усиление интенсивности миграционных процессов, либерализация режима пересечения государственных границ, использование правонарушителями новейших телекоммуникационных, информационных, транспортных, банковских и других технологий, позволяющих посягать на охраняемые законом объекты «дистанционно» (находясь за пределами государства, на территории которого причиняется преступный вред). Возросло количество организованных транснациональных преступных объединений, все больше преступных практик (торговля людьми, незаконный оборот психоактивных веществ, контрабанда, продажа оружия и боеприпасов, внутренний и международный терроризм, преступления в сфере информационных технологий и интеллектуальной собственности, международная коррупция, легализация преступно добытого имущества, похищение произведений искусства, перемещение экологически опасных веществ из одних государств в другие и пр.) включают «международный компонент» [1, с. 16; 2].

сотрудничества в противодействии преступности, а также определение места и роли национального уголовного права в механизме его обеспечения.

Изложение основного материала исследования. Первой исторически сложившейся формой международного сотрудничества в борьбе с преступностью стала выдача лиц, совершивших преступление (экстрадиция). Она не утратила своего значения и сегодня, поскольку нарушители закона нередко пытаются уйти от ответственности, скрываясь от органов правосудия за пределами государства, территория которого стала местом преступления [5]. В то же время активно развиваются и другие направления международного сотрудничества (в сфере исполнения наказаний, противодействия незаконному обороту психоактивных веществ, терроризму, коррупционным преступлениям и др.). Более полувека (начиная с первого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшегося в 1955 г. в Женеве), создается глобальная система борьбы с преступностью, включающая главные органы ООН, ее специализированные учреждения и международные организации, а также международные региональные организации по борьбе с преступностью, международные и национальные судебные системы, правоохранительные органы государств [6, с. 10]. В европейском регионе международное сотрудничество по уголовно-правовым вопросам координируется Советом Европы, а также компетентными органами Евросоюза (Европейской комиссией, Советом ЕС) и созданными им наднациональными правоохранительными структурами (Европол, Евроюст).

Возрастает интенсивность между-

Указанные обстоятельства вывели вопросы реакции на преступления за пределы интересов отдельно взятого государства, поскольку его правоохранительные органы при осуществлении уголовного преследования и реализации уголовной ответственности вправе действовать исключительно в пределах национальной уголовно-правовой юрисдикции. По этим же причинам власти отдельной страны не всегда могут самостоятельно обеспечить предупреждение и пресечение преступлений международного характера.

Актуальность темы. «Условия современного мира, – писал известный европейский компаративист Рене Давид, – требуют полного обновления международного права: надо, чтобы между государствами установились, помимо просто мирного сосуществования, новые отношения сотрудничества, как региональные, так даже и всемирные»

[3, с. 9]. Сегодня можно говорить о том, что эволюция преступности объективно создала предпосылки к взаимозависимости и солидарности государств в реализации уголовной политики [4, с. 24–26]. Поэтому комплексное изучение различных аспектов международного взаимодействия при противостоянии преступности приобретает особую актуальность. Среди авторов, посвятивших свои работы названной проблеме в XX–XXI в.в., следует назвать М. Бассиони, В.И. Борисова, Г.И. Тункина, А.М. Бандурку, А.Н. Трайнина, М.Д. Шаргородского, А.Г. Богатырева, Р.М. Валеева, Т.Л. Сыроед, Л.Н. Галенскую, В.Ф. Цепелева, Г.В. Игнатенко, И.И. Карпца, И. П. Блищенко, М.В. Буроменского, П.В. Волосюка, И.В. Фисенко, А.В. Наумова, Л.В. Иногамову-Хегай и некоторых других.

Цель статьи – анализ уголовно-правовых аспектов международного

народных контактов и на уровне национальных правоохранительных органов (межведомственного сотрудничества). К примеру, если в первом полугодии 2011 года в Главное следственное управление Министерства внутренних дел Украины поступило 292 запроса о международной правовой помощи, то за аналогичный период 2012 года их было уже 409 [7].

Сегодня международное «антикриминальное» сотрудничество охватывает криминализацию определенных общественно опасных деяний, унификацию законодательства об ответственности за их совершение, непосредственное пресечение преступлений, проведение в необходимых случаях оперативно-розыскных действий, оказание помощи в расследовании уголовных дел и в осуществлении уголовного преследования, расследование международных преступлений, осуществление уголовного преследования и наказания лиц, виновных в их совершении, обеспечение исполнения уголовных наказаний, постпенитенциарное воздействие, оказание профессионально-технической помощи, предупреждение преступлений [8, с. 25], обмен аналитической, криминологической и оперативной информацией, розыск, арест и конфискацию незаконно переправленных за рубеж капиталов [9, с. 6; 10, с. 431–432]. Отмечая это многообразие, Г. И. Амранов подчеркивает, что правовая основа такой деятельности является комплексной и включает положения как международного уголовного права, так и нормы внутреннего уголовного и связанного с ним законодательства [11]. Аналогичные выводы сделал В. Ф. Цепелев. При этом, по его мнению, сотрудничество государств в борьбе с преступностью следует понимать в двух значениях – как принцип международных отношений и как определенную деятельность, «сложную систему отношений, включающую международную преступность как объект целенаправленного воздействия государств в борьбе с ней, согласованную политику, договорно-правовую основу и внутреннее законодательство, правоприменительную и организационную деятельность субъектов сотрудничества по предупреждению преступности, уголовно-правовой борьбе с ней и исполнению уголовных наказаний при соблюдении установленных правил обращения с правонарушителями». При этом В. Ф. Цепелев определил указанное комплексное правовое образование

как «право международного сотрудничества в борьбе с преступностью» [12, с. 15–16].

Эти концептуально правильные выводы не исключают, тем не менее, возможности некоторых уточнений. В-первых, спорным является включение международного уголовного права в состав предписаний о международно-правовом сотрудничестве государств в сфере уголовной политики. Последние состоят преимущественно из соответствующих решений органов власти государства, направленных на обеспечение взаимодействия между национальными правоприменительными органами по конкретным проблемам в уголовно-правовой сфере [13, с. 367–380]. Основу международного уголовного права составляют решения международных учреждений, организаций, союзов. Как указывает известный западноевропейский специалист в этой отрасли Г. Верле, оно охватывает нормы универсальной юридической значимости, которые устанавливают, исключают или иным образом регулируют ответственность за совершение преступлений по международному праву, наказуемых независимо от того, включены ли они в национальную правовую систему («ключевыми» преступлениями здесь являются военные преступления, преступления против человечности, геноцид и преступление агрессии) [14, с. 38–41].

Во-вторых, следует уточнить содержание и цели рассматриваемого здесь международного сотрудничества. По устоявшейся традиции специалисты рассматривают их сквозь призму криминологической категории «борьба с преступностью». Однако понятийный аппарат современной криминологии, в сфере, касающейся воздействия на преступность, отличается значительным разнообразием («борьба с преступностью», «предупреждение преступности», «контроль над преступностью», «правоохранительная деятельность» и некоторые другие [15, с. 343–345]). Борьба с преступностью – это реакция общества на отдельные преступления с целью сдерживания преступности как явления, посредством применения уголовно-правовых мер воздействия к лицам, совершившим конкретные преступления [16, с. 4]. Международное «антикриминальное» сотрудничество указанными целями и применением указанных средств не ограничивается, в связи с чем говорить о «международной борьбе с преступностью» – значит

сужать реальное содержание этой деятельности субъектов международного права. Более точно ее характеризует категория «международное сотрудничество». Она в большей степени соответствует европейскому подходу к такому виду деятельности, поскольку позволяет охватить как минимизацию противоречий и факторов, порождающих преступность и способствующих ей, так и сокращение отдельных видов преступлений, а также адекватные меры реагирования на уже совершенные преступления [17, с. 163].

В-третьих, сложно согласиться с тем, что положения о сотрудничестве субъектов международных отношений образуют «право международного сотрудничества в борьбе с преступностью». Такая характеристика затрудняет определение их юридической природы, не позволяет уяснить, принадлежат они к международно-правовой или национально-правовой системе, на каких принципах строятся и развиваются, какие субъекты ответственны за их создание и применение. Представляется, что на современном этапе развития юридической науки более правильно говорить об этих предписаниях как об особом правовом институте, регулирующем отношения в сфере взаимодействия самостоятельных субъектов международных отношений (суверенных государств) их официальных представителей (правоохранительных, судебных органов) при совместном решении вопросов, касающихся материально-правовых, процедурных (процессуальных) и организационных аспектов установления, обеспечения и реализации уголовной ответственности, предупреждения преступлений и устранения их негативных социальных последствий. В него интегрированы положения национального законодательства (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного) и международного права, в т.ч. документы универсального характера (например, подписанная 7.10.2002 г. в Кишеневе государствами-участниками СНГ Конвенция о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам [18], Европейская конвенция о выдаче 13.12.1957 г. [19]) и соглашения между отдельными государствами (к примеру, подписанный 13.12.1993 г. Договор между Украиной и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и

уголовным делам [20]). Таким образом в рамках этого института, подчиняясь общим целям и принципам, взаимодействуют предписания, принадлежащие к двум относительно самостоятельным правовым системам (международному праву и праву внутреннему).

Сказанное выше позволяет утверждать, что изучение теоретических и практических аспектов международного сотрудничества в противодействии преступности требует междисциплинарного подхода, объединения усилий представителей разных отраслей юридической науки, а качество нормативного обеспечения этого вида деятельности – согласования положений международного и национального права, входящих в этот институт.

Уголовно-правовая составляющая системы норм и практической деятельности, образующих международное сотрудничество в сфере противодействия преступности, включает в себя целый ряд установлений уголовного законодательства и практику их применения в соответствии с принципами международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. При этом именно национальное уголовное право образует основу этого сотрудничества. Реальная возможность взаимодействия государств в противодействии преступности обеспечивается прежде всего наличием в Особенной части уголовных законов государств норм о преступлениях, которые входят в предмет этой деятельности. К примеру, Дополнительный Протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17.03.78 г. подчеркивает, что выполнение государством участником указанной Конвенции международного судебного поручения об обыске или аресте имущества по делам о финансовых правонарушениях осуществимо при условии установления наказуемости за нарушения такого характера по законодательству обеих сторон (вне независимости от особенностей финансового или налогового законодательства). Таким образом, международное сотрудничество по делам о финансовых правонарушениях невозможно, если одно из государств не криминализовало такие деяния.

В Общей части Уголовного кодекса к нормам, обеспечивающим международное сотрудничество, относятся прежде всего предписания о действии уголовного закона в пространстве, о правовых последствиях осуждения лица за пределами государства, о вы-

даче лица, обвиняемого в совершении преступления и лица, осужденного за совершение преступления (в УК Украины соответствующие предписания содержатся в ст.ст. 6-10).

Необходимым уголовно-правовым элементом анализируемого института является система наказаний в национальном уголовном праве, а также содержание санкций, предусмотренных в уголовном законодательстве государства за совершение преступлений, в отношении которых происходит международно-правовое сотрудничество. Решение ряда вопросов в этой сфере непосредственно зависит от установленного за преступление законодателем государства или от назначенного лицу национальным судом вида наказания. Например, согласно заключенной в рамках Содружества Независимых Государств Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для отбывания наказания от 06.03.1998 г. одним из уголовно-правовых условий передачи государством для отбывания наказания лица является осуждение того за деяния, которые по законам Договаривающихся Сторон, осуществляющих прием-передачу, являются преступлениями, влекущими наказание в виде лишения свободы [21]. Это условие связано с определением в национальном уголовном праве, наказаний, являющихся лишением свободы. Так, в УК Украины предусмотрены несколько видов лишения свободы – на определенный срок (ст. 63), пожизненное (ст. 64 УК), краткосрочное (или арест – ст. 60). К его видам украинские исследователи относят также содержание в дисциплинарном батальоне военнослужащих (ст. 62) и ограничение свободы (ст. 61) [22, с. 17]. Таким образом, реализация положений указанной выше Конвенции возможна в отношении лиц, осужденных в Украине к одному из пяти видов наказаний.

Выводы. В целом же проведенное исследование позволяет не только утверждать о наличии сформировавшегося межотраслевого правового института международного сотрудничества в противодействии преступности, в который интегрированы положения международного и внутреннего права, но и по-новому взглянуть на национальное уголовное право как на материально-правовую основу такого сотрудничества, в связи с чем определять направления дальнейшего развития и совершенствования норм этой отрасли права с учетом ее значения в указанной сфере международных отношений.

Список использованной литературы:

1. Голик Ю. В. Преступность – планетарная проблема. (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. – 215 с.
2. Глобализация и девиантность / науч. ред. Я. Гилинский. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. – 393 с.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М. : Международные отношения, 1999. – 400 с.
4. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. – М. : Издательство БЕК, 1994. – 296 с.
5. Бойцов А. И. Выдача преступников / А. И. Бойцов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 795 с.
6. Нигматуллин Р. В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект) : автореф. дис. на соискание ученой степени доктора юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Р. В. Нигматуллин. – М., 2007. – 43 с.
7. Фаринник В. Міжнародне співробітництво під час кримінального провадження / В. Фаринник // Іменем закону. – 2012. – № 38 (5840). – Вкладка. – С. 81–96.
8. Волосюк П. В. Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / П. В. Волосюк. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – 450 с.
9. Проблеми порівняльно-правового аналізу та адаптації законодавства України у сфері боротьби зі злочинністю до законодавства ЄС / Сердюк О. В., Мошаг Г. Г., Дзюба Ю. П. та ін. ; наук. керівник дослідження О. Ю. Шостко // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / редкол. В. І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2012. – Вип. 23. – С. 3–16.
10. Литвинов О. М. Соціально-правовий механізм протидії злочинності в Україні : монографія. – Х. : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2008. – 446 с.
11. Амранов Г. И. Место и роль уголовного права при реализации международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью / Г. И. Амранов. – М. : Московская государственная академия приборостроения и информатики, 2003. – 150 с.

12. Цепелев В. Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Цепелев Валерий Филиппович. – М., 2001. – 418 с.

13. Буроменский М. Деякі судження про поняття міжнародного кримінального права / М. Буроменський. // Вісн. Академії правових наук України. – 2003. – № 2–3. – С. 359–370.

14. Верле Г. Принципы международного уголовного права : учебник / Г. Верле ; пер. с англ. С. В. Саяпина. – Одесса : Феникс ; – М. : Транслит, 2011. – 910 с.

15. Мартыненко О. А. Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины : монография / О. А. Мартыненко. – Х. : Изд-во Харк. нац. ун-та внутр. дел, 2005. – 496 с.

16. Литвинов А. Н. Противодействие преступности : учебное пособие / Литвинов А. Н., Давыденко Л. М., Давыденко М. Л., Юхно А. А. – К. : «Хай-Тек Пресс», 2011. – 200 с.

17. Шостко О. Ю. Протидія організованої злочинності в європейських країнах : монографія / О. Ю. Шостко. – Х. : Право, 2009. – 400 с.

18. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7.10.2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/997_619.

19. Европейская конвенция о выдаче от 13.12.1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/024.htm>

20. Договір між Україною і Республікою Молдова про правову допомогу та правові відносини у цивільних і кримінальних справах [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/498_604/print1355214124970933.

21. Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для отбывания наказания 06.03.1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/997_195.

22. Сташис В. Актуальные вопросы системы наказаний по Уголовному кодексу Украины 2001 года / В. Сташис // Право Украины. – 2010. – № 9. – С. 16–23.

ШТРАФ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Е. РЯБЧИНСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент, Институт права имени Владимира Сташиса Классического частного университета (Украина, г. Запорожье)

SUMMARY

The criminal statute of countries the CIS, regulating the order of awarding punishment as a fine, is examined in the article, scientific developments in the field of improvement of going near normative determination of concept of fine, his legal nature, sizes, and also his replacement other types of punishments. Accessible judicial practice is analysed on questions of setting of this type of punishment, what problems arising up at application of fine in practice to both Ukraine are educed on the basis of and in countries the CIS.

Keywords: fine, size of fine, money penalty, property punishment.

В статье рассматривается уголовное законодательство стран СНГ, регламентирующее порядок назначения наказания в виде штрафа, научные разработки в сфере усовершенствования подходов к нормативному определению понятия штрафа, его правовой природы, размеров, а также его замены другими видами наказаний. Анализируется доступная судебная практика по вопросам назначения этого вида наказания, на основании чего выявлены проблемы, возникающие при применении штрафа на практике как в Украине, так и в странах СНГ.

Ключевые слова: штраф, размер штрафа, денежное взыскание, имущественное наказание, условные единицы измерения размера штрафа.

Постановка проблемы. Современное развитие уголовного права и уголовно-правовой политики Украины, равно как и других государств, характеризуется тенденциями к сужению сферы действия применения наказаний, связанных с ограничением или лишением свободы, за счет более широкого применения альтернативных наказаний, таких как, например, штраф, общественные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др., в том числе и посредством ориентирования судей на применение наказаний, не связанных с лишением свободы как на законодательном (указание непосредственно в норме уголовного закона), так и на правоприменительном уровне.

Это показывает анализ норм уголовного законодательства и доступной судебной практики, разъяснений высших судебных инстанций отдельных стран СНГ по вопросам применения наказаний. Так, указывается, что, если наряду с лишением свободы санкция закона, по которому лицо признается виновным, предусматривает и другие, более мягкие виды наказания, при постановлении приговора необходимо обсуждать вопрос о назначении наказания, не связанного с лишением свободы. Лишение свободы за такие преступления может быть назначено, если суд, исходя из конкретных обстоятельств дела и личности виновного, придет к выводу, что достижение целей уголовной ответственности и, прежде всего, предупреждение новых преступлений со стороны виновного невозможно без изоляции его от общества.

Актуальность темы. В странах бывшего Советского Союза теория уголовного права традиционно относит к имущественным наказаниям, то есть к наказаниям, направленным на ограничение права собственности, такие виды, как штраф и конфискацию имущества, которые, как правило, являются общими наказаниями, применяемыми без ограничения круга лиц. Наказания эти назначаются только в случаях, предусмотренных в санкции соответствующей статьи, при этом конфискация имущества является дополнительным наказанием, а штраф может выступать как основным, так и дополнительным наказанием.

Исследовательский интерес представляет регламентация такого вида имущественного наказания, как штраф, в странах СНГ в сравнительно-правовом аспекте по ряду направлений:

во-первых, наличие штрафа как вида наказания в уголовном законодательстве зарубежных стран; во-вторых, оценка присущих зарубежному законодательству подходов к определению размеров штрафов и выявление на основе этого наиболее оптимальной модели определения размеров штрафов, в том числе и той, которая бы основывалась на соблюдении положения Совета Европы относительно обеспечения адекватности штрафа материальному положению осужденного; в-третьих, расширение рамок компаративного исследования за счет анализа доступной практики применения данного вида наказания в судебной практике зарубежных стран и научной мысли относительно его эффективности в направлении достижения определенных в законе целей уголовного наказания.

Цель статьи – анализ законодательства стран СНГ на предмет использования штрафа как вида наказания.

Изложение основного материала исследования. Изменения социально-экономических факторов развития украинского общества позволили говорить о необходимости поиска новых подходов к защите сферы хозяйствования в современных условиях гуманизации уголовного законодательства в Украине с целью сделать такую защиту более адекватной, целесообразной и достаточной. Внесенные недавно изменения в Уголовный кодекс Украины в значительной мере реформировали нормативные предписания, определяющие как размер штрафа, так и основания и порядок его назначения, замену штрафа иными видами наказаний, освобождение от него и др.¹ Проведенное реформирование неоднозначно оценивается украинскими учеными, в связи с чем целесообразным является исследование подходов зарубежного законодателя к реформированию имущественных наказаний.

Указанным законом, с одной стороны, был декриминализован ряд преступлений в сфере хозяйственной деятельности, а с другой – значительно увеличены размеры штрафов за совершение отдельных из них. При этом для обеспечения системности внесенных изменений украинский законодатель пошел далее и ввел наказание в виде штрафа наряду с наказанием в виде лишения свободы в качестве критерия определения степени тяжести преступлений (ст. 12 УК Украины). Так, до внесения соответствующих изменений размер штрафа определялся в пределах

от 30 до 1000 необлагаемых минимумов доходов граждан (далее – н. м. д. г.)², что составляло в денежном эквиваленте от 510 до 1700 грн. После изменений минимальный размер штрафа остался на прежнем уровне, а максимальный повышен до 50 000 н. м. д. г., или 850 000 грн (приблизительно 104,8 тыс. дол.). При этом украинские ученые справедливо обращают внимание на то, что в законодательстве заложена возможность превышения максимального размера штрафа, поскольку в ст. 53 УК Украины прописано положение, в соответствии с которым размер штрафа определяется судом в зависимости от тяжести совершенного преступления и с учетом имущественного положения виновного в пределах от 30 до 50 000 н. м. д. г., если статьями Особенной части не предусмотрено более высокого размера штрафа³. Несмотря на то, что ученые неоднократно критиковали это положение и предлагали установить в Общей части Уголовного кодекса такой максимальный размер штрафа, который бы не предусматривал возможность выхода за эти рамки в статьях Особенной части [1], украинский законодатель пока остается на своих позициях. Такого положения нет в Уголовных кодексах Республики Молдова, Республики Беларусь, Российской Федерации, Казахстана, Таджикистана и др.

Штраф, как вид наказания, предусмотрен в проанализированных Уголовных кодексах Азербайджанской Республики (далее – УК АзР) [2]; Казахстана [3]; Республики Армения (далее – УК РАр) [4]; Республики Беларусь (далее – УК РБ) [5]; Республики Молдова (далее – УК РМ) [6]; Республики Узбекистан (далее – УК РУз) [7]; Республики Таджикистан (далее – УК РТад) [8]; Туркменистана (далее – УК РТур) [9], Российской Федерации (далее – УК РФ) [10], Украины [11].

Различия в подходе зарубежного законодателя к содержанию и строгости этого наказания заключаются в том, что наименее строгим оно признано в проанализированных Уголовных кодексах, кроме Республики Таджикистан и Республики Беларусь, поскольку в системе наказаний штраф находится на втором месте после общественных работ.

При имеющихся отличиях в определении размера штрафа прослеживается единообразный подход, суть которого сводится к отходу от использования абсолютных величин (как правило, твер-

дые денежные суммы) и определению размера штрафа в условных (базовых величинах) единицах (исключение составляет УК РФ), которыми выступают:

– минимальный необлагаемый минимум доходов граждан УК Украины⁴;

– базовая величина, размер штрафа от 30 до 1000 базовой величины⁵, размер штрафа за преступления с административной преюдицией не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке (УК РБ). Следует отметить, что до внесения соответствующих изменений для расчета размера штрафа в качестве базовой величины использовался размер минимальной заработной платы;

– условная единица – 20 леев в размере от 150 до 100 (5000 у. е. – за корыстные преступления) и в размере от 500 до 10000 у. е., в случае наложения штрафа на юридическое лицо (УК РМ);

– месячный расчетный показатель⁶ – в пределах от 25 до 25 000 (УК Казахстана);

– минимальный размер оплаты труда – от 100 до 5000 (УК АзР);

– минимальный размер заработной платы – в размере от 5 до 600 (УК РУз).

Из проанализированных нами кодексов лишь УК РФ предусматривает вариативность выбора размера штрафа либо в фиксированной сумме, либо в условных единицах, поскольку ч. 2 ст. 46 определяет, что штраф устанавливается в размере от 5 тысяч до 5 миллионов рублей или в размере заработной платы либо иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. При этом указывается, что штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части за исключением случаев исчисления размера штрафа, исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей⁷. На основании ч. 2 ст. 46 УК РФ необходимо назначать штраф в размере двадцати пяти тысяч рублей, даже если эта сумма

превышает минимальную кратность, предусмотренную в санкции статьи Особенной части⁸.

Как отмечалось, научный интерес представляет не только непосредственный анализ норм уголовного законодательства, определяющих размер и порядок назначения штрафа, но и анализ научной мысли относительно проблемных вопросов применения штрафа и предложений по их решению и дальнейшему усовершенствованию назначения этого вида наказания как на законодательном, так и правоприменительном уровне.

Так, например, законодательные размеры штрафа по Уголовному кодексу Республики Таджикистан, по мнению отдельных таджикских ученых, не являются социально обусловленными, что ведет к снижению его использования как основного вида наказания, в связи с чем предлагается совершенствовать эти пределы, снизив их минимальный порог до социально и экономически приемлемого уровня. Российский ученый Т.В. Непомнящая предлагает исчислять штраф не в определенной денежной сумме, а в размерах, кратных минимальным размерам оплаты труда (далее – МРОТ). В соответствии с данным способом исчисления установить его размер от 1/2 до 230 МРОТ [12, с. 4]. Другой российский исследователь считает целесообразным устанавливать штраф в дневных ставках, а также при назначении наказания в соответствии со ст. ст. 69, 70 настоящего Кодекса. Размер же одной дневной ставки определяется судом с учетом личных обстоятельств и имущественного положения осужденного. При этом речь, как правило, идет о совокупном доходе, который осужденный получает или мог бы получать в день [13, с. 15–16]. Белорусский ученый В.М. Хомич считает, что штраф должен выполняться в пределах денежных доходов и сбережений осужденного по “шведской или немецкой модели” и занимать доминирующее положение в системе уголовных санкций [14, с. 25]. В целом разделяет такие предложения и украинский ученый Н.И. Хавронюк. Он высказывает предложение о целе-

сообразности внедрения украинской системы денежных штрафов, которые бы определялись в таких условных единицах, как дневные ставки. Размер дневной ставки должен исчисляться на основе среднедневного дохода осужденного, который определяется путем оценки облагаемого налогом на доходы физических лиц, дохода осужденного за год, который непосредственно предшествовал году возбуждения уголовного дела [15, с. 584]. Кроме этого, предлагалось закрепить на законодательном уровне, что в любом случае размер штрафа как основного наказания не может быть меньшим, чем установленный соответствующей статьей (частью статьи) Особенной части Уголовного кодекса существенный, значительный, крупный или особо крупный размер имущественного вреда, который является признаком соответствующего преступления. Это, по мнению ученого, с одной стороны, позволит учитывать доходы между самыми бедными и самыми богатыми жителями Украины, а с другой – соответствовать размеру причиненного вреда. Объективности ради заметим, что приведенная позиция относительно указанных предложений, в первую очередь, была направлена на предупреждение совершения экономических преступлений, с тем, чтобы их совершение было нерентабельным, чего Уголовный кодекс на тот момент не учитывал. Подобные предложения высказывали и другие украинские ученые [16]. Но у этой позиции есть и противники. Так, скажем Ю.А. Пономаренко не соглашается с подобной постановкой вопроса, поскольку, по его мнению, “штраф не является ни откупом за совершение преступления, ни налогом на незаконно приобретенное имущество, он уплачивается не из преступных, а из законных доходов (сбережений) виновного, тем самым нарушая его право собственности” [17, с. 20].

В связи с определением целесообразного и адекватного размера штрафа следует отметить, что в Резолюции Совета Европы о некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы (1976), государствам рекомендовано внедрять более широкое применение штрафов, мер для обеспечения адекватности штрафа материальному положению осужденного.

Анализ уголовного законодательства стран СНГ позволяет говорить о том, что в целом зарубежный законодатель декларирует необходимость учета материального положения осужденного

при определении размера назначаемого ему штрафа. Так, в ч. 3 ст. 64 УК Республики Молдова определено, что при решении вопроса об установлении размера штрафа для физических лиц следует учитывать имущественное положение виновного, а для юридических лиц – их финансово-экономическое состояние. Аналогичное положение содержит и уголовное законодательство Республики Беларусь, Украины, Российской Федерации, Республики Казахстан и ряда других стран. Несоблюдение законодательного предписания о необходимости учитывать тяжесть совершенного преступления и имущественное положение осужденного и его семьи при определении размера штрафа может повлечь изменение приговора. Так, по приговору Владимирского областного суда от 14 декабря 2011 г., постановленному в порядке главы 40 УПК РФ, К., ранее не судимая, осуждена по ч. 1 ст. 294 УК РФ к штрафу в размере 30 000 рублей с рассрочкой выплаты указанной суммы штрафа на срок 10 месяцев равными частями по 3000 рублей ежемесячно. В судебном заседании исследовались условия жизни, материальное состояние семьи К. Установлено, что единственным источником дохода ее семьи является ее заработная плата, среднемесячный размер которой составляет 8–9 тысяч рублей, однако эти обстоятельства судом учтены не в полной мере. Принимая во внимание характер и степень общественной опасности деяния, совершения К. преступления впервые, признание вины, раскаяние в своем поведении, материальное положение семьи осужденной, Судебная коллегия снизила размер назначенного К. штрафа до минимальных пределов, установленных ч. 2 ст. 46 УК РФ, то есть до 5000 рублей, рассрочив выплату 5000 рублей на срок 10 месяцев равными частями по 500 рублей ежемесячно⁹.

Как правило, в уголовном законодательстве предусмотрена рассрочка выплаты штрафа определенными частями на срок до трех лет, в УК РФ – до пяти лет. При этом свое решение суд должен мотивировать в приговоре с указанием конкретных сроков выплат по частям и суммы (размеры) выплат в пределах установленного судом срока рассрочки¹⁰. Это обоснованно, принимая во внимание значительные суммы штрафа.

Проанализированные Уголовные кодексы предусматривают возможность замены штрафа другими вида-

ми наказания в случае уклонения от уплаты штрафа, или если взыскание его невозможно. Этот вид наказания заменяется общественно полезным трудом (общественными работами) или исправительными работами. Например, ч. 5 ст. 46 УК РФ в новой редакции предусматривает возможность замены штрафа иным видом наказания, за исключением лишения свободы. При этом в отличие от ранее действовавшей редакции, допускавшей замену штрафа наказанием только в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, новая норма не содержит такого ограничения. Штраф, в случае злостного уклонения от его уплаты, может быть заменен любым другим видом наказания, предусмотренным ст. 44 УК РФ, за исключением лишения свободы. Характерно, что те государства, в Уголовном кодексе которых предусматривалась замена штрафа наказанием, связанным с ограничением свободы, постепенно отходят от такой позиции. В частности, еще до недавнего времени УК РК предусматривал возможность замены штрафа наказанием в виде ареста¹¹, теперь только общественными или исправительными работами. УК РБ, например, допускает замену штрафа только лишь общественными работами.

УК Украины также предусматривает возможность замены штрафа другими видами наказаний и приводит четкий их перечень с указанием расчета сроков наказаний при такой замене, которая обуславливается невозможностью его уплаты. В соответствии с абз. 1 ч. 1 ст. 53 УКУ, в случае неуплаты штрафа в размере не более 3000 н. м. д. г. и отсутствии оснований для рассрочки его выплаты суд заменяет неуплаченную сумму штрафа наказанием в виде общественных работ из расчета 1 час общественных работ за один н. м. д. г. или исправительными работами из расчета 1 месяц исправительных работ за 20 установленных законом н. м. д. г., но на срок не более двух лет. Принимая во внимание, что уголовной закон не содержит каких бы то ни было четких предписаний для судей относительно выбора вида наказания при замене штрафа, украинские ученые полагают, что такой выбор должен осуществляться с учетом того, работает осужденный или нет, а также законодательных ограничений на их применение по кругу лиц, установленных в соответствующих статьях

уголовного закона [17]. В связи с этим считаем целесообразным уточнить непосредственно в ч. 5 ст. 53 УК Украины, что замена неуплаченной суммы штрафа общественными или исправительными работами должна производиться в соответствии со ст. ст. 56 и 57 УК, которые и определяют основания и условия назначения этих видов наказаний. Таким образом, решается этот вопрос в ряде проанализированных уголовных кодексов. К примеру, ч. 3 ст. 50 УК РБ говорит, что в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты суд по предоставлению органа, на который возложено исполнение приговора, заменяет штраф общественными работами в соответствии со ст. 49 настоящего Кодекса. УК Украины и УК РМ предусматривают возможность замены штрафа наказанием в виде лишения свободы. Так, по УК Украины, в случае неуплаты штрафа в размере свыше 3000 н. м. д. г. и отсутствии оснований для рассрочки его выплаты, наказанием в виде лишения свободы из расчета 1 день лишения свободы за восемь н. м. д. г. в таких пределах: 1) от одного до пяти лет лишения свободы – при назначении штрафа за совершение преступления средней тяжести; 2) от пяти до десяти лет лишения свободы – при назначении штрафа за совершение тяжкого преступления; 3) от десяти до двенадцати лет лишения свободы – за совершение особо тяжкого преступления. В ч. 5 ст. 64 УК РМ предусмотрено, что в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного или дополнительного наказания, судебная инстанция может заменить неуплаченную сумму штрафа лишением свободы в пределах сроков, предусмотренных ст. 70, из расчета 1 месяц лишения свободы за 50 условных единиц. Как видим, между указанными двумя кодексами есть существенное отличие в определении оснований для подобной замены штрафа лишением свободы, поскольку в УК РМ такая замена возможна в случае установления факта злостного уклонения от уплаты штрафа, тогда как по УК Украины речь идет об установлении факта неуплаты штрафа, что связано с невозможностью его уплаты, которая выясняется во время исполнения приговора, и отсутствии оснований для его рассрочки. Объективная невозможность уплаты штрафа имеет место, когда осужденный не

имеет дохода, каких-либо сбережений или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Этим она отличается от уклонения от исполнения наказания в виде штрафа. В случае если будет установлено, что осужденный не принимал никаких мер по уплате штрафа, не являлся на вызовы в отдел ДВС, не проживает по указанному адресу, в соответствии со ст. 27 Уголовно-исполнительного кодекса Украины он привлекается к уголовной ответственности по ст. 389 (Уклонение от наказания, не связанного с лишением свободы). В соответствии с ч. 1 указанной статьи, за уклонение от уплаты штрафа предусмотрены такие виды наказаний, как исправительные работы на срок до двух лет или ограничение свободы на тот же срок.

Законодательное определение вычисления размера штрафа обуславливает особенности указания его размера в приговоре суда. К примеру, поскольку в УК Украины размер штрафа определяется кратно к размеру н. м. д. г., в приговоре должно четко указываться, в каком размере назначается штраф в условных единицах и в сумме (скажем, штраф в размере 40 н. м. д. г., что составляет 560 грн). Анализ же практики назначения наказания в виде штрафа позволяет говорить о том, что не все судьи соблюдают это требование. Так, Александрыйский межрайонный суд Кировоградской области признал ЛИЦО_1 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 185 УК Украины (покушение на кражу), и назначил ему наказание в виде штрафа в сумме 850 (восемьсот пятьдесят) гривен, не указав при этом эквивалент в необлагаемых минимумах доходов граждан, как того требует закон. В другом случае судья за преступление, предусмотренное ст. 15, ч. 1 ст. 185 (покушение на кражу), осудил ЛИЦО_1 к штрафу в размере 1100 грн, что составляет 64,705 н. м. д. г.¹². Формально сам по себе такой размер наказания находится в рамках санкции, поскольку она предусматривает штраф в размере от 50 до 100 н. м. д. г., однако при таком определении размера штрафа закладываются потенциальные трудности, связанные с возможным пересчетом при замене этого наказания, к примеру, общественными работами.

Правильной является позиция другого судьи, который, рассматривая вопрос о замене неуплаченной суммы

штрафа общественными работами, постановил следующее: заменить наказание по приговору Артемовского горрайонного суда Донецкой области от 16.06.2011 г. в отношении ЛИЦА_1, осужденного по ч. 1 ст. 185 (кража), штраф в доход государства в размере 50 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан, что соответствует 850 грн, наказанием в виде 240 часов общественных работ¹³.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ положений уголовных кодексов государств СНГ по вопросам регламентации такого вида наказания, как штраф, позволяет сделать следующие выводы:

— в проанализированных Уголовных кодексах довольно четко прослеживаются сходства систем наказаний, что обусловлено в наибольшей степени фактором длительного развития уголовного права бывших республик Советского Союза, и отличия, которые обусловлены специфическими традициями в области становления и развития правовых обычаев. Можно согласиться с мнением ученых, отмечающих концептуальное единство систем уголовных наказаний стран СНГ, и тем, что значительную роль в сохранении одинаковых подходов в вопросах наказания и его применения сыграл Модельный уголовный кодекс для стран СНГ, одобренный Международной Ассамблеей 17.02.1996 г. [18, с. 19];

— анализ научных разработок, доступных статистических данных о структуре назначаемых осужденным наказаний позволяет говорить о недостаточном применении штрафов практически во всех проанализированных государствах, поскольку в структуре наказаний стабильно составляет приблизительно от 11 до 14%¹⁴, уступая наказаниям в виде лишения или ограничения свободы, которые и являются преобладающими;

— ученые видят перспективу штрафа в качестве основной альтернативы не только лишению свободы, но и иным видам наказания и мерам уголовной ответственности за совершение преступлений ненасильственного характера, в том числе относящихся к тяжким [19];

— низкий уровень применения наказания в виде штрафа обусловлен рядом факторов, основными среди которых являются следующие: недостаточно точное определение места штрафа в системе наказаний (особенно это ха-

рактерно для Украины после фактического уравнивания штрафа в крупных размерах с лишением свободы как критериев классификации преступлений по степени тяжести); ряд проблемных вопросов при сопоставлении штрафа с иными видами наказаний, установленных в санкциях конкретных статей Особенной части; несовершенная практика назначения этого наказания, ничтожно малый процент назначения этого вида наказания в качестве дополнительного (по крайней мере в Украине) (Нереализация потенциальных возможностей штрафа как основного и дополнительного наказания в уголовно-правовой науке расценивается как один из недостатков действующего уголовного законодательства стран СНГ); низкий материальный уровень и недостаток подавляющего большинства осужденных, в том числе связанный с безработицей, ведением маргинального образа жизни и др.;

— остается дискуссионным ряд вопросов, с одной стороны, связанных с определением адекватных размеров штрафов, которые бы учитывали материальное положение осужденных и не ложились бы на него непосильным бременем, а с другой – были эффективным средством предупреждения преступлений.

Выводы. Проведенное компаративное исследование позволило увидеть схожие проблемы законодательного определения штрафа как вида наказания, его размеров, оснований назначения, замены другими видами наказаний, а также постановления правосудных решений, соблюдения требований закона при постановлении приговоров, особенно в части соблюдения положений закона относительно учета материального положения осужденных и правильного указания размера штрафа и взыскиваемой суммы. Представляется, что дальнейшие компаративные исследования в этой сфере могут иметь своим результатом адекватную оценку положений отечественного уголовного законодательства, дальнейшего поиска оптимальной модели определения размера штрафа с учетом тенденции к гуманизации уголовной ответственности, соблюдения рекомендаций международных нормативно-правовых актов и позитивного опыта зарубежных государств в повышении эффективности применения наказания в виде штрафа, как в качестве основного, так и дополнительного наказания и т.п.

Список использованной литературы:

Речь идет о Законе Украины “О внесении изменений и дополнений к некоторым законодательным актам Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности” от 15.11.2011 г. (далее – Закон от 15.11.2011 г.), которым из УК Украины было исключено 16 статей, фактически декриминализирован ряд преступлений в сфере хозяйственной деятельности и увеличены размеры штрафа за иные.

² На 01.11.2012 г. необлагаемый минимум доходов граждан составляет 17 грн (приблизительно 2 доллара).

³ В научных кругах, да и среди практических работников, данный закон оценивается достаточно сдержанно, поскольку повлек недостаточно продуманные системные изменения, например в критерии классификации преступлений по степени тяжести (ст. 12), общие начала назначения наказаний, что, в свою очередь, коснулось и принципов построения системы наказаний.

⁴ Необлагаемый налогом минимум доход граждан (н. м. д. г.), что составляет 17 грн.

⁵ Базовая величина составляет 17 000 белорусских карбованцев [Закон Республики Беларусь “О внесении изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и особенностях применения базовой величины в уголовных и административных правоотношениях” от 24.06.2002 г. № 112-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://pravo2002.by.ru/baza/zakon/2002/zak00024.html>].

⁶ Закон РК от 10.12.2008 г. № 100-IV о введении в действие Кодекса Республики Казахстан “О налогах и других обязательных платежах в бюджет” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://online.zakon.kz/document/doc.id=1026672>. Месячный расчетный показатель составлял на 01.01.2012 г. 1618 тенге, установлен Законом РК “О республиканском бюджете на 2012–2014 годы” от 24.11.2011 г. № 496-IV. Минимальная заработная плата на 01.01.2012 г. установлена 17 439 тенге, а прожиточный минимум – 17 439 тенге. Таким образом, месячный расчетный показатель составляет около 9% минимальной зарплаты и прожиточного минимума.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в редакции Федеральных законов от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ и от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ.

⁸ Ответы на вопросы, поступившие

из судов по применению федеральных законов “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ и “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, утвержденные Президиумом Верховного суда Российской Федерации 27.06.2012 г. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.supourt.ru/second.php

⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 09.02.2012 г. № 86-О12-2: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 1 полугодие 2012 г. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.vsrif.ru/show-pdf?id=8206

¹⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 53-009-80 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2011. - № 1; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.04.2012 г. № 72-Д120-2// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.suprcourt_detale.php?id=7041

¹¹ Законом РК “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе” от 18.01.2011 г. № 393-IV данный вид наказания исключен из ст. 40 УКРК // Казахстанская правда. - 2010. - 27 ноября.

¹² Приговор Николаевского районного суда Львовской области от 03.05.2012 г. № 1313/999/2012// Единый государственный реестр судебных решений, <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24313284>.

¹³ Постановление Артемовского горрайонного суда Донецкой области от 06.04.2012 г. № 0503/2520/2012// Единый государственный реестр судебных решений, <http://reyestr.court.gov.ua/Review/№26462207>.

¹⁴ Анализ практики назначения судами Республики Беларусь уголовного наказания в 2007 году (по данным судебной статистики) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.suprcourt.by.

1. Пономаренко Ю.А. Положения Загальної частини Кримінального кодексу України, що регулюють діяльність законодавця / Ю.А. Пономаренко // Нове законодавство України та

питання його застосування : тези доп. та наук. повідом. учасників наук.-практ. конф. молодих учених та здобувачів (м. Харків, 26–27 груд. 2003 р.) / за ред. М.І. Панова. - Х. : Нац. юрид. акад. України, 2004. - С. 117–119; Попрас В.О. Штраф як вид покарання за кримінальним правом України : монографія / В.О. Попрас. - Х. : Право, 2009. - С. 54–55.

2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: legislationline.org/ru/document/action/popup/id/14108/preview.

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 г., № 167-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.06.2012 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.zakon.kz/Dokument/doc.id=1008032.

4. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2012 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&land=rus.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.yk-md.gu.

6. Уголовный кодекс Республики Молдова : Принят Парламентом республики Молдова 18.04.2002 г. ; Введен в действие 21.06.2002 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.yk-md.gu.

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-ХІІ ; Введен в действие с 01.04.1995 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: ugolovnykodeks.ru/category/ugolovnyj-kodeks-respublici-uzbekistan/

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.law.edu/norm.asp&normID=1242456.

9. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 г., с изменениями и дополнениями, внесенными Законом Туркменистана от 10.05.2010 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-turkmenistana/10/

10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.cosultant.ru/popular/ukrf/

11. Кримінальний кодекс України (зі змінами і доповненнями станом на 1 вересня 2012 року). - Х. : Одиссей, 2012. - 232 с.

12. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид.

наук: 12.00.08. - Екатеринбург, 2010. - 40 с.

13. Галинский В.А. Штраф как мера наказания в уголовном праве России и ФРГ. Сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Галинский. - М., 2007. - 21 с.

14. Хомич В.М. Уголовная политика в Республике Беларусь: результаты и перспективы формирования / В.М. Хомич // Науковий вісник Львівського юридичного інституту МВС України. - 2004. - № 2 (2). - Додаток 2. - С. 25.

15. Хавронюк М.І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації : монографія / М.І. Хавронюк. - К. : Юрисконсульт, 2006. - 1048 с.

16. Гуророва Н.О. Кримінально-правова охорона податкових відносин / Н.О. Гуророва // Проблеми правового забезпечення економічної та соціальної політики в Україні : матеріали наук.-практ. конф. (м. Харків, 24–25 травня 2005 р.) / відп. за випуск: Ю.М. Грошевський, М.І. Панов. - Х. : Нац. юрид. акад. України, 2005. - С. 534–535; Шаповалова О.А. Штраф як вид покарання за злочини у сфері господарської діяльності / О.А. Шаповалова // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. праць. - Х. : Кроссрод, 2006. - Вип. 11. - С. 59–60.

17. Пономаренко Ю.А. Штраф як вид покарання у кримінальному праві України (за результатами реформи 2011 р.) : наук. нарис / Ю.А. Пономаренко ; [наук. ред. Ю.В. Баулін]. - Х. : Право, 2012. - 80 с.

18. Жабский В.А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Жабский. - Рязань, 2010. - 40 с.

19. Хомич В.М. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения уголовных наказаний в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 года). - М. : Проспект, 2011. - С. 794–797; Абдурашидов А.А. Наказание по уголовному законодательству Республики Таджикистан (эволюция и современное состояние) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Абдурашидов. - М., 2011. - С. 8.

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Р. МАКСАКОВА,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного, административного и финансового права Института права имени Владимира Станиса Классического частного университета (г. Запорожье, Украина)

SUMMARY

The article deals with the differences between the forms of the direct democracy and forms of exercise of constituent power. The authors came to the conclusion that not all forms of direct democracy are ways to influence the behavior of people through the introduction, installation, legalization or approval of certain social state of affairs, law and order in society (and it is these elements are the main feature of the implementation of constituent power).

Keywords: The power of the people, constituent power, forms of direct democracy, modalities of constituent power.

Статья посвящена исследованию различий между формами осуществления непосредственной демократии и формами осуществления учредительной власти. Автор пришла к выводу, что не все формы непосредственной демократии являются способами воздействия на поведение людей через внедрение, установку, узаконивание или утверждение определенного общественного положения вещей, правового порядка в обществе (а именно эти элементы являются главным признаком реализации учредительной власти).

Ключевые слова: власть народа, учредительная власть, формы непосредственной демократии, формы реализации учредительной власти.

Постановка проблемы. Исследование вопроса соотношения форм непосредственной демократии и форм реализации учредительной власти представляет особый научный интерес. Дело в том, что в содержании понятия учредительная власть учёные вкладывают разный смысл [1]. Это зачастую приводит к смешению в деятельности парламента законодательных и учредительных полномочий. Традиционные формы реализации учредительной власти не соответствуют фактическому содержанию понятия учредительная власть [2]. Как правило, вопросы реализации учредительной власти связывают с демократическими процессами, а любые проявления учредительной власти считают проявлениями той или иной формы демократии. Вместе с тем немало критиков сетуют, что слово «демократия» используется так часто, что оно потеряло какое-либо определенное значение [3]. К тому же, не все формы демократии следует связывать с проявлениями учредительной власти.

Актуальность темы. Выявление общих и специфических форм в системе реализации непосредственной демократии и в системе реализации учредительной власти является необходимым и актуальным направлением для проведения научных исследований, что, в свою очередь, подтверждает актуальность представленной научной статьи.

Среди последних научных исследований обозначенного в статье проблемного вопроса следует выделить работы Ю.Г. Барабаша, О.В. Васильковской, Е.А. Галус, В.И. Козлова, Ю.Н. Лемишко, В.Д. Людвиг, М.И. Ставнийчук, В.Л. Федоренко, В.Н. Шаповала, А.И. Ющика.

Цель статьи – проанализировать общие и специфические формы в системе реализации непосредственной демократии и в системе реализации учредительной власти, а также выяснить при этом их различие.

Изложение основного материала исследования. Анализ действующего законодательства современных демокра-

тических государств свидетельствует о том, что власть народа осуществляется либо непосредственно самим народом, как прямое народовластие (прямая или непосредственная демократия) или его представителями, как представительная власть (представительная демократия). Как непосредственная, так и представительная демократия имеют свои формы проявления.

Прямая власть народа осуществляется через конституционный процесс, выборы, референдумы, иные формы непосредственной демократии.

Представительная власть народа реализуется через осуществление учредительных полномочий депутатами парламента, а также депутатами и выборными должностными лицами органов местного самоуправления.

Первая группа объединяет формы, обеспечивающие реализацию прямой учредительной власти. К системе форм осуществления власти народом кроме выборов и референдумов относят и

другие формы непосредственной демократии. Среди других форм непосредственного осуществления власти народом выделяют опрос граждан, народные обсуждения, собрания избирателей и собрания (конференции) объединений граждан или их местных ячеек, местные инициативы, общественные слушания, пикетирование, митинги, демонстрации, протесты, акты гражданского неповиновения, политические забастовки, революции, гражданские войны, национально-освободительные движения и т.п..

В системе непосредственного народовластия с помощью этих форм осуществляется инициация необходимости конституирования фактически существующих институтов в политической системе общества или необходимости внесения изменений в правовое регулирование законодательно установленных и определенных конституционно-правовых отношений; инициирование необходимости замены кадрового состава органов публичной власти и т.д..

Следует отметить, что нельзя считать формами прямого народовластия деятельность политических партий и общественных организаций. Как верно отмечает Е.А. Галус, они являются лишь вспомогательным инструментом, с помощью которого формируется и выражается политическая воля граждан [4, с. 8]. Вместе с тем, политические партии и общественные организации могут выступать субъектами учредительной власти. На современном этапе создания государства политические партии и общественные организации, как правило, выступают активными инициаторами организации различных форм непосредственной демократии (массовых публичных меро-

приятий, в частности, митингов, демонстраций и т.д.).

Исследуя конституционно-правовые основы участия граждан Украины в массовых публичных мероприятиях, Ю.Н. Лемишко отмечал: «Право граждан на проведение мирных собраний, митингов, шествий и демонстраций как проявление гражданской активности имеет своим основанием естественное стремление людей к объединению, к совместному обсуждению и решению важных вопросов общественного значения. На современном этапе развития гражданского общества и правового государства коллективные политические права, и прежде всего право на проведение массовых публичных мероприятий, приобрели новое содержание и постепенно превратились, с одной стороны, в действенную форму участия населения в публичной сфере жизни социума, а с другой – стали одной из главных форм контроля гражданского общества за деятельностью государства, важным средством влияния граждан и социальных групп на ход различных общественных процессов» [5, с. 3].

В связи с этим возникает вопрос: можно ли отнести эти формы осуществления власти народом и к формам реализации учредительной власти? На наш взгляд, ответ на вопрос о соотношении форм непосредственной демократии и форм реализации учредительной власти будет правильным, если, выделяя формы реализации учредительной власти из числа существующего многообразия форм непосредственной демократии, мы будем исходить из сущности самого понятия «учредительная власть», а также главных признаков последней. Следует отметить, что учредительная власть определяется нами как отношение господства-подчинения, через которое политически доминирующий общественный субъект (суверен) вводит (устанавливает) на территории государства или ее части определенные публично-властные институты и основные нормы их функционирования (устанавливает фактическое конституцию), а также обеспечивает их легитимацию, узаконивая общественный порядок, в котором он заинтересован, путем принятия или изменения юридических актов (юридической конституции), составляющих организационные и конституционно-правовые предпосылки функционирования публичной власти [6]. По нашему мнению, специфическими признаками субъектов учредительной власти является то, что эти субъекты имеют силу и реальную способность противостоять действующей публичной власти, навязать свою волю обществу и подчинить поведение его членов своим властным решением учредительного ха-

рактера; субъекты учредительной власти принимают соответствующие решения по изменению существующей системы публичной власти и / или ее субъектов; всегда существует четко определенный объект, на которого осуществляет своё властное влияние субъект учредительной власти через принятие или изменение юридических актов (юридической конституции), что и составляет организационные и конституционно-правовые предпосылки функционирования публичной власти на территории государства или ее части [7].

Исходя из этого, следует отметить, что участие народа в мирных собраниях, митингах, походах и демонстрациях не является собственно реализацией учредительной власти, но через эти формы могут быть заложены основы дальнейших изменений в существовании или функционировании публично-властных институтов, они выступают средством передачи информации от народа (как участника конституционно-правовых отношений, акты которого имеют информационный характер) политически доминирующему субъекту (акты правотворчества которого имеют императивный характер). В этом смысле указанные формы имеют отношение к осуществлению народовластия в части создания предпосылок реализации народом учредительной власти, хотя по своему содержанию они переплетаются с осуществлением контроля над действующей властью.

Основываясь на предложенных Ю.Н. Лемишко определениях понятий главных видов массовых публичных мероприятий (митинги, демонстрации, шествия), а также учитывая их правовую природу и сущность [5, с. 6-7], считаем, что эти формы непосредственной демократии, несомненно, могут влиять на осуществление учредительной власти, но не являются формами ее реализации. Например, митинг с требованием к власти наказать каких-то преступников или изменить закон о языках или, наоборот, против принятия закона о языковой политике, непосредственного отношения к реализации учредительной власти не имеет. Эти формы можно рассматривать как одну из предпосылок возможного влияния на деятельность субъектов учредительной власти.

В частности, влияние этих форм на осуществление учредительной власти может происходить через: публичное выражение солидарности, протесты, призывы, требования, апелляции к конкретным решениям или действиям органов публичной власти, их должностных лиц, общественных и других организаций по поводу общественно-политических

или иных актуальных вопросов жизни, которые завершаются, как правило, принятием резолюции участников (в случае проведения митинга), привлечение внимания органов публичной власти и широкой общественности к проблемам, представляющим взаимный интерес, либо в целях выражения общественного протеста через организованное движение группы граждан предварительно определенному организаторами маршруту, с использованием средств наглядной агитации или без них (в случае проведения демонстрации); привлечение внимания органов публичной власти и общественности к существующим проблемам общегосударственного, регионального или местного значения или выражения гражданского протеста через организованное длительное движение граждан по предварительно определенному организаторами маршруту, дорогами общего пользования, через (мимо) населенные пункты (в случае организации похода).

Следует согласиться с мнением, что указанные формы непосредственной демократии оказывают существенное влияние на ход различных процессов в обществе и государстве, который обеспечивает возможность фактически постоянного участия в политической жизни, и непрерывной реализации народом своей власти. А также с тем, что массовые публичные мероприятия обеспечивают формирование и реализацию массовой общественной и политической активности и заставляют власть прислушиваться к воле народа. Эти формы являются средством осуществления общественного контроля за органами публичной власти; выступают одной из необходимых предпосылок формирования действенных институтов гражданского общества; являются одним из каналов «обратной связи» между теми, кто управляет, и теми, кем управляют [5, с. 9].

Еще В.И. Ленин подчеркивал особое значение митингов и говорил об их положительном влиянии на демократизм государства [8, с. 202]. В частности, он отмечал, что над «митингами» смеются и считают их хаосом, но все же без митингов масса угнетенных никогда бы не смогла перейти от дисциплины, введенной эксплуататорами, к дисциплине, осознанной и добровольной. Митинги, писал В.И. Ленин, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их первые шаги к новой жизни, которую они налаживают по-своему, для себя, на основе своей, Советской, власти.

Важность мирных собраний как формы осуществления непосредственного народовластия отмечают и современные исследователи, подчёркивая в частности, что с их помощью народ участвует в раз-

витии гражданского общества и правового государства, ограничивает государственную власть в пользу гражданского общества и т.д. [9, с. 5,8]. Так, О.В. Васюковская отмечает, что мирные собрания в их разновидностях, а именно: митинги, демонстрации, шествия, пикеты, сборы, – на современном этапе развития украинского общества приобретают все большее значение как коллективные формы самоорганизации гражданской активности населения, его массового волеизъявления [10, с. 3].

Представляет определенный интерес для изучения форм реализации учредительной власти предложение Е.А. Галус относительно деления форм непосредственного народовластия на конституционные, урегулированные законодательством и фактические формы [4, с. 10-11, 15-16]. К конституционным автор относит формы, непосредственно предусмотренные в Конституции (выборы, референдумы, мирные собрания, митинги, походы, демонстрации и обращения граждан). К урегулированным законодательством она относит формы непосредственного народовластия, закрепленные в действующем законодательстве страны (опрос граждан, народные обсуждения, общие собрания граждан по месту жительства, местные инициативы, общественные слушания, отзывы депутатов местных советов, пикетирования). К фактическим она относит формы, которые не предусмотрены в Конституции и законах Украины, но и такие, которые не запрещены ими (например, народная правотворческая инициатива, практическая реализация которой маловероятна, поскольку требует определения в законе процедуры ее осуществления).

По нашему мнению, такой подход может быть положен и в основу деления форм осуществления народом учредительной власти. В частности, формы осуществления учредительной власти народом можно разделить на: определенные конституцией, определенные законом и фактические. При этом, в отличие от определения Е.А. Галус фактических форм непосредственной демократии как законодательно не предусмотренных, но и не запрещенных законодательством страны, в случае с фактическими формами реализации учредительной власти через другие формы непосредственного народовластия следует отметить, что указанные фактические формы могут быть как такими, что законодательно не определены, но и не запрещены, так и такими, что законодательно определены как запрещенные (имеются в виду такие формы проявления народовластия как революции, акты гражданского неповиновения, гражданские войны,

национально-освободительные движения и т.п., которые сопровождаются нарушениями установленного порядка, прав и свобод других людей, массовыми беспорядками, причинением вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц). Именно с помощью последних форм обычно меняется конституционный строй страны, обновляется система публичной власти или ее отдельные элементы.

При этом следует отметить, что при реализации конституционных и законодательных форм учредительная власть осуществляется на правовой основе. А при реализации фактических – на неправовой основе. Так, в частности, конституционными формами реализации учредительной власти являются выборы и референдумы. Эти формы, провозглашенные конституцией государства, нормами которой определяются основные принципы их организации и проведения. Законодательными формами реализации учредительной власти являются общее собрание граждан по месту жительства, местные инициативы, общественные слушания, отзывы депутатов местных советов т.д. Эти формы, как правило, только провозглашаются в Конституции, а механизм их реализации определяется законодательными актами. Фактическими формами реализации учредительной власти можно определить революции, акты гражданского неповиновения, гражданские войны, национально-освободительные движения. Такие формы не имеют нормативно-правового регулирования, а их организация и проведение запрещается. Как видим, в основу этой классификации форм осуществления учредительной власти положен такой критерий, как их правовая урегулированность.

В любом случае, говоря о формах осуществления учредительной власти, следует избегать их полного отождествления с формами осуществления непосредственной демократии, нужно учитывать их особую специфику.

Напомним, что непосредственную демократию (народовластие) определяют как форму прямого народовластия, осуществления власти народом непосредственно, без создания постоянных или других институтов, в формах, предусмотренных Конституцией, законами. Такое определение, в частности, предлагает один из соавторов современной юридической энциклопедии В.П. Горбатенко [11, с. 214]. Некоторые авторы определяют непосредственную демократию также как волеизъявление народа, но в формах, не запрещенных Конституцией и законами; такой позиции придерживается, например, В.Д. Людвиг [12, с. 14].

В отличие от форм непосредственной демократии, которые осуществляются, как указано выше, в формах, определенных или не запрещенных Конституцией и законами, – формы учредительной власти могут быть как, определенные или не запрещенные Конституцией и законами, так и вообще не определенные Конституцией и законами, а также запрещенные ими. В этом состоит различие между общими формами осуществления непосредственной демократии и формами осуществления учредительной власти. Поскольку не все формы непосредственной демократии являются способами воздействия на поведение людей через внедрение, установку, узаконивание или утверждение определенного общественного положения вещей, правового порядка в обществе (а эти элементы являются главным признаком осуществления именно учредительной власти, а не любой другой). Учитывая, что упоминаемое нами влияние на поведение возможно только через принятие акта, обязательного к исполнению всеми участниками отношений в сфере реализации учредительной власти, – прямая учредительная власть может осуществляться только через те формы непосредственной демократии, которые своим последствием имеют принятия императивного акта.

Выводы. И, наконец, возвращаясь к определению форм реализации учредительной власти, субъектом которой выступает народ, напомним, что представительская власть народа реализуется через деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Такие формы реализации представительной власти народа являются формами осуществления представительной (производной) учредительной власти и заключаются в осуществлении учредительных полномочий представительными органами государственной власти и представительными органами местного самоуправления.

В результате изучения вопроса о соотношении форм непосредственной демократии и форм реализации учредительной власти мы можем отметить, что актуальным вектором дальнейших исследований этого направления может быть проведение классификации форм реализации учредительной власти, выявление специфических субъектов каждой отдельно взятой формы, а также исследование особенностей этих форм.

Список использованной литературы:

1. Максакова Р.М. Сучасні підходи до визначення поняття та змісту установчої влади // Право та державне управління. – № 1. – 2010. – С. 7–10.

2. Максакова Р.М. Природа і загальні умови існування установчої влади в системі публічної влади // Право та державне управління. - № 3.-2012.- С. 42-46.

3. Дет. см.: Максакова Р.М. Проблема визначення дійсного суб'єкта установчої влади в аспекті значення поняття «демократія»: матер. щорічної всеукр. наук.-практ. конф. [«Державотворення та право творення в період реформ: питання теорії та практики»], (Київ, 19-20 квітня 2012 р.) / [за заг. ред. проф. В.В. Коваленка]. - у 2-х част. - Ч. 1. - К. : НАВС, 2012.- 300 с. - С. 107-109.

4. Галус О.О. Форми безпосереднього народовладдя в Україні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституційне право; муніципальне право» / О.О. Галус. - К., 2012. - 21 с.

5. Лемішко Ю.М. Конституційно-правові основи участі громадян України у масових публічних : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституційне право; муніципальне право» / Ю.М. Лемішко. - Харків, 2009. - 20 с.

6. Максакова Р.М. Установча влада: теоретико-методологічне обґрунтування поняття // Журнал Держава і регіони: Серія Право.- № 2.-2012.- С. 10-16; Максакова Р.М. Установча влада як особливий вид публічної влади: новий погляд на традиційну концепцію установчої влади // Публічне право.-№ 3.- 2012.- с. 307-314.

7. См.: Максакова Р.М. Специфічні ознаки установчої влади // Вісник Академії муніципального управління.- № 1.- 2012.- С. 154-164.

8. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. - [5-е изд.]. - М. : Издательство политической литературы, 1969. - Т. 36. - 742 с.

9. Козлов В.І. Колективні політичні права і свободи громадян України: конституційно-правовий аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 - конституційне право; муніципальне право / В.І. Козлов. - Х., 2009. - 18 с.

10. Васьковська О.В. Конституційне право на мирні збори та механізм його реалізації в Україні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 - Конституційне право / О.В. Васьковська. - К., 2007. - 21 с.

11. Горбатенко В.П. Безпосередня демократія: Юридична енциклопедія : в 6 т. / В.П. Горбатенко ; [редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін.]. - К. : Укр. енцикл., 1998. - Т. 1: А-Г. - 672 с.

12. Людвіг В.Д. Принцип народного суверенітету в історії політико-правової думки, теорії права та політичній практиці : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових вчень» / В.Д. Людвіг. - Х., 2009. - 18 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОМУ НИГИЛИЗМУ МОЛОДЕЖИ

Д. ЕРМОЛЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Института права имени Владимира Сташиса, доцент кафедры теории и истории государства и права Классического частного университета (г. Запорожье, Украина)

SUMMARY

The paper examines the main approaches to counteract the legal nihilism among youth. The author's definition of «anti-legal nihilism of youth» and the classification of measures of this reaction.

Keywords: youth, legal nihilism, overcoming resistance, and for political action.

В статье исследуются основные подходы к проблеме противодействия правовому нигилизму в молодежной среде. Предлагается авторское определение «противодействия правовому нигилизму молодежи» и классификация мер такого противодействия.

Ключевые слова: молодёжь, правовой нигилизм, преодоление, противодействие, меры политического характера.

Постановка проблемы. Одной из основных общественных, политических и, конечно же, правовых проблем в постсоветских государствах большинство ученых называют правовой нигилизм. Соответственно, борьбу с этим негативным явлением исследователи называют едва ли не главной, чрезвычайно важной, хотя, при этом, крайне сложной задачей современно-го государства и общества.

Актуальность темы. Так, А.Н. Жовтобрюх подчеркивает, что «преодоление правового нигилизма в обществе – сложное задание, способствующее построению правового государства, повышению уровня правового сознания и культуры населения, утверждению авторитета права» [1, с. 11]. Именно термин «преодоление» правового нигилизма является наиболее распространенным в юридической литературе.

Цель статьи – определить понятие «противодействие правовому нигилизму молодежи» и классифицировать меры такого противодействия.

Изложение основного материала исследования. В.И. Гойман «главными путями преодоления правового нигилизма» считает следующие: стремление к повышению общей и, в частности, правовой культуры граждан; модернизация законодательства; регулярная работа по профилактике правонарушений, массовое просвещение и правовое воспитание населения, а особенно молодежи [2, с 3-5]. А.В. Бондаренко называет в качестве двух «наиболее масштабных способов преодоления правового нигилизма» правовое образование и средства массовой информации [3, с. 18].

В.В. Демичева выделяет следующие «основные пути преодоления правового

нигилизма»: повышение как общей, так и правовой культуры граждан, их правового и нравственного сознания; совершенствование законодательства; предотвращение правонарушений и, прежде всего, преступлений; укрепление правопорядка, государственной дисциплины; уважение и защита прав личности; массовое просвещение и правовое воспитание населения; подготовка высококвалифицированных юристов и своевременное проведение правовых реформ [4, с. 123]. По мнению И.С. Демченко, «преодолеть причины правового нигилизма» помогут: повышение уровня правового или иного специального образования; обязательное детальное прохождение каждым новым нормативно-правовым актом обоснованной правовой экспертизы; привлечение к законодательной работе ученых, признанных специалистов у области права; доступ общественности к законопроектной работы; повышение качества воспитания и образования граждан, приведение их к мировым стандартам и идеалам [5].

Н.Л. Назарова видит следующие пути «преодоления правового нигилизма»: а) преодолеть отсутствие взаимодействия между общественным мнением, формированием нормативных актов и непосредственной правоприменительной практикой; б) выявить не-

достатки механизмов правового регулирования; в) более сурово подходить к кадровому вопросу работников правоохранительных органов и их личной ответственности [6, с. 364].

Вместо термина «преодоление» А.М. Шульга использует понятие «устранение», предлагая такой «перечень условий, призванных помочь устранению правового нигилизма, как массового явления»: утверждение законности, демократичного политического режима, института прав человека, формирование правового государства, организация и проведение юридического просвещения населения, решение актуальных социально-экономических проблем [7, с. 19].

Всем приведенным выше подходам к «преодолению (устранению) правового нигилизма», на наш взгляд, не хватает системности, авторы лишь перечисляют отдельные направления этого сложного и целенаправленного процесса. В то же время, по мнению А.Н. Паремузова, для преодоления правового нигилизма «необходим целый комплекс мониторинговых, контрольных и надзорных правовых средств, государственных мер, общественных усилий», среди которых исследователь выделяет: 1) единую последовательную правовую политику государства, необходимую для создания у граждан и должностных лиц определенного правового тона; 2) повышение авторитета закона, который должен иметь соответствующее организационное и материальное обеспечение, отвечать международным стандартам, действовать стабильно; 3) создание высококачественной системы правового обслуживания; 4) обеспечение верховенства права, в частности, работоспособности всех механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина; 5) формирование непрерывной и стабильной системы правового образования и просвещения в области прав человека [8, с. 40-41].

Иной системный подход предлагает Ю.А. Тополь, который не только определяет «перечень предпосылок преодоления правового нигилизма», но и распределяет их по определенным сферам: в сфере общегосударственной стратегии; в сфере правотворчества; в сфере правоприменения; в сфере юридического воспитания; в сфере юридической науки и юридического образования; в сфере гражданского общества и личной инициативы [9, с. 32-33].

Наиболее общий подход предлагает А.В. Волошенко, по мнению которо-

го «механизм преодоления правового нигилизма должен состоять из трех комплексных блоков мер», а именно: 1) комплекс специально-юридических мер, направленных на формирование качественно новой, эффективной правовой системы; 2) комплекс обще-социальных мер, направленных на исправление деформации правосознания и повышение уровня правовой культуры населения [10, с. 5].

Такой подход, как нам кажется, можно было бы взять за основу при исследовании особенностей преодоления правового нигилизма молодежи. Тем не менее, у нас возникают определенные сомнения по поводу использования понятия «преодоления» относительно правового нигилизма молодежи. Ведь по своему общему значению «преодолеть» означает «1. одолеть, победить; 2. осилить что-нибудь, справиться с чем-нибудь (с каким-нибудь затруднением)» [11]. Однако можно ли говорить о том, что правовой нигилизм молодежи можно «одолеть», «победить», «осилить» полностью и окончательно? По нашему мнению, нет. К тому же это признает большинство исследователей, воспринимая как бесспорный факт то, что «правовой нигилизм невозможно ликвидировать сразу» [4, с. 123].

М.А. Бурдоносова пытается заменить понятие «преодоление» термином «борьба» и выделяет «основные группы мер борьбы» с правовым нигилизмом: меры политического характера, которые непосредственно связаны с преодолением факторов, препятствующих развитию правового государства; социально-экономические меры; меры культурного, духовного, нравственного характера [12, с. 57]. Однако, «борьба» в общем грамматическом толковании означает «деятельность, направленную на преодоление, уничтожение чего-то» [11], поэтому понятие «борьба с правовым нигилизмом молодежи» также не может быть бесспорным из соображений, приведенных выше.

Г.Ш. Хамитова использует понятие «предупреждение» и предлагает следующий «комплекс мер по предупреждению правового нигилизма молодежи»: 1) увеличение количества часов на изучение непосредственно права в учебных планах образовательных учреждений; 2) освещение в средствах массовой информации вопросов, связанных с правом; 3) проведение регулярных бесплатных правовых лекториев, семинаров по актуальным правовым вопросам; 4) посещение молодежью ре-

альных судебных процессов [13, с. 83]. Однако «предупредить» означает «делать что-то раньше чего-то, опередить что-то в каком-то поступке, действии» [11], а мы, как и все исследователи указанной проблемы, признаем факт существования правового нигилизма молодежи, а потому, считаем, что это явление не возможно «опередить» и, соответственно, «предупредить».

Итак, проанализировав основные существующие подходы к проблеме «преодоления» правового нигилизма молодежи, мы считаем, что сущность исследуемого явления наиболее удачно отображается в понятии «*противодействие правовому нигилизму молодежи*». Термин «противодействие» означает «действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия» [11], то есть рассматриваемые явления, по нашему мнению, следует воспринимать именно как «препятствие к проявлению и развитию» правового нигилизма в молодежной среде.

Под «*противодействием правовому нигилизму молодежи*», по нашему мнению, необходимо понимать *систему мер, которые нацелены на повышение уровня правового сознания молодежи, предотвращение проявлений правового нигилизма в молодежной среде, принимаются государственными органами, общественными организациями, отдельными лицами и обществом в целом, направлены на противодействие детерминантам правового нигилизма молодежи*.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать противодействие правовому нигилизму молодежи именно как противодействие *детерминантам* правового нигилизма молодежи, следовательно меры такого противодействия могут быть изложены в видовой классификации, аналогичной классификации детерминантов по содержанию. То есть, мы предлагаем следующую систему мер противодействия правовому нигилизму молодежи:

1. *Политические* меры противодействия правовому нигилизму молодежи предполагают: прозрачность и доступность для участия молодежи в процессе принятия решений государственными органами; повышение эффективности работы судебных, правоохранительных и других государственных органов; направленность государственной политики на защиту интересов молодежи; наработка единой государственной молодежной политики.

2. *Экономические* меры противо-

действия правовому нигилизму молодежи связаны с повышением жизненного уровня молодежи, предоставлением молодому человеку социальных и экономических гарантий. О важности экономической составляющей при формировании правового сознания говорил еще И.А. Ильин: «Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание... приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, возвращая в нем чувство общественного порядка и общественной самостоятельности, верный подход к политической свободе» [14, с. 58].

3. *Социальные* меры противодействия правовому нигилизму молодежи направлены на: снижение негативных тенденций и настроений в обществе; развитие семейного правового воспитания; развитие системы молодежных общественных организаций, которые бы активно отстаивали прав и интересы молодежи.

4. *Идеологические* меры противодействия правовому нигилизму молодежи предусматривают: формирование в молодежной среде убеждений и ценностных ориентаций, связанных с глубоким уважением к правовым явлениям; широкое публичное освещение законопроектной деятельности; введение правовых дисциплин в неюридических ВУЗах и общеобразовательных учреждениях; формирование активной гражданской позиции молодежи; постепенное искоренение стереотипов противоправного поведения, сложившихся на протяжении многих лет в сознании молодежи, основываясь на положительных примерах правовой практики. Как подчеркивает Н.Я. Соколов, «недостаточно только заявить о борьбе с правовым нигилизмом... важно предложить обществу новые правовые идеи, ценности, образцовые стандарты поведения» [15, с. 38].

5. *Правовые* меры противодействия правовому нигилизму молодежи связаны с усовершенствованием законодательства и повышением престижа права в сознании молодежи. Так, Н.В. Моджина предлагает следующий «рецепт повышения правосознания»: «вознести право как индикатор ответственности, дисциплинированности, развитости и зрелости общества, уважение к праву в ранг основного, обязательного, безусловного необходимого атрибута свободы личности (именно свободы, а не ее ограничения), а не как факультативного, дополнительного

элемента государственности и порядка» [16, с. 459].

6. *Личностные* меры противодействия правовому нигилизму молодежи направлены на: популяризацию среди молодежи правовых знаний (в том числе и через средства массовой информации); пробуждение у молодого человека интереса к правовым знаниям и обеспечение их доступности; использование «нетрадиционных» форм правового воспитания молодежи (ролевых игр, практических ситуаций, применение методов рекламы и т.д.).

Выводы. Следует, однако, подчеркнуть, что приведенная классификация мер противодействия правовому нигилизму молодежи не является исчерпывающей. Это классификация лишь по одному из критериев – *по содержанию*. Вместе с тем можно выделить и другие критерии классификации исследуемого явления. Так, *по территориальному охвату* меры противодействия правовому нигилизму молодежи можно условно разделить на *общегосударственные, региональные* (осуществляются в отдельном административно-территориальном образовании) и *местные* (ограничиваются отдельным населенным пунктом); а *в зависимости от сферы охватывания* – на *общие, групповые* (направленные на отдельные группы молодежи – студенческую, рабочую, сельскую молодежь и т.д.) и *индивидуальные* (касаются конкретного молодого человека).

Список использованной литературы:

1. Жовтобрюх М.М., Барко О.И. Правовой нигилизм: суть и шляхи подолання // Держава та регіони: Серія: Право. – 2011. – № 2. – С. 9-12.
2. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. – 1990. – № 9. – С. 3-5.
3. Бондаренко А.В. Правовой нигилизм как деформация правового сознания // Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2011. – № 2 (27). – С. 14-18.
4. Демічева В.В. Проблеми подолання явищ правового нигілізму // Правова держава. – Вип. 21. – С. 119-124.
5. Демченко І.С. Правовой нигілізм в Україні. Шляхи його подолання // Наукові конференції. Соціум. Наука. Культура. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://intkonf.org/>

[demchenko-is-pravoviy-nigilizm-v-ukrayini-shlyahi-yogo-podolannya/](http://intkonf.org/demchenko-is-pravoviy-nigilizm-v-ukrayini-shlyahi-yogo-podolannya/)

6. Назарова Н.Л. Правовой нигилизм как особенность правового сознания в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7). – С. 362-365.

7. Шульга А.М. Правовой нигілізм: український досвід // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. – 2010. – № 4 (51). Ч. 1. – С. 16-22.

8. Паремузов А.Н. Социальные стратегии преодоления правового нигилизма в современной России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – С. 40-42.

9. Тополь Ю.О. Правовой нигілізм: стан, детермінанти та можливі шляхи подолання // Вісник Хмельницького інституту управління і права. – 2004. – № 3. – С.25-33.

10. Волошенко О.В. Правовой нигілізм у пострадянському суспільстві : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Х., 2000. – 18 с

11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия) / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>

12. Бурдоносова М.А. Правовой нигілізм: сутність та основні риси // Часопис Київського університету права. – 2008. – № 4. – С. 53-58.

13. Хамитова Г.Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальный феномен: причины девиаций и пути их преодоления // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 2 (02). – С.82-83.

14. Ильин И.А. Блаженны собственники // Новое время. – 1992. – № 15. – С. 57-59.

15. Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов и законность. – М.: Проспект, 2011. – 160 с. 16. Моджина Н.В. Правовой нигилизм и правосознание россиян // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – №2. – С. 455-459.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В. БАБАКИН,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

Given article is devoted to studying of scientific researches on the problems of counteraction of youth criminality by operative divisions of law enforcement bodies. The author conducts the analysis of scientific literature of last years on the issue of research of problems mentioned above, opinions of scientists on given issue are considered.

Keywords: youth criminality, counteraction of youth criminality by law enforcement bodies.

Данная статья посвящена исследованию научных разработок по вопросу проблем противодействия молодежной преступности оперативными подразделениями органов внутренних дел. Автором проведен анализ научной литературы последних лет на предмет исследования вышеупомянутых проблем, рассмотрены точки зрения ученых относительно данного вопроса.

Ключевые слова: преступность среди молодежи, противодействие молодежной преступности со стороны правоохранительных органов.

Постановка проблемы. Противодействие преступности является одним из необходимых условий реформирования украинского общества. За годы независимости в Украине было принято несколько законов, указов, концепций, программ, других нормативно-правовых актов, направленных на противодействие преступности и коррупции, а также на реформирование правоохранительных и судебных органов. Однако все эти мероприятия не дали ощутимых позитивных результатов.

Актуальность темы. Сегодня очень остро стоит вопрос: каким путем идти дальше – путем криминализации общества или путем предотвращения и противодействия криминальной экспансии? В Украине опаснейшим по своим социальным результатам стал рост уровня преступности. Поэтому, чтобы исследовать состояние разработки вопроса противодействия молодежной преступности, мы обратились к специализированным научным трудам последних лет.

Изучением данной и смежной проблематикой занимались такие ученые, как А. М. Бандурка, С. Ф. Денисов, Т. С. Жукова, О. В. Кириченко, О. А. Шевченко, О. О. Горишный, Н. В. Яницкая, Е. Ю. Плиско, К. В. Шевцова, В. В. Шендрик, А. А. Южно и другие.

Целью статьи является исследование состояния научных разработок по проблемам противодействия оперативными подразделениями органов внутренних дел преступлениям, которые совершаются молодежью.

Изложение основного материала исследования. Е. Ю. Плиско в статье «Сущность и причины подростковых правонарушений и преступности» [1] анализирует факторы, которые способствуют молодежной преступности, и приходит к выводу, что условия семейного воспитания подростка накладывают отпечаток на всю его дальнейшую

жизнь и служат отправной точкой формирования его личности. Семья, согласно требований, которые к ней выдвигаются, должна максимально обеспечить условия адаптации ее членов к нормам общественной жизни, подготовить почву для принятия ребенком социальных норм. Криминогенное влияние семьи заключается в стихийном или целенаправленном формировании антиобщественных качеств у ребенка или в непротивлении формированию таких качеств. Результаты многочисленных исследований убеждают, что на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя влияют просчеты как учебно-воспитательного процесса, так и системы воспитательной работы в целом [1, с. 232].

О. О. Горишный в своей работе «Соотношение механизмов противодействия преступности и криминально-правового влияния» [2] задает вопрос: что же должно быть первичным – карательное или предохранительное. Ответ на него при всей простоте имеет принципиальное значение. По нашему мнению, ситуация с приматом механизма криминально-правового влияния не изменится до тех пор, пока не будет сформирована действующая система прогнозирования последствий принятия тех или других управленческих решений, а также их влияния на обстановку криминолога на разных уровнях, в противном

случае мы будем иметь дело с естественным ограничением действия механизма криминально-правового влияния и широкого включения в механизм противодействия преступности средств, не связанных с наказанием, принуждением и т. п. Очевидно, именно в этом проявляются зрелость гражданского общества и гуманизм публичной власти [2, с. 192].

Л. И. Дубчак в исследовании «Преступность несовершеннолетних как отражение недостатков школьного и вузовского воспитания» [3] рассматривает преступность несовершеннолетних с позиций педагогики.

Б.Н. Головкин в статье «Криминологические средства обеспечения безопасности от корыстной насильственной преступности и ее проявлений» [4] указывает приоритетные направления обеспечения криминологической безопасности от корыстной насильственной преступности и ее проявлений. В качестве таковых мы предлагаем выделить четыре основных направления: 1) улучшение адаптированности молодежи к общественным трансформациям рыночного типа; 2) предотвращение негативных влияний микросреды; 3) упреждение, формирование и изменение корыстной направленности насильственной ориентации; 4) предотвращение и прекращение задуманных, подготовленных и совершенных корыстных насильственных преступных посягательств.

Содержание мероприятий, круг субъектов и характеристика предохранительной деятельности по указанным направлениям криминологического обеспечения защиты от корыстной насильственной преступности и ее проявлений заслуживают отдельного рассмотрения [4, с. 68].

Как отмечают В. В. Шендрик и И. О. Крепак в статье «Основные на-

правления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в предупреждении вымоганий и мероприятия относительно их усвоения» предлагают принять Закон Украины «О предупреждении преступлений» [5], что мы поддерживаем.

Следует также согласиться с С. Ф. Денисовым, который в исследовании «Профилактика молодежной преступности как объект криминологического исследования» [6] обосновывает выделение молодежной преступности как самостоятельного объекта криминологического исследования. Автор указывает, что существует научная и практическая необходимость в выделении молодежной преступности как специфического объекта внимания специалистов. Основным заданием такой охранительной деятельности должно стать создание банка данных криминологической информации о преступности лиц молодежного возраста (в частности, детерминанты преступного поведения, последствия совершения преступлений и т. п.). На этой основе все заинтересованные субъекты должны разработать, обосновать и реализовать основные мероприятия предотвращения преступности по разным категориям молодежи. Меры предосторожности необходимо внедрять с учетом специфической категории, а именно криминально активной части молодежи в возрасте от 18-ти до 29-ти лет [6, с. 69].

Н. В. Яницкая в диссертации «Групповая корыстно-насильственная преступность молодежи и ее предупреждение» [7] освещает комплекс вопросов относительно проблем противодействия групповой корыстно-насильственной преступности молодежи. Ученый подчеркивает, что преступность приобретает в Украине все более организованный характер. Также отмечает Н. В. Яницкая изменение криминологической характеристики и структуры преступных группировок. Она доказывает, что наиболее распространенными преступлениями, имеющими корыстно-насильственную направленность, являются разбой, грабёж, вымогательство, убийство из корыстных побуждений. Исследовательница выделяет две возрастных группы преступников: 14–17 и 18–28 лет. Она отмечает, что групповая корыстно-насильственная преступность молодежи характеризуется высоким уровнем корпоративности, наличием лидеров, которые планируют деятельность группы, жесткой внутригрупповой иерархией, четким распределением ролей и функций между участниками группы, конспирацией преступной деятельности. Особенное внимание ученый уделяет

разработке мероприятий общесоциального, специально-криминологического и виктимологического предупреждения групповых корыстно-насильственных преступлений молодежи, усвоению действующего криминального законодательства, устанавливающего ответственность за преступления [7, с. 10].

В статье О. Д. Волянюк «Основная криминологическая характеристика и предотвращение преступлений, которые совершаются несовершеннолетними» отмечено, что криминализация среды несовершеннолетних остается опасным явлением современного общества. По мнению автора, под предотвращением преступности несовершеннолетних следует понимать устранение негативных детерминантов и стимулирование позитивных тенденций в обществе и государстве, а также осуществление мероприятий относительно социально-правовой, психологической, медицинской и педагогической помощи несовершеннолетним, которые принадлежат к группе риска, и их семьям [8, с. 152], что мы поддерживаем.

Н. В. Мотунова в статье «Профилактика правонарушений среди подростков как социально-педагогическая проблема», раскрывая сущность, содержание, причины, структуру, направления предотвращения правонарушений среди подростков, обосновывает ее как социально-педагогическую проблему, которая требует постоянного внимания и усвоения [9, с. 102].

Исследование В. В. Шендрика «Предмет предупреждения преступлений в оперативно-розыскной деятельности» направлено на определение института предупреждения преступлений. Таким институтом ученый называет круг общественных отношений, связанных с применением комплексных методов, сил и средств в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на ликвидацию причин и условий совершения преступлений, их недопущение, а также прекращение преступной деятельности на стадии приготовления и покушения [10].

О. В. Кириченко и О. А. Шевченко в статье «Оперативно-розыскная профилактика преступлений как вид деятельности ОВД Украины» [11] подчеркивают несовершенство нормативно-правового регулирования оперативно-розыскного предотвращения оперативными подразделениями органов внутренних дел, а также указывают на отсутствие соответствующего отдельного ведомственного нормативного акта, который в свою очередь создает искусственные препятствия при осуществлении этого вида деятель-

ности. Мы поддерживаем мнение авторов, которые предлагают разработать и утвердить ведомственный нормативно-правовой акт, который бы регулировал деятельность органов внутренних дел относительно предотвращения преступлений оперативными подразделениями [11, с. 205].

Анализ работы С. Ф. Денисова «Проблемы предотвращения молодежной преступности в государствах Европейского союза» [12] позволяет сделать вывод о том, что в государствах ЕС существуют программы предотвращения молодежной преступности, которые применяются параллельно и дополняют друг друга. Комплексный характер таких программ предусматривает привлечение органов образования, юстиции, местного самоуправления, полиции, социального обеспечения, благотворительных организаций, общин, других общественных формирований к этой работе. В современных условиях в странах ЕС центральное место отводится предотвращению преступлений на начальной стадии (ранняя общесоциальная профилактика). Для этого государство проводит широкомасштабное планирование решения острых социально-экономических проблем. В странах ЕС действуют разные программы по превенции «молодежных» преступлений как на общегосударственном, так и на локальном уровнях [12, с. 58]. Поэтому, по нашему мнению, необходимо на законодательном уровне разработать программы относительно предотвращения молодежной преступности в Украине.

Т. С. Чебыкина в исследовании «О современном состоянии проблемы профилактики преступности среди детей в Украине» [13] обращает внимание на необходимость создания жесткого контроля со стороны государства, в частности, путем установления в действующем законодательстве повышенной ответственности за изготовление, трансляцию и реализацию продукции, которая имеет негативное влияние на культурно-воспитательную деятельность государства относительно несовершеннолетних. На основании отмеченного выше автор предлагает осуществить указанные мероприятия как первый шаг к достижению стабильности на пути формирования эффективной деятельности государственного механизма предотвращения преступности среди несовершеннолетних [13, с. 140].

Ю. Я. Заросинский и О. Я. Заросинский в статье «Причины и условия преступности несовершеннолетних требуют теоретической и практической разработки» [14] приходят к такому выводу: чтобы достигнуть эффективных предо-

хранительных результатов, необходимо прежде всего, чтобы система индивидуальных воспитательных мероприятий в полной мере учитывала возрастные (физиологические) и психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей, поскольку в генезисе совершаемых такими подростками преступлений основная роль принадлежит уже личностным качествам. Подросток не только использует ситуацию относительно совершения преступления – во многих случаях он сам ее создает. Однако психологический механизм преступного поведения заключается не только в личных взглядах, попытках и потребностях несовершеннолетнего, он также зависит от характера его отношений с группой лиц, которые с ним взаимодействуют. Влияние группы на неустойчивых подростков является решающим для совершения ими преступлений. В группе во время коллективных действий ее членов происходит некое приумножение, повышение уровня и силы некоторых психических состояний и моральных чувств субъектов, приводящих к совершению антиобщественного проступка, который поодиночке может быть и не совершен [14, с. 67].

М. В. Корниенко исследует данную проблематику в работе «Причины и условия распространения преступности несовершеннолетних на современном этапе нашего государства» [15] и называет основными причинами и условиями преступлений среди несовершеннолетних отсутствие родительского внимания к воспитанию детей, негативное влияние в ближайшем окружении, незанятость, нетрудоустроенность несовершеннолетних после окончания учебных заведений, недостатки в деятельности правоохранительных органов и социальных служб государства, негативное влияние СМИ и неконтролируемый доступ несовершеннолетних к интернет-технологиям [15, с. 223].

Д. М. Тычина в работе «Принципы предотвращения корыстно-насильственных преступлений, которые совершают группы подростков» делает вывод, согласно которому совершение преступлений для значительной части подростков становится даже не профессией, а образом жизни. Подростковая преступность значительно молодеет, приобретает более опасные формы проявления, привлекая к сфере своего влияния все большее количество несовершеннолетних, формируя в них преступное мировоззрение. Мы поддерживаем автора, который предлагает структурированный комплекс заданий относительно предотвращения развития преступности несовершеннолетних; сокращение соци-

альной базы преступности несовершеннолетних; выявление подростков с индивидуальными особенностями психики, которые способствуют противоправной ориентации, проведение с ними индивидуальной профилактической работы, создания условий для нормального образа жизни и получения образования, достойного трудоустройства, развития общественного сознания и общественной морали; нейтрализация (ослабление влияния) причин и условий, которые способствуют совершению преступлений; преодоление правового нигилизма, противодействие распространению пьянства и наркомании, своевременное выявление и разъединение групп антиобщественной направленности, обеспечения правопорядка в общественных местах; противодействие влиянию криминала: снижение общего уровня преступности, вытеснения криминала из ключевых институтов гражданского общества экономики, средств массовой информации, культуры, повышения эффективности работы из контроля за организованной преступностью и в деятельности правоохранительных органов относительно выявления, предупреждения и прекращения преступлений, совершенных несовершеннолетними [16, с. 97].

Диссертация М. А. Подольного «Теоретические и практические принципы раскрытия и расследования преступлений, которые совершаются молодежными организованными группировками» определяет молодежную преступность как самостоятельный, специфический вид преступности, опасный не только сам по себе, но и влияющий на характер и динамику организованной преступности в целом. О последнем свидетельствует практика, ведь значительная часть молодежных группировок со временем трансформируется в стойкие преступные формирования взрослых преступников. Поэтому, зная уровень молодежной преступности сегодня, можно определить приблизительный уровень организованной преступности в конкретном будущем регионе [17, с. 10].

О. Кальман в работе «Что противопоставить преступности» отмечает, что огромное значение для реализации криминологической политики государства, определения стратегии и тактики противодействия преступности вообще и отдельным ее видам в частности имеет оптимизация моделирования правоохранительной системы в ракурсе деятельности из предотвращения преступлений. Однако многое зависит и от решения неотложных тактических вопросов криминологической политики. Среди них следует выделить проблему

координации усилий правоохранительных и контролирующих органов между собой, а также государственных и общественных организаций в противодействии разрушительным криминогенным процессам. Главное задание заключается в том, чтобы на базе отечественного и зарубежного опыта сконструировать модель взаимодействия специальных правоохранительных органов, государственных контролирующих органов и общественных организаций, которая бы имела реальные возможности для реализации заданий противодействию преступности. Сегодня на повестке дня стоит неотложное задание создать не антикоррупционные ведомства, а специальный государственный орган без правоохранительных функций, который занимался бы исключительно решением проблем предотвращения преступности и коррупции [18].

Статья С. Ф. Денисова «Определение криминальной активности и ее предела в молодежной преступности» обосновывает положение о том, что отдельные личностные характеристики имеют неодинаковое значение для понимания механизма их влияния на противоправное поведение, что они в разные возрастные периоды формирования личности и только в разных соединениях присущие разным возрастным группам и контингентам правонарушителей, что требует постоянного криминологического их анализа. Автор подчеркивает, что на каждом этапе жизненного пути человек приобретает определенные навыки, умения, возможности использовать свой предыдущий опыт. Закономерно, что каждый следующий этап тесно связан с предыдущим. Молодые люди старше 30-ти лет, как правило, уже имеют место проживания, профессию, социальный статус, семью, определенные возможности, опыт и т. д. Это позволяет утверждать, что личность сформировалась. Именно поэтому малоперспективен путь приобретения молодым человеком криминальной ориентации, что в зрелом возрасте делает возвращение к социализированному образу жизни маловероятным [19].

Т. С. Жукова в диссертации «Социальные принципы предотвращения преступности молодежи в Украине и Италии (сравнительное исследование)» изучает опыт Италии в предупреждении молодежной преступности и сравнивает его с опытом Украины [20].

С. Ф. Денисов в статье «Рецидивная преступность молодежи: интегративная перспектива анализа» по результатам исследования приводит следующие выводы: рецидивная преступность молодежи характеризуется определенными

чертами, идеологией, поведенческие элементы, присущие преступности в целом, присутствуют и в преступности несовершеннолетних, что свидетельствует об их органической взаимосвязи, а также о том, что рецидивная преступность молодежи вырастает из общей рецидивной преступности и преступности старшего поколения; рецидивная преступность молодежи имеет собственные особенности. Они основываются, как правило, на коллективно-групповых формах асоциального поведения, характеризуются отсутствием позитивных морально-этических установок, исповедованием морали двойных стандартов и т. п. Наличие негативных ориентаций, усвоение асоциальных норм поведения в молодом возрасте в большинстве случаев способствует негативной ориентации несовершеннолетних в будущем и следованию противоправному поведению, побуждает к совершению повторных преступлений. Большинство целевых программ имеют декларативный или рекомендательный характер, по большей части возведенный к так называемому «заделыванию отдельных дыр» в организации противодействия рецидивной преступности молодежи, но не направленный на решение наиболее важных проблем, связанных с противодействием рецидиву [21, с. 277].

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели исследования отечественных ученых по вопросам молодежной преступности и должны отметить их фрагментарность, которая объясняется прежде всего нестандартностью возрастной группы преступлений: с одной стороны, отечественная юриспруденция изучает преступность в целом, с другой – существуют отдельные исследования преступности несовершеннолетних, а также отдельных видов преступности по определенным признакам (организованная преступность, рецидивная преступность, женская преступность). Если же речь идет о молодежной преступности (преступности лиц до 30-ти лет), то следует констатировать, что под этот термин подпадает половина всех совершенных преступлений. Также мы хотим обратить внимание на односторонность изучения данной темы, которая, будучи комплексной, имеет по большей части криминологический аспект, потому что изучению подлежат в первую очередь факторы молодежной преступности, ее причины и условия, что составляет только начальную стадию исследования, поскольку после изучения причин, условий, предпосылок необходимо приступить к следующему этапу исследования: определить круг преступлений, которые являются наиболее характерны-

ми для молодежной преступности и разработать рекомендации относительно ее преодоления. Здесь возникает проблема, связанная с теоретичностью данной темы, поскольку в практической жизни отсутствуют отдельные оперативные подразделения, которые занимались бы исключительно молодежной преступностью, отсутствуют государственные и региональные программы по преодолению молодежной преступности, которые претворялись бы в жизнь. Впрочем, затронутые вопросы не являются окончательно решенными и требуют дополнительного исследования и научного изучения.

Список использованной литературы:

1. Пліско Є. Ю. Сутність і причини підліткових правопорушень та злочинності / Є. Ю. Пліско // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2012. – № 5 (240). – Ч. 1. – С. 229–234.
2. Горішний О. О. Співвідношення механізмів протидії злочинності та кримінально-правового впливу / О. О. Горішний // Форум права. – 2011. – № 2. – С. 189–193.
3. Дубчак Л. Злочинність неповнолітніх як віддзеркалення недоліків шкільного та вузівського виховання / Л. Дубчак // Підприємництво, господарство і право. – 2006. – № 7. – С. 46–49.
4. Головкін Б. Криминологічні засоби забезпечення безпеки від корисливої насильницької злочинності та її проявів / Б. Головкін // Право України. – 2011. – № 1. – С. 240–246.
5. Шендрік В. В. Основні напрямки оперативно-розшукової діяльності органів внутрішніх справ у попередженні вимагань і заходів щодо їх удосконалення [Електронний ресурс] / В. В. Шендрік, І. О. Крєпак // Право і Безпека. – 2010. – № 1 (33). – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/pib/2010_1/PB-1/PB-1_19.pdf.
6. Денисов С. Ф. Профілактика молодіжної злочинності як об'єкт криминологічного дослідження / С. Ф. Денисов // Держава та регіони. Право. – 2010. – № 2. – С. 65–69.
7. Яницька Н. В. Групова корисливо-насильницька злочинність молоді та її попередження : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Яницька Наталія Володимирівна. – К., 2000. – 19 с.
8. Волянюк О. Д. Основна криминологічна характеристика та запобігання злочинам, що вчиняються неповнолітніми / О. Д. Волянюк // Держава та регіони. Право. – 2012. – № 1. – С. 150–152.
9. Мотунова Н. В. Профілактика правопорушень серед підлітків як соціально-педагогічна проблема / Н. В. Мотунова // Соціальна педагогіка: теорія та практика. – 2011. – № 3. – С. 95–102.

10. Шендрік В. В. Предмет попередження злочинів в оперативно-розшуковій діяльності [Електронний ресурс] / В. В. Шендрік // Право і Безпека. – 2011. – № 3 (40). – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Pib/2011_3/index.htm.

11. Кириченко О. В. Оперативно-розшукова профілактика злочинів як вид діяльності ОВС України / О. В. Кириченко, О. А. Шевченко // Вісник Запорізького інституту. – 2009. – № 2. – С. 199–206.

12. Денисов С. Ф. Проблеми запобігання молодіжній злочинності в державах Європейського союзу / С. Ф. Денисов // Держава та регіони. Право. – 2010. – № 3. – С. 54–58.

13. Чебикіна Т. С. Про сучасний стан проблеми профілактики злочинності серед дітей в Україні / Т. С. Чебикіна // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Юридичні науки». – 2011. – № 1 (1). – С. 131–140.

14. Заросинський Ю. Л. Причини і умови злочинності неповнолітніх потребують теоретичного і практичного розроблення / Ю. Заросинський, О. Заросинський // Право України. – 2004. – № 3. – С. 64–67.

15. Корнієнко М. В. Причини та умови поширення злочинності неповнолітніх на сучасному етапі нашої держави / М. В. Корнієнко // Часопис Київського університету права. – 2011. – № 2. – С. 219–223.

16. Тичина Д. М. Засади запобігання корисливо-насильницьким злочинам, що вчиняють групи підлітків / Д. М. Тичина // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – 2011. – № 2. – С. 92–97.

17. Подольний Н. А. Теоретичні і практичні основи раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Подольный Николай Александрович. – М., 2007. – 48 с.

18. Кальман О. Г. Що протиставити злочинності / О. Кальман // Дзеркало тижня. – 2009. – 7–13 берез. – № 8 (736).

19. Денисов С. Ф. Визначення кримінальної активності та її меж у молодіжній злочинності [Електронний ресурс] / С. Ф. Денисов // Кримський юридичний вісник. – 2009. – № 3 (7). – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Kyuv/2009_3/10.pdf.

20. Жукова Т. С. Соціальні засади запобігання злочинності молоді в Україні та Італії (порівняльне дослідження) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жукова Тетяна Станіславівна. – Запоріжжя, 2011. – 20 с.

21. Денисов С. Ф. Рецидивна злочинність молоді: інтегративна перспектива аналізу / С. Ф. Денисов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 1 (62). – С. 272–277.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОКУРАТУР В УКРАИНЕ

К. КУРСКАЯ,

юрист 2 класса, аспирант кафедры организации работы и управления в органах прокуратуры Национальной академии прокуратуры Украины

SUMMARY

The modern consisting of water resources of Ukraine needs require guard. With the purpose of providing of legality in the branch of the use and guard of water resources, maintain of ecological laws of people and citizen, state and public interests, operates the specialized Dnepr ecological office of public prosecutor is created. Basic problem which organization of complex supervision is by the observance of ecological legislation there is Dnepr on territory of river basin which served as the study of peculiarities of legal regulation of environmental prosecutors in Ukraine.

Keywords: protection of water resources; supervision of the prosecution; environmental prosecutor.

Современное состояние водных ресурсов в Украине нуждается в немедленной охране. С целью обеспечения законности в сфере использования и охраны водных ресурсов, защиты экологических прав человека и гражданина, государственных и общественных интересов функционирует Днепровская экологическая прокуратура, основная задача которой является организация комплексного надзора за соблюдением экологического законодательства на территории бассейна реки Днепр, что и послужило изучению особенностей правового регулирования деятельности экологических прокуратур в Украине.

Ключевые слова: охрана водных ресурсов; прокурорский надзор; экологические прокуратуры.

Постановка проблемы. Органы прокуратуры выступают конституционным гарантом обеспечения соблюдения и применения законов во всех сферах деятельности государства в отличие от контрольных функций других государственных образований, которые в современных условиях развития общества по различным причинам стали малоэффективны или осуществляются эпизодически. Соответственно прокурорско-надзорная деятельность является постоянной и системной. Особенно выразительно она проявляется в работе специализированных прокуратур при организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов в сфере охраны окружающей природной среды [1, с.11].

Актуальность темы. Вопросам развития прокурорского надзора за соблюдением и применением законов в сфере окружающей природной среды уделяли внимание отечественные и российские ученые, такие как В.И. Бабенко, Ю.Е. Винокуров, В.П. Виноградов, В.Н. Гарашук, О.Б. Галкин, А.В. Головкин, Е.М. Жевлаков, М.В. Краснова, И.Н. Козьяков, Т.Р. Мирзаев, С.В. Таранушич, Н.В. Руденко, В.А. Солдатов, В.В. Сухонос. При этом, несмотря на их огромный вклад в разработку данной темы, особенности правового регулирования деятельности экологических прокуратур в Украине требуют более подробного изучения, что и стало целью этой статьи.

Цель научной статьи. В первую очередь для этого необходимо ознакомиться с историей создания специализированных прокуратур, особенностями правового регулирования их деятельности и тем, что послужило примером образования экологических прокуратур в Украине. Кроме этого, выяснить причины создания Днепровской экологической прокуратуры, а так же специфику правового регулирования ее деятельности, структуру и компетенцию.

Изложение основного материала исследования. Процесс создания специализированных прокуратур берет начало с ранних этапов формирования института прокуратуры как правоохранительного органа государства.

Как указано в научных источниках, прокурорский надзор в сфере охраны природы, так называемый экологический надзор [2, с. 24], появился с 6 февраля 1989 года, когда Президиум Верховного Совета ССР принял Указ «О структуре прокуратуры Союза ССР». Новая система организации Прокуратуры СССР предполагала наряду с другими управлениями и отделами создание управления по надзору за соблюдением природоохранного законодательства.

Кроме того, в соответствии с п. 7 Постановления Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 года «О неотложных мерах относительно экологического оздоровления государства» была расширена сеть природоохранных прокуратур, в том числе и в Украинской ССР [3, с. 153–154]. После чего прокурорский надзор за соблюдением законодательства об охране природы стал одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры.

Примером в сфере реализации прокурорского надзора за соблюдением природоохранного законодательства стало функционирование Азово-Черноморской межреспубликанской природоохранной прокуратуры, созданной приказом Генерального прокурора СССР от 19 июля 1990 года № 21 и подчинявшейся непосредственно Генеральной прокуратуре Союза ССР. Прокуратура осуществляла надзор за исполнением природоохранного законодательства на территории трёх союзных республик – Украины, России и Грузии, охватывая акватории Черного и Азовского морей от Румынии до Турции [4, с. 21].

Нельзя не отметить опыт создания природоохранных прокуратур в Российской Федерации. Их формирование началось примерно в 1985–1986 годах. Тогда же были созданы Каспийская бассейновая прокуратура (на правах областной), межрайонные прокуратуры на Байкале и другие. Уже к 1991 году их количество значительно увеличилось.

Предпосылкой к созданию в системе органов прокуратуры Украины специализированной экологической прокуратуры послужило изучение позитивного 18-ти летнего опыта Волжской экологической прокуратуры в Российской Федерации.

27 апреля 1990 года приказом Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева была создана первая в России специализированная природоохранная прокуратура как орган, осуществляющий прокурорский надзор за соблюдением законов, направленных на защиту окружающей природной среды и экологических прав граждан, органами власти, местного самоуправления, при-

родоохранными контролирующими органами, предприятиями, учреждениями, организациями, расположенными в бассейне реки Волга. В настоящее время Волжская экологическая природоохранная прокуратура осуществляет надзор на территории 15 субъектов Российской Федерации Поволжья: от Осташкова, где берет начало великая русская река и находится ее исток, до Астрахани. Прокуратура создана по бассейновому принципу, что в свою очередь дало возможность выработать качественно новый подход к организации прокурорского надзора [5, с. 108].

Со дня провозглашения независимости Украины в пределах конституционно определенных функций на прокуратуру возложены полномочия по организации надзора за соблюдением и применением законодательства.

Согласно ст. 1 Закона Украины «О прокуратуре» городские, районные, межрайонные, районные в городах и другие приравненные к ним прокуратуры как одно из главных звеньев системы ее органов осуществляют на определенной территории надзор за соблюдением и точным применением экологического законодательства. В то же время указанные полномочия, согласно положениям Закона Украины «О прокуратуре» и отраслевых приказов Генерального прокурора Украины, возложены и на природоохранные прокуратуры. Они как разновидность специализированных прокуратур образованы на общих принципах организации деятельности, перед ними поставлены те же задачи, что и перед территориальными органами прокуратуры, они наделены теми же полномочиями, но с учетом специфики объектов надзора [6, с. 5].

Согласно ст. 13 Закона Украины «О прокуратуре» систему органов прокуратуры Украины образуют: Генеральная прокуратура Украины, прокуратуры Автономной Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя (на правах областных), городские, районные, межрайонные, районные в городах.

Принимая во внимание то, что любая система состоит из определенного количества взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов [7, с. 130], и исходя из понимания предмета надзора, в частности, его нормативно-правового регулирования, систему специализированных прокуратур в Украине образуют: по надзору за соблюдением законов в транспортной сфере, Днепровская экологическая прокуратура (на правах областной), природоохранная и прокуратуры по надзору за соблюдением законов в военной сфере.

Потребность создания экологических прокуратур в Украине возникла в связи с нарушениями водного и земельного законодательства, которые приобрели массовый характер. Это не только загрязнения главной артерии государства – реки Днепр сточными водами, но также и нерациональное использование ее ресурсов, в частности подземных источников, так называемых стратегических запасов. Особо негативное отношение вызывает незаконная застройка прибрежных линий, в следствие которой меняется русло реки, а так же нелегальная хозяйственная деятельность. В последнее время она приобрела еще более негативное влияние на состояние водных ресурсов. Совокупность вышеуказанных факторов приводит к уничтожению уникальной экосистемы Днепра, каскада ее водохранилищ.

Поэтому охрана водных ресурсов Днепровского бассейна сегодня является одним из главных направлений деятельности Генеральной прокуратуры Украины. По инициативе главы государства и во исполнение его поручения приказом Генерального прокурора Украины от 4 ноября 2011 года № 173ш создана Днепровская экологическая прокуратура. Основной ее задачей является защита главной водной артерии государства – Днепра, его прибрежных линий, а значит, обеспечение конституционных прав и свобод граждан Украины, пользующихся ресурсами этой реки [8, с. 5].

В структуру Днепровской экологической прокуратуры, осуществляющей свою деятельность на правах областной, вошли 7 межрайонных экологических прокуратур: Киевская, Кременчугская, Днепропетровская, Запорожская, Херсонская, Очаковская и Черкасская. К их компетенции относится водопользование и сохранение вод; предоставление в собственность, пользование, извлечение, изменение целевого назначения земель водного фонда; соблюдение водоохранного и экологического законодательства физическими и юридическими лицами независимо от форм собственности, подчиненности, а также субъектами хозяйствования; применение законов в деятельности исполнительной власти, местного самоуправления, специально уполномоченных органов, осуществляющих государственный контроль в этих сферах и на объектах; сбросы непосредственно в реку Днепр и ее водохранилища; соблюдение антикоррупционного законодательства [9].

Кроме того, в структуре Днепровской экологической прокуратуры приказом Генерального прокурора Украины от 4 октября 2011 года № 173ш создана

Киевская межрайонная экологическая прокуратура, на которую возложены полномочия по осуществлению прокурорского надзора за соблюдением и применением законов, представительство интересов граждан или государства в случаях, предусмотренных законом, противодействие коррупции и преступности в сфере охраны и сохранения водных ресурсов реки Днепр, Киевского и Каневского водохранилищ, водоохранных зон, прибрежных защитных линий на территории Киевской и Черниговской областей, а также в городе Киеве.

Полномочия органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением и применением законодательства в сфере охраны окружающей природной среды закреплены в Конституции Украины, Законе Украины «Об охране окружающей природной среды», Законе Украины «О прокуратуре» и конкретизированы в приказах Генерального прокурора Украины от 7 ноября 2012 года № 3гн «Об организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов»; от 4 октября 2011 года № 3/2гн «Об особенностях организации деятельности органов прокуратуры в сферах охраны окружающей природной среды и земельных отношений».

В соответствии с положениями указанных нормативно-правовых актов организация прокурорского надзора в сфере охраны окружающей природной среды осуществляется с учетом статистических и аналитических данных контролирующих, правоохранительных, других государственных органов, сообщений в средствах массовой информации, юридических и физических лиц о нарушениях экологического законодательства.

Более детально компетенция экологических прокуратур конкретизирована в п. 8.4 приказа Генерального прокурора Украины от 4 октября 2011 года № 3/2гн «Об особенностях организации деятельности органов прокуратуры в сферах охраны окружающей природной среды и земельных отношений».

В обязанности Днепровского экологического прокурора и межрайонных экологических прокуроров входит осуществление правозащитной, представительской и другой деятельности в пределах реки Днепр, ее водохранилищ, Днепровско-Бугского лимана, его водоохранных зон, прибрежных защитных линий по вопросам: водопользования и сохранения вод (забор, водоснабжение, сбросы), водных живых ресурсов; соблюдение законодательства по охране водных ресурсов при эксплуатации гидротехнических и водохозяйственных

объектов, в первую очередь повышенной опасности; предоставление в собственности, пользование, извлечение, изменение целевого назначения земель водного фонда; соблюдение водоохранного и экологического законодательства в деятельности на указанной территории физических и юридических лиц независимо от форм собственности, подчиненности и принадлежности; соблюдение законов в деятельности органов исполнительной власти, местного самоуправления, специально уполномоченных органов, которые осуществляют государственный контроль в этих сферах; рассмотрение заявлений и сообщений о подследственных органам прокуратуры преступлениях в сфере охраны природы и земельных отношений, а также о преступлениях, совершенных работниками поднадзорных правоохранительных органов; досудебное расследование по указанной категории уголовных производств; прокурорский надзор и поддержание государственного обвинения по указанным категориям дел; надзор, в пределах компетенции, за соблюдением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях; осуществление производства досудебного расследования, оперативно-розыскной деятельности органами внутренних дел на водном транспорте, Службой безопасности Украины и органами, осуществляющими контроль за соблюдением налогового законодательства; соблюдение антикоррупционного законодательства в указанных сферах.

Одним из главных аспектов нормативного регулирования в практической деятельности являются вопросы о разграничении компетенции между экологическими, транспортными и территориальными прокуратурами с учетом следующих обстоятельств [10, с. 13].

В соответствии с п. 1 приказа Генерального прокурора Украины от 28 декабря 2012 года № 3/1 гн «Об особенностях организации деятельности органов прокуратуры в сфере транспорта» транспортные прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов на железнодорожном, морском, речном, авиационном, трубопроводном, автомобильном транспорте, включая сферу автотранспортного комплекса, городского электротранспорта, в том числе и метрополитена. В то же время, например, преступления, связанные с функционированием водного транспорта или нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств водного транспорта, может одновременно причинять вред и водным ресур-

сам. В этом случае необходимо в п. 8.4 приказа «Об особенностях организации деятельности органов прокуратуры в сферах охраны окружающей природной среды и земельных отношений» четко определить объекты прокурорского надзора для разграничения компетенции между транспортными и экологическими прокуратурами.

При этом экологические и природоохранные прокуратуры без поддержки территориальных прокуратур не в состоянии полностью выполнять свои функциональные обязанности на всей территории Украины, так как деятельность Днепропетровской экологической прокуратуры по надзору за соблюдением и применением законов осуществляется на территории 10 административно-территориальных единиц Украины (города Киева, Киевской, Черниговской, Полтавской, Черкасской, Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской, Николаевской и Херсонской областей).

А это значит, что при создании специализированной экологической прокуратуры по охране водных ресурсов, компетенция которой распространяется на определенную территорию (реки Днепр, ее водохранилища и Днепропетровско-Бугского лимана), были автоматически исключены территориальные прокуроры по осуществлению надзора за соблюдением природоохранного законодательства, в том числе законодательства по охране и использованию вод [11, с. 397]. В целом нужно согласиться с Н. Руденко, который, исследуя данный вопрос, отмечает: «Руководители прокуратур не учитывают того, что создание экологических прокуратур не освобождает территориальные органы от указанного надзора в источниках загрязнения на природных объектах, размещенных на территории функционирования природоохранной или районной прокуратуры» [12, с. 10].

Таким образом, рассматриваемая сфера деятельности экологических прокуратур относительно новая. Существенные нарушения экологического законодательства в сфере нерационального использования водных ресурсов, выбросы вредных веществ в водные объекты без специальных разрешений органов исполнительной власти, незаконное строительство сооружений на заповедных и прибрежных территориях реки Днепр, уничтожение зеленых насаждений, увеличение количества несанкционированных отходов на землях водного фонда, в том числе недостаточной эффективной деятельностью специально уполномоченных государственных органов, стали реальной угрозой экологической безопасности страны.

Выводы. С учетом изложенного выше была создана Днепропетровская экологическая прокуратура, деятельность которой направлена на обеспечение законности в сфере использования и охраны вод, восстановление ресурсов Днепра в пределах водохранилищ, Днепропетровско-Бугского лимана, его водоохраных зон, прибрежных защитных линий, а также на законность работы контролирующих органов.

При этом неразрешенными остаются вопросы правового регулирования деятельности экологических прокуратур. А именно: недостаточно разграничена компетенция между природоохранной, экологическими, транспортными и территориальными прокуратурами, не существует четкого распределения объектов прокурорского надзора, а также не определено количество функционирующих контролирующих органов.

С целью повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением и применением законов в сфере охраны водных ресурсов и деятельности Днепропетровской экологической прокуратуры необходимо:

1) усовершенствовать организацию прокурорского надзора путем создания отдельного отраслевого приказа Генерального прокурора Украины «Об организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов в сфере охраны водных ресурсов», который бы учитывал специфику деятельности Днепропетровской экологической прокуратуры; устанавливал четкое разграничение компетенции между природоохранной, экологическими, транспортными и территориальными прокуратурами, а так же порядок проведения проверок на поднадзорных водных объектах и обеспечение законности деятельности контролирующих органов;

2) разработать на уровне Генеральной прокуратуры Украины Положение «О Днепропетровской экологической прокуратуре», в котором определить цель, задачи, функции, полномочия, гарантии деятельности прокуроров и их ответственность, что в свою очередь будет исключать дублирование полномочий органов контроля и надзора во время выполнения задач в сфере охраны водных ресурсов.

Список использованных источников:

1. Лемак Р.В. Прокурорський нагляд за додержанням законів в умовах виконання покарань. Автореф. дис... канд. юрид. наук / Р.В. Лемак

- Х.: Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – 2012. – 24с.

2. Руденко М.В. Компетенція природоохоронного прокурора (на допомогу прокурорам) // М.В. Руденко / Право України. – 1992. - № 12. – 23-26с.

3. Бабенко В.І., Руденко М.В. Прокурор у галузі охорони довкілля: Сутність, повноваження, організація: // В.І. Бабенко, М.В. Руденко / Навч. посіб. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. – К.: Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2005. – 408с.

4. Таранушич С.В. Організаційно-правові аспекти діяльності природоохоронної прокуратури. дис... канд. юрид. наук / С.В. Таранушич – К.: Академія адвокатури України. – 2007. – 217с.

5. Солдатова В.А. Работа Волжской природоохранной прокуратуры // В.А. Солдатова / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. - № 6. – 108-118с.

6. Руденко М. Чи потрібні спецпрокуратури / М. Руденко // Дзеркало тижня. – 2000. - № 31 (304). – 5-11 серпня.

7. Сухонос В.В. Прокуратура в системі державних органів України: теоретичний аналіз сучасного стану та перспектив розвитку: Монографія // В.В. Сухонос / - Суми: ВТД «Університетська книга». – 2008. – 448с.

8. Голос України газета Верховної Ради України. – від 19 вересня 2012 року. - № 175 (5425).

9. Завдання і функції Дніпровської екологічної прокуратури // Офіційний інтернет-портал Дніпровської екологічної прокуратури: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.dep.gov.ua>.

10. Задоренко І., Подкопась С. Проблеми розмежування компетенції між екологічними, транспортними та територіальними прокурорами // І. Задоренко, С. Подкопась / Вісник академії прокуратури України. – 2012. - № 1. – 13-16с.

11. Краснова М.В. Правові форми екологічного контролю: Навчальний посібник // М.В. Краснова, Е.В. Позняк, Т.П. Коваленко, та ін. / - К.: Алерта. – 2012. – 760с.

12. Руденко М. Нагляд прокурора за виконанням законодавства про охорону вод (методичні рекомендації) / М. Руденко // Право України. – 1993. - № 4. – 9-12с.

13. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебная власть / И.Л. Петрухин // - М. – 2001. – 17-36с.

РОЛЬ И ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ «ЗАЛОГ»

Л. БАБИЧ,

адъюнкт кафедры уголовного процесса и правосудия Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренка

SUMMARY

The several key points of bail injunction procedure are were discussed. General and low contemporary system analysis to bail injunction legal control undstanding were applied. Court procedural independence and competence limits are were determined.

Keywords: bail injunction, preventive limit, legal control, criminal trial.

Предлагаемая статья посвящена отдельным вопросам функционирования института судебного контроля при избрании меры пресечения в виде «залога». Автор проводит анализ роли и предмета судебного контроля с использованием гносеологического и сравнительно-правового методов познания, по избранию конкретного вида меры пресечения. Определяется предмет и пределы процессуальной самостоятельности и компетентности суда.

Ключевые слова: залог, мера пресечения, судебный контроль, предмет судебного контроля, роль судебного контроля, уголовный процесс.

Постановка проблемы. Задачи, стоящие перед уголовным производством, требуют избирательного и дифференцированного подхода к применению уголовно-процессуальных санкций, а особенно такого сложного института как «меры пресечения». Важность указанной проблематики подчеркивается постоянно проводимой политикой гуманизации сферы уголовного производства и в то же время действием принципа неотвратимости наказания. Данная ситуация заставляет ученых и практиков искать все более новые подходы по определению правовых механизмов избрания наиболее эффективной меры пресечения. На данном этапе такая задача возложена на сравнительно молодой институт «судебного контроля», как функции судебной власти и «залога», как альтернативной меры пресечения.

Актуальность темы. Анализ статистических данных работ следственных и судебных органов Украины за первые 6 месяцев 2013 года указывают на то, что прогнозы применения «залога» как альтернативной и наиболее распространенной меры пресечения по УПК Украины № 4651-VI, принятого 13.04.2012 года и введенного в действие с 20.11.2012 года, не оправдали ожидаемых результатов. Так, по частоте использования из общей массы примененных мер пресечения «залог» оказался не на первом, а на предпоследнем месте, так: личное обязательство было применено к 12 486 лицам, содержание под стражей – 7 455, домашний арест – 2 234, залог – 506 и личное поручительство, соответственно – 391.

В связи с этим, приобретает свою актуальность необходимость дальнейшего исследования процессуального порядка, особенностей и проблемных аспектов применения «залога» как меры пресечения, в контексте роли и предмета судебного контроля за его избранием.

Отдельные теоритические и практические вопросы функционирования институтов «залога» и «судебного контроля» в уголовном процессе уже стали предметом исследования таких известных ученых как: С.И. Вершинина, Т.В. Данченко, Ю.В. Донченка, А.В. Захарка, Н.С. Карпова, Л.А. Кротовой, В.В. Кряковцева, В.А. Михайлова, Н.А. Погорецкого, В.И. Слипченка, А.В. Смирнова, Т.В. Шаповаловой и др. Однако, учитывая кардинальные изменения роли судебного контроля, произошедшие в 2012 году в украинском уголовно-процессуальном законодательстве, указанные выше труды авторов, не решают всех существующих проблем практики и теории уголовного процесса, что дополнительно подчеркивает актуальность данного исследования.

Цель статьи – определение роли и предмета судебного контроля при избрании меры пресечения в виде «залога».

Изложение основного материала исследования. Залог, как один из видов меры пресечения, широко

используется другими государствами, например, п. 9 ч. 3 ст. 175 УПК Молдовы [1], п. 5 ст. 98 КПК РФ [2], п. 5 ч. 2 ст. 116 УПК Республики Беларусь [3], п. 5 ч. 5 ст. 101 КПК Кыргызской Республики [4] и др. Разница состоит только в требованиях к процессуальному порядку, размерам и основаниям его применения. Указанное свидетельствует об его универсальности, достаточной надежности и весомой альтернативности содержанию под стражей. Следует отметить, что до настоящего времени в некоторых странах на досудебном этапе уголовного производства для применения «залога» требуется только санкция прокурора (ч. 2 ст. 118 УПК Республики Беларусь, ч. 2 ст. 109 УПК Кыргызской Республики). Однако, в большинстве государств решения вопроса о возможности и целесообразности его применения является исключительной прерогативой суда. В соответствии с положениями ч. 4 ст. 176 УПК Украины, все виды мер пресечения применяются только по определению следственного судьи – на досудебном этапе производства и судом – во время судебного рассмотрения.

По заключению международных и европейских экспертов УПК Украины на данный момент является самым прогрессивным и демократическим уголовно-процессуальным законом Европы. О чем свидетельствует и детальная регламентация в гл. 18 УПК Украины процессуального порядка применения всех видов мер пресечения. В связи с этим уже на досудебном этапе уголовного производства на следственных судей возложена роль независимого арбитра, между стороной обвинения и защиты, в определении наиболее эффективной и соразмерной личности подозреваемого меры пресечения. Указанный факт требует четкого понимания роли и предмета судебного контроля как для практики применения норм УПК Украины, так и для теории уголовного процесса. Специфика указанных задач подчеркивается еще и тем, что УПК Украины и других государств не содержит термина «предмет судебного контроля». Однако, исходя из системного анализа положений и норм УПК Украины, целесообразно сделать вывод, что следственный судья, как автономный представитель судебной власти, все же имеет четкие границы своих процессуальных полномочий как общего, так и частного характера, при избрании рассматриваемой нами меры пресечения «залог». К требованиям общего характера целесообразно отнести, следующее:

- цель применения меры пресече-

ния должна заключаться в обеспечении исполнения подозреваемым (обвиняемым¹) своих процессуальных обязанностей ч. 1 ст. 177 УПК Украины определяет;

- применять меру пресечения возможно лишь в случаях, когда существует опасность возникновения рисков, указанных в ч. 1 ст. 177 УПК Украины;

- основанием для применения меры пресечения есть только наличие обоснованного подозрения лица в совершении данного преступления (ч. 2 ст. 177 УПК Украины);

- перечень обстоятельств, характеризующих лицо, совершившее преступление, и характер преступного деяния, состоящий из 11-ти пунктов обязательных к установлению и оценке в каждом конкретном случае, согласно положений ст. 178 УПК Украины;

- невозможность достижения желаемого результата менее суровым видом меры пресечения (ч. 3 ст. 176 УПК Украины).

К требованиям частного характера при избрании меры пресечения в виде «залога», по нашему мнению, следует отнести такие положения УПК Украины, как:

- размер залога должен быть соразмерным личности и материальному положению подозреваемого (ч. 4 ст. 182 УПК Украины);

- размер залога должен достаточным образом гарантировать соблюдение подозреваемым возложенных на него процессуальных обязанностей (ч. 4 ст. 182 УПК Украины);

- существует ли необходимость применения в данном случае повышенной или заниженной суммы залога, учитывая квалификацию совершенного преступления согласно указанных границ суммы залога в ч. 5 ст. 182 УПК Украины.

Как правильно отмечает В.И. Слипченко, в некоторых случаях регламентуя порядок применения «залога» и «содержания под стражей» как наиболее строгих мер пресечения, законодатель нечетко формулирует положения своих норм, что ставит в затруднительное положение представителей следственных органов во время их толкования [5, С. 224]. Так, например, согласно конструкции ч. 7 ст. 194 УПК Украины: «К подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде штрафа свыше трех тысяч необлагаемых налогом минимумов доходов граждан, может быть применена мера пресечения лишь в виде залога или содержания под стражей в случаях и в порядке, предусмотренном законом»² [6]. Как

указывает ученый, в начале конструкции части седьмой данной статьи норма имеет императивный характер, но в конце формулировки «...в случаях и в порядке, предусмотренном законом», речь идет об альтернативности ее применения. Что в свою очередь обязывает только следователя и прокурора при расследовании данной категории дел ставить вопрос перед следственным судьей об избрании лишь одной из двух возможных мер пресечения. Однако, следственный судья, определяя вид меры пресечения, не связан требованиями ч. 7 ст. 194 УПК Украины и должен руководствоваться общими положениями главы 18 «Меры пресечения, задержания лица» УПК Украины [5, С. 224].

Также УПК Украины не содержит прямого запрета для следственного судьи при рассмотрении ходатайств следователя (прокурора) об избрании меры пресечения, исходя из обстоятельств дела по своему усмотрению, избирать более суровую меру, чем та, о которой ставился вопрос. Однако, данная ситуация однозначно понимается практическими работниками исходя из принципов функционирования судебной власти, основывающихся на разрешительных и восстановительных аспектах применения норм права, а не на обвинительном уклоне их применения. В связи с чем, исходя из главы 18 УПК Украины, следственный судья не имеет процессуальной возможности самостоятельно принять решение об избрании более строгой меры пресечения, чем та, о которой ставился вопрос в ходатайстве.

Характерной особенностью регламентации порядка применения содержания под стражей в УПК Украины есть то обстоятельство, что обязывает следственного судью при избрании данной меры пресечения в своем постановлении, как «альтернативу», обязательно указать размер залога, достаточный для соблюдения подозреваемым возложенных на него процессуальных обязанностей (ч. 1 и ч. 3 ст. 183 УПК Украины). Данное правило не действует в тех случаях, когда лицо подозревается в совершении преступления с применением насилия или угрозой его применения, тех преступлений, которые привели к смерти человека, а также когда к данному лицу, в рамках этого уголовного производства, уже избиралась мера пресечения в виде залога, но была им нарушена (ч. 4 ст. 183 УПК Украины).

Кроме того ст. 194 УПК Украины четко определен алгоритм действий следственного судьи и перечень его обязанностей при избрании конкретной меры пресечения, а именно, он

должен установить реальность и обоснованность подозрения, существование рисков(ка) для уголовного производства и причины неэффективности более мягкой меры пресечения. В свою очередь, это влияет на то, что, во-первых, когда вышеперечисленные обстоятельства не будут обоснованы следователем, мера пресечения вообще не применяется следственным судьей (ч. 2 ст. 194 УПК Украины). Во-вторых, когда следователь (прокурор) не мотивирует неэффективность более мягкой меры пресечения, следственный судья обязан применить менее суровую меру пресечения, чем та о которой ставился вопрос в ходатайстве (ч. 4 ст. 194 УПК Украины). Указанная система нормативных ориентиров для следственного судьи является надежным механизмом и соответствующей гарантией от необоснованного и существенного ограничения прав и свобод подозреваемого.

Также следует отметить, что эффективность меры применения в виде «залога» может быть повышена рядом дополнительных обязательств, которые могут быть возложены на подозреваемого (ч. 5 ст. 194 УПК Украины). К наиболее результативным в данном случае целесообразно отнести, например, обязанность удерживаться от общения с конкретно установленным человеком, не посещать места, определенные следственным судьей, пройти курс лечения от наркомании или алкоголизма, а также постоянно носить электронное средство контроля. При этом указанные обязательства могут быть применены как в отдельно взятом порядке, так и в их совокупности на усмотрение суда.

Рассматривая вопрос о применении меры пресечения «залога», следственный судья также обладает достаточной свободой в выборе решения по рассматриваемому вопросу. Так, им может быть вынесено определение:

- удовлетворении ходатайства и избрании указанной в нем меры пресечения;
- частичном удовлетворении ходатайства и избрании менее суровой меры пресечения или отказ от возложения дополнительных обязательств на подозреваемого;
- возвращение ходатайства на доработку в связи с его несоответствием требованиям ст. 184 УПК Украины;
- отказ в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения.

Каждый из указанных выше видов решения следственного судьи требует своего обоснования с точки зрения мотивации и законности. Анализ практических материалов указал на то, что очень редко применяется такой вид

решения следственного судьи, как возвращение ходатайства на доработку следователю (прокурору). Причинами данного обстоятельства, по мнению следственных судей, есть специфический характер его обоснования и возможность следователя (прокурора) обратиться с ним повторно, что дополнительно влечет нагрузку на местные суды.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что действующий УПК Украины системно и комплексно регламентирует процессуальные полномочия следственного судьи и предмет судебного контроля за избранием меры пресечения в виде «залога». В тех случаях, когда нормы УПК Украины не регламентируют порядок и условия применения отдельных положений закона, необходимо руководствоваться положениями ч. 6 ст. 9 УПК Украины, которая разрешает применение аналоги закона и права в сфере уголовного процессуального права.

Предмет судебного контроля за избранием меры пресечения в виде «залога» определен в ст.ст. 176-178, ст. 182 ст. 184 и ст. 194 УПК Украины. Более наглядно его возможно продемонстрировать следующим образом:

- *цель* (ч. 1 ст. 177 УПК Украины) и *основания* (ч. 2 ст. 177 УПК Украины) применения;
 - *обоснованность подозрения* (п. 1 ч. 1 ст. 194 УПК Украины);
 - *существование рисков* (п.п. 1-5 ч. 1 ст. 177 и п. 2 ч. 1 ст. 194);
 - *причины неэффективности менее суровой меры пресечения* (п. 3 ч. 1 ст. 194 ч. 3 ст. 176 УПК Украины);
 - *возможность возложения дополнительных обязанностей на подозреваемого* (ч. 5 ст. 194 УПК Украины);
 - *соответствие размера залога личности подозреваемого* (ч. 4 ст. 182 УПК Украины);
 - *характер совершенного преступления* (ч. 5 ст. 182 УПК Украины).
- Указанный выше правовой анализ целесообразности применения «залога», как меры пресечения, следственный судья обязан указать и обосновать в своем определении с соблюдением требований ст. 196 УПК Украины.

Затронутая нами проблематика не есть исчерпывающей и требует дальнейших научных исследований в таких направлениях, как порядок проведения судебного заседания при избрании меры пресечения «залог», порядка исследования доказательств, особенности их предоставления стороной защиты и обвинения, основания изменения содержания под стражей на «залог».

Список использованной литературы:

¹ В соответствии с ч. 2 ст. 42 УПК Украины обвиняемым признается лицо обвинительный акт в отношении которого направлен в суд, в установленном законом порядке.

² Размер необлагаемого налогом дохода граждан в Украине составляет 17 гривен, соответственно, 3 тыс. необлагаемых налогом доходов граждан составляют 51 тыс. гривен, что составляет примерно эквиваленту в 6 300 долларов США.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова №122-XV от 14 марта 2003 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://base.garant.ru/12125178>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь № 295-3 от 16 июля 1999 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://pravo.lievonevsky.org/kodeksby/upk/20130320index.htm>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики № 62 от 30 июня 1999 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyi-kodeks-kyrgyzskoi-respubliki_5.html.

5. Збірка інформаційних матеріалів, які регулюють окремі питання кримінального провадження в Україні: [упоряд. С.М. Алфьоров, С.М. Міщенко, В.І. Фаринник та ін.]; за заг. ред. В. І. Сліпченка. – К. : «Хай-Тек Прес», 2013. – 580 с.

6. Кримінальний процесуальний кодекс України: прийнятий Верховною Радою України 13.04.2012 реєстраційний номер 4651-VI. [Електронний ресурс]. Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ

Е. ГАВРИЛЯК,
преподаватель кафедры криминалистики Луганского государственного
университета внутренних дел Украины им. Э.А. Дидоренко

SUMMARY

The paper analyzes the main aspects of the reform of the criminal procedure legislation of Ukraine and their influence on the specifics of the investigation (investigation) actions in the framework of tactical operations in the investigation of extortion. Designated tasks of the pre-trial investigation during tactical operations. The ways of improvement of legal rules governing the activities of the investigator and staff operating units during tactical operations.

Keywords: tactical operation, the tactical objective, strategic objectives, the investigation situation, investigation (investigative) actions unspoken investigation (investigative) actions.

В статье проанализированы основные аспекты реформирования уголовного процессуального законодательства Украины и их влияние на специфику проведения следственных (розыскных) действий в рамках тактических операций при расследовании вымогательств. Обозначены задачи органов досудебного расследования при проведении тактических операций. Определены пути усовершенствования правовых норм, регламентирующих деятельность следователя и сотрудников оперативных подразделений при проведении тактических операций.

Ключевые слова: тактическая операция, тактическая задача, стратегические задачи, следственная ситуация, следственные (розыскные) действия, негласные следственные (розыскные) действия.

Постановка проблемы. Защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования возможны лишь при эффективной деятельности правоохранительных органов, в частности, органов досудебного расследования.

Для осуществления своих функций органам досудебного расследования необходимы эффективные, научно-обоснованные методы и средства борьбы с преступными посягательствами, одним из которых является вымогательство.

В связи с принятием нового Уголовного процессуального кодекса Украины требует дальнейшего исследования специфика осуществления тактических операций при расследовании вымогательств, их зависимость от следственной ситуации, методы решения специфических задач, стоящих перед следователем на разных этапах досудебного расследования. Актуальными являются вопросы взаимодействия следователя и оперативных подразделений при проведении тактических операций. Необходима разработка специфика осуществления различных тактических операций, возможностей их использования для оптимизации решения ситуационных задач при расследовании вымогательств.

ственных (розыскных) действий, а также существующие практические проблемы проведения тактических операций при расследовании вымогательств, возникает необходимость дополнительных научных разработок проведения тактических операций на различных стадиях расследования вымогательств. Актуальным остается вопрос взаимодействия следователя и оперативных подразделений, распределения функциональных обязанностей при проведении тактических операций в рамках расследования вымогательств.

Целью данной статьи является исследование специфики проведения тактических операций при расследовании вымогательств с применением следственных (розыскных) действий, в том числе и негласных следственных (розыскных) действий, предусмотренных новым УПК Украины. Указана зависимость тактических операций от следственной ситуации, складывающейся на определенном этапе досудебного расследования, и необходимость разработки новых форм взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих следственные (розыскные) действия.

Изложение основного материала. Современное развитие государственности в Украине характеризуется проведением реформирования уголовного судопроизводства. Принятие нового уголовно- процессуального кодекса, в значительной мере отличающегося от ранее действующего УПК Украины, требует разработки криминалистических рекомендаций с учетом новых норм уголовно- процессуального законодательства. Значительные изменения пре-

Актуальность темы. Происходящие в Украине широкомасштабные процессы социально-экономического преобразования сопровождаются рядом негативных явлений, среди которых не последнее место занимают уголовные правонарушения. К числу наиболее опасных из них можно отнести вымогательство. Реформирование уголовного и уголовно процессуального законодательства Украины повлекло качественно новый подход к вопросу функционирования органов досудебного расследования, что вызвало необходимость научной разработки и внедрения в практическую деятельность новых форм и методов процессуальной деятельности. В данном контексте большое значение приобретает совершен-

ствование учения о тактических операциях, возможностях их использования для решения задач досудебного расследования в уголовных производствах о вымогательствах.

Отдельные вопросы проведения тактических операций при расследовании вымогательств исследовались в работах Н. М. Букаева, А. Г. Быкова, А. П. Гайдука, С. А. Данильяна, Л. В. Дергача, С. Н. Иванов, О.В. Мельника, А. Н.Першина, А. П. Светловой, А. В. Скачко, В. В. Лысенка, Р. Д. Файрушиной, Л. В. Черечукиной. Однако, учитывая введение в действие нового Уголовного процессуального кодекса Украины, который регламентирует процессуальный порядок проведения следственных (розыскных) действий и негласных след-

терпели институты, регламентирующие полномочия следователя, способы собирания доказательств, их использования в доказывании и т.д. Перечисленное вынуждает пересмотреть некоторые положения криминалистики с учетом новых норм, регламентирующих деятельность следователя по расследуемому уголовному правонарушению. Поскольку, как верно отмечает В. Ю. Шепитько, «уголовный процесс определяет пределы применения тактических приемов, научно-технических средств, методических рекомендаций, устанавливает порядок проведения следственных и судебных действий» [1, с. 13].

Анализ материалов уголовных производств свидетельствует о том, что не всегда отдельные следственные (розыскные) действия и тактические приемы достигают целей расследования, а наиболее эффективным способом действий являются комплексы мероприятий, реализуемых следователем и иными участниками расследования при проведении тактических операций.

Несмотря на определенную научную разработку понятия «тактическая операция», по нашему мнению, не в полном объеме выявлены и разработаны проблемы, связанные с тактическим обеспечением следственной деятельности по расследованию конкретных видов преступлений.

Считаем, что точка зрения А. В. Дулова и В. И. Шиканова о том, что тактические операции необходимо разрабатывать с учетом отдельных методик расследования, является сегодня особенно актуальной, так как постоянное изменение законодательства, рост преступности, появление новых, изощренных способов совершения преступлений и организованных групп – все это требует новых подходов, разработки новых тактических операций, новых методик расследования, которые были бы сформированы с учетом последних достижений науки [2, с. 24; 3].

Особенностью установления обстоятельств вымогательства является то, что для достижения целей расследования проводится значительное количество различных тактических операций. К их числу, можно отнести «задержание вымогателей с поличным», «розыск преступников по признакам внешности», «разоблачение преступников» и др. По поводу последующего этапа расследования вымогательств, то в результате опроса 92 следователей и работников оперативных подразделений по специально разработанной анкете нами было установлено, что наиболее типичными тактическими операциями на этом этапе являются: «Группа» – 12 (13%), «До-

кумент» – 54 (58,7%), «Нейтрализация противодействия расследованию» 3 – (3,3%), «Поиск» 23 – (25%).

Также в ходе исследования нами установлено, что в процессе проведения вышеприведенных тактических операций наиболее распространенными и эффективными следственными (розыскными) действиями являются: временный доступ к вещам документов (выемка) – 43 (46,7%); обыск – 23 (25%); допрос свидетеля – 45 (48,9%); поручения проведения судебных экспертиз – 23 (25%); следственный эксперимент 8 – (8,7%), предоставления лица для опознания – 34 (37%) одновременный допрос двух или более уже допрошенных лиц – 43 (46,7%).

Все эти операции должны быть тщательно продуманы следователем, подготовлены и проведены совместно с сотрудниками оперативных подразделений, учитывая специфику расследуемого преступления и с использованием допустимых законодательством средств и методов.

Представляется, что тактическая операция является многоуровневым алгоритмом. При расследовании конкретного преступления следователь может использовать его как рабочую программу, справочный материал для анализа следственной ситуации, постановки ряда промежуточных задач, выбора совокупности и последовательности конкретных мероприятий.

При расследовании вымогательств актуальным является вопрос **ситуационной обусловленности** тактических операций.

Подавляющее большинство авторов, исследуя понятие тактической операции, обоснованно рассматривают ситуационную обусловленность как один из важных признаков этой криминалистической категории (О.М. Асташкина, В.П. Бахин, О.Я. Баев, Л.Я. Драпкин, С.Ф. Здоровко, В.О. Князев, В.Ю. Шепитько и др.).

Мы согласны с В. М. Шевчук, что связь тактической операции со следственной ситуацией является двусторонней. Каждая тактическая операция определяется характером следственной ситуации, сложившейся на определенном этапе расследования. Комплекс следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий, организационно-технических и других мероприятий, предопределяющий структуру тактической операции, зависит от особенностей совершенного вымогательства и следственной ситуации. Так, в начале расследования перед следователем возникает не задача, требующая решения, а ситуация с высокой степенью

неопределенности. Это требует влияния на ситуацию, управление ею для формирования другой, с большей степенью определенности. Само же воздействие может быть направлено на выяснение сразу нескольких признаков преступления, то есть иметь характер тактической операции. [4, с. 203-204]

Таким образом, следственная ситуация осуществляет управляющее воздействие на любую тактическую операцию. Поэтому в процессе подготовки и принятия решения о проведении тактической операции оценка следственной ситуации должна занимать одно из центральных мест. В криминалистической литературе верно отмечается, что «правильная оценка следственных ситуаций и избрания на этой основе тактики расследования являются важными условиями целеустремленности расследования, принятия научно-обоснованных и оптимальных решений тактического, методического и технико-криминалистического характера» [5]. В свою очередь тактическая операция выступает как система тактического влияния на информационный блок следственной ситуации с целью регулирования расследования, направленного на сбор доказательственной информации и установление истины по делу [6].

Рассмотренные выше положения дают возможность определить наиболее общие проблемы, связанные с проведением тактических операций, которые должны решаться в методиках расследования вымогательств:

- 1) разработка тактических операций, которые целесообразно проводить по данной группе уголовных производств;
- 2) определение последовательности проведения тактических операций, выявление и определение факторов, влияющих на изменение последовательности в их проведении;
- 3) разработка специального технического оснащения, приспособленного для проведения тактических операций при расследовании вымогательств, специфики применения технических средств;
- 4) выявление особенностей и разработка рекомендаций по организации и проведению тактических операций в зависимости от различных типовых ситуаций.

Сказанное убедительно свидетельствует о том, что методика расследования вымогательств в значительной степени должна строиться на разработке комплексов тактических операций, осуществляемых при возникновении определенных следственных ситуаций, что изменит содержание методики, сделает ее более полезной для практической деятельности по расследованию преступлений.

Мы считаем, что в современных условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства Украины повышение эффективности расследования вымогательств в значительной степени зависит от того, насколько глубоко разработаны теоретические проблемы тактических операций, как практика проведения таких операций обеспечена соответствующими криминалистическими разработками.

Следует отметить, что с введением в действие нового Уголовного процессуального кодекса Украины значительно расширилась правовая регламентация следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий, которые применяются субъектами, осуществляющими тактическую операцию в зависимости от складывающейся следственной ситуации. Так согласно ч.2 ст.214 УПК Украины, досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. «Следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из какого-либо источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязаны внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование» ч.1 ст.214 УПК Украины.

Таким образом, законодатель упростил процедуру начала расследования и расширил возможности следователя по получению и проверке доказательств по расследуемому факту вымогательства. Мы считаем позитивными такие изменения уголовно-процессуального законодательства, что в значительной мере активизирует работу следователя и оперативных подразделений, обеспечивает быстрое, полное и беспристрастное расследование.

Большую практическую ценность при расследовании фактов вымогательств как на первоначальном, так и на последующих этапах, приобретает проведение разнообразных тактических операций, как комплекса следственных(розыскных) действий и негласных(розыскных) действий.

Особую значимость при проведении тактических операций для документирования преступной деятельности вымогателей и их изобличения имеют именно негласные следственные (розыскные) действия. К негласным следственным(розыскным) действиям относятся аудио-, видеоконтроль лица, арест, осмотр и выемка корреспонден-

ции, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, снятие информации с электронных информационных систем, обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения, установление местонахождения радиоэлектронного средства, наблюдение за лицом, вещью или местом, аудио-, видеоконтроль места, контроль за совершением преступления (контролируемая поставка, контролируемая и оперативная закупка, специальный следственный эксперимент, имитирование обстановки преступления), негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования.

У следователя появилось значительное количество правовых инструментов, которыми он ранее не владел. В соответствии ч.1 ст. 256 УПК Украины протоколы относительно проведения негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, иные результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии, могут использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий во время досудебного расследования.

В настоящее время возникла необходимость разработки новых тактических приемов, тактических операций, в процессе которых максимально эффективно возможно использование всего комплекса законодательно определенных действий всеми субъектами тактической операции.

Важным является вопрос взаимодействия субъектов тактической операции, в особенности следователя и сотрудников оперативных подразделений. Так, нами в результате анкетирования практических сотрудников, на вопрос нужно ли привлекать в процессе подготовки (планирования) к проведению тактической операции работников оперативных служб, такую позицию поддержали 78 (84,8%) опрошенных, 3 (3,3%) респондента считали необходимым проводить ее лично руководителем следственно-оперативной группы и изолированно от ее членов, а 9 (9,8%) опрошенных высказали мнение о целесообразности непосредственного участия только руководителей подразделений и старшего следственно-оперативной группы.

С учетом норм УПК Украины требует соответствующего усовершенствования законодательство об оперативно-розыскной деятельности.

Следует, на наш взгляд, регламентировать деятельность оперативно-розыскных органов по выявлению и

пресечению латентных форм вымогательства, которая с принятием нового уголовно-процессуального закона может в соответствии со ст. 41 УПК производиться лишь по поручению следователя, получающего основание для своей деятельности согласно ч.2 ст. 214 УПК Украины только после регистрации заявления, сообщения об уголовном правонарушении. Имеет место конкуренция норм нового УПК Украины и законодательства об оперативно-розыскной деятельности, что создает определенные сложности при проведении тактических операций при

Вывод: На сегодня существует необходимость дальнейшего исследования ситуационных закономерностей расследования вымогательств, специфических задач, которые надлежит решать следователю и взаимодействующим с ним субъектам тактических операций, возможности их использования для оптимизации задач расследования. Необходимо разрабатывать научно-обоснованные рекомендации по реализации тактических операций при расследовании вымогательств с учетом специфики следственных (розыскных) в том числе негласных действий, предусмотренных нормами нового УПК Украины.

Список использованной литературы:

1. Шепитько В. Ю. Криминалістика: [курс лекцій] / В. Ю. Шепитько. – Изд. третье. — Х.: Одиссей, 2009. – 368 с.
2. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений / В. И. Шиканов. – Иркутск, 1983. –
3. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.
4. Функції тактичних операцій: науковий підхід, проблеми, перспективи / В. М. Шевчук // Питання боротьби зі злочинністю: [збірник наукових праць] / Акад. правових наук України, Ін-т вивчення проблем злочинності; гол. ред.: Ю. В. Баулін. – Харків: Право, 2006. – Вип. 20: . – Харків: Кроссероуд, 2010. – С. 202-213.
5. Журавель В. А. Системы следственных действий и тактических операций в структуре отдельной криминалистической методики расследования преступлений / В. А. Журавель. – [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docx.com.ua/stattya/433-sistemi-slidchih-dij-ta-taktichni-operatsiyi-v-strukturizovani-kriminalistichnoyi-metodiki-rozsliduvannja-zlochyniv.html>
6. Драпкин Л. Я. Криминалістика: [учебник] / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 672 с.

РОЛЬ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ МИЛИЦИИ

А. ЛАПКО,

соискатель кафедры юридической психологии Национальной академии внутренних дел, Украина

SUMMARY

This article analyzed professional psychological and moral psychological training as important links in personnel policy Ministry of Internal Affairs of Ukraine, one of the key factors in improving the effectiveness in operational service activity. The tasks of moral and psychological training and evaluation criteria of moral and psychological qualification of police officers are determined.

Keywords: professional psychological training, moral psychological training, psychological purpose, evaluation criteria of moral and psychological qualification of police officers.

В публикуемой статье проанализированы профессиональная психологическая и морально-психологическая подготовка как важные звенья в кадровой политике МВД Украины, один из основных рычагов и инструментов повышения результативности оперативно-служебной деятельности. Определены задачи морально-психологической подготовки и критерии оценки морально-психологической подготовленности сотрудников милиции.

Ключевые слова: профессиональная психологическая подготовка, морально-психологическая подготовка, психологическая цель, критерии оценки морально-психологической подготовленности сотрудников милиции.

Постановка проблемы. Проблема соотношения закона и морали, должного и желаемого, жесткого регламента и свободы воли во все времена была и будет оставаться весомой проблемой организации жизнедеятельности общества. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте обеспечения эффективной правоохранительной деятельности - деятельности особых государственных органов по поддержанию общественной безопасности и соблюдению законности. Неспроста принятый ООН еще в 1979 году Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, особенно отмечает взаимосвязь моральных и правовых норм, подчеркивает, что поведение должностных лиц имеет правовые и моральные последствия и должно оцениваться именно с этих позиций. Совершенно закономерно, что значительная часть отклонений в адекватном применении права сотрудниками милиции (полиции), возникновение и проявление профессиональной деформации обусловлены определенным диссонансом между их профессиональной, функциональной подготовленностью и недостаточной сформированностью должных морально-деловых и личностных качеств.

Актуальность темы. Морально-психологическая, воспитательная работа в органах внутренних дел традиционно рассматривалась как важное звено в кадровой политике МВД Украины, как один из основных рычагов и инструментов повышения результативности оперативно-служебной деятельности. К сожалению, во времена развития независимости в нашей стране работа по формированию морально-психологических качеств работников органов внутренних дел фактически была свернута, а основное внимание было уделено психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности, направленному на функциональное усовершенствование работы специалистов основных направлений деятельности ОВД. В частности, основными направлениями психологической работы с сотрудниками милиции были определены профессиональный психологический отбор, психологическое

сопровождение прохождения службы, профессиональная психологическая подготовка и психологическая поддержка оперативно-служебных мероприятий. Определенные усилия психологов в работе с личным составом подразделений милиции Украины относительно психокоррекции личностных качеств касались, опять же, вопросов эффективности выполнения исключительно служебных обязанностей. Проблематика психолого-педагогического обеспечения, в частности, воспитательной работы, формирования моральных, национально-патриотических взглядов и качеств, социальной работы, соблюдения законности и правовой этики и тому подобное возложены на специалистов отделов (отделений) социально-гуманитарной работы. Мы полагаем, что основные направления социально-гуманитарной работы по существу и содержанию полностью могут быть объединены морально-психологическим

обеспечением, в контексте которого весьма целесообразным является очерчивание морально-психологической подготовки как плодотворного инструмента формирования и развития соответствующих факторов оптимизации профессиональной деятельности работников милиции Украины. Эта работа, ввиду ее комплексности и системности, должна быть обеспечена общими усилиями специалистов-психологов и педагогов.

Цель статьи – анализ роли морально-психологической подготовленности в обеспечении профессиональной деятельности сотрудников милиции, разработка задач и критериев оценки работников правоохранительных органов.

Изложение основного материала исследования. В контексте весомости направлений психологической подготовки работников милиции нами был осуществлен опрос работников милиции и руководящего состава подразделений, который засвидетельствовал следующее. Большинство опрошенных особенно подчеркнули значимость тщательной функциональной подготовки с элементами психологического насыщения (приемы и навыки выполнения профессиональных функций) во время учебы - 59,6% опрошенных. Следующее место занимает как раз морально-психологическая подготовка. В частности, 36,4% работников всех служб считают крайне целесообразными реализацию мероприятий по формированию у работников милиции в процессе учебы и служебной деятельности моральных качеств чести, до-

стоинства, служебной обязанности, общительности, справедливости и тому подобное. Подтверждают мнение работников ОВД относительно полезности морально-психологической подготовки и психологи-практики. К этой разновидности работы с личным составом выявили позитивное отношение 67,6% опрошенных психологов. Кроме того, считают необходимой работу по адаптации молодых работников к службе и формированию у них морально-психологических качеств (коллективизм, самоуважение, честность, профессиональная гордость и тому подобное) 60,4% психологов-практиков.

Важно также, что основные усилия в этом вопросе должны быть направлены на то, чтобы воспитательная, морально-психологическая работа стала составной частью не только кадровых и психологических подразделений, но и повседневной управленческой деятельности начальников всех уровней. С помощью этих рычагов влияния оказывается позитивное действие на результативность выполнения оперативно-служебных заданий, укрепление законности и служебной дисциплины, улучшение морально-психологического состояния личного состава, значимость чего отметили 52,3% опрошенных нами руководителей подразделений милиции. Поэтому задание кадровых аппаратов - добиться от всех руководителей понимания важности этого направления, постоянно учить их передовым формам и методам, методически обеспечивая всем необходимым.

Определенным индикатором чувствительности работников милицеских подразделений к моральным критериям оценки их работы и формирования имиджа милиционера является то, что 64% опрошенных отметили, что ухудшение отношений милиции с населением предопределено распространением негативного образа работника милиции средствами массовой информации и в видеопродукции. Кроме того, в результате опроса практических психологов выявлено, что 60,2% респондентов подчеркнули особую важность адаптации молодых работников к службе и формированию у них морально-психологических качеств (коллективизм, самоуважение, честность, профессиональная гордость, честь и тому подобное). Безусловно, должны способствовать формированию стабильных моральных критериев эффективности профессиональной деятельности оптимизация социально-психологического

климата, нейтрализация конфликтов в коллективах и семьях работников милиции, на что указали 73,3% опрошенных психологов. Еще более иллюстративной является уверенность 68,2% психологов-практиков в целесообразности нормативного и функционального разделения психологической подготовки на **профессиональную психологическую подготовку**, которая охватывает профотбор, проведение занятий с личным составом подразделений, консультирование сотрудников по службам и оперативно-служебным мероприятиям, переговорный процесс, и **морально-психологическую подготовку**, сущность которой составляет социальная и социально-психологическая работа, первичная психопрофилактика, психокоррекция, формирование профессионально-важных и моральных качеств, предупреждение профдеформации, нейтрализация конфликтов.

Решение обозначенной нами проблемы требует проработки системы морально-психологической подготовки, направленной на формирование высококвалифицированных специалистов, которые характеризуются моральной зрелостью и определенным профессиональным мастерством, позволяющим работнику милиции находить оптимальные варианты решения служебных экстремальных ситуаций. Отмеченное обусловливается: во-первых, потребностью государства в сотрудниках милиции, которые имеют необходимую профессиональную компетентность, но пока недостаточно сформированы в морально-психологическом отношении, выявляют неустойчивость в условиях служебной деятельности; во-вторых, потребностью дальнейшего усовершенствования профессионально-психологической образованности кадров для органов внутренних дел, и, в то же время, недостаточной разработанностью системы морально-психологической подготовки личного состава; в-третьих - личностной потребностью сотрудника милиции в эффективной профессиональной самореализации и недостаточным, на сегодня, уровнем морально-психологической подготовки, которая детерминирует процесс самореализации.

Мы полагаем, что осуществление морально-психологической подготовки основывается на взаимосвязи психологии и педагогики с использованием своеобразных организационных форм и методик. В наиболее сжатом виде - это особенная разновидность профессиональной подготовки и специальные

воспитательные мероприятия, назначение которых - формирование профессиональной морально-психологической подготовленности и мобилизационной готовности сотрудников милиции на решение служебных заданий в строгом соответствии с моральными требованиями к деятельности и соблюдении этических норм.

Профессиональная цель этого вида подготовки - формирование готовности работников к высоконравственному выполнению профессиональных обязанностей при осуществлении оперативно-служебной деятельности.

Психологическая цель заключается в формировании и развитии у каждого работника милиции так называемой морально-психологической подготовленности. К основным задачам морально-психологической подготовки следует отнести:

- формирование личности работника милиции, достойного выполнять служебные задания в условиях развития в Украине современного цивилизованного, гуманного, демократического, правового общества;

- формирование и развитие морально-психологических принципов добросовестного несения службы, верности профессиональному долгу и Присяге;

- развитие морального сознания, морально-психологических качеств, навыков, умений и привычек морально зрелого решения вопросов, связанных с выполнением профессиональных обязанностей;

- профилактика злоупотреблений служебным положением, нарушений законности, коррупционных проявлений;

- формирование высоконравственного и культурного отношения к гражданам, непринятию противоправного применения силовых методов;

- формирование привычек высоконравственного поведения в быту и личной жизни, требовательности к себе;

- содействие формированию коллективов милиции на основе моральных традиций и отношений дружбы, общительности, взаимопомощи, взаимной доброжелательной требовательности, чувств долга, ответственности, чести;

- повышение морально-психологической стойкости, умения осуществлять верный моральный выбор, не поддаваться искушениям, уговорам, попыткам подкупа, которые приводят к нарушениям служебной дисциплины, чести и профессиональной измены.

Иными словами, морально-психологическая подготовка работников милиции ориентирована на формирование такого постоянного личностного образования как морально-психологическая подготовленность. Морально-психологическая подготовка является собой своеобразную разновидность подготовки личного состава правоохранительных органов, которая сочетает учебу и воспитание. По своей сути она выступает в качестве части целостной системы воспитательных влияний, которая определяет особенности ее построения и осуществления. Морально-психологическая подготовка безусловно имеет некоторую общую основу для всех работников правоохранителей. Вместе с тем, с учетом профессиональных направлений деятельности работников милиции и специализации правоохранительного органа морально-психологическая подготовка ориентирована на обеспечение выполнения заданий работниками криминальной милиции, следствия, милиции общественной безопасности, госавтоинспекции, спецподразделений и тому подобное. Необходимостью отмеченного заключается в специфике морального «аккомпанемента» решения служебных заданий. Типичность и уникальность ситуаций служебной деятельности - в общих чертах милицеских и конкретно-профессиональных, предопределяет необходимость осуществления пролонгированной и ситуативной морально-психологической подготовки.

Методическое обеспечение морально-психологической подготовки должно отвечать особым требованиям, поскольку пафосные обращения относительно справедливости, добра и нравственности в служебной деятельности без надлежащего иллюстративного подкрепления в форме семинаров, практических занятий по анализу конкретных служебных ситуаций, дискуссий и тому подобное не смогут стать внутренней личностной программой действий работника, не станут составляющей морального сознания и характера. Наиболее обоснованным для проведения занятий по морально-психологической подготовке, по нашему мнению, есть метод так называемого ситуативного морального выбора (моральных дилемм, моральных казусов). Сущность этого метода заключается в том, что на занятиях работникам милиции предлагается для изучения, анализа и оценки конкретная служебная или

жизненно-бытовая ситуация, которой присущ выраженный моральный аспект. Кроме этого, допустимым является использование ролевой игры, в которой в поведении участников особенное значение приобретают моральные принципы и детерминанты. Ознакомление с ситуацией в дальнейшем предусматривает коллективное ее обсуждение и общую проработку целесообразности и моральной обоснованности последствий поведения участников.

Выводы. В качестве критериев оценки степени морально-психологической подготовленности сотрудников милиции могут служить:

- **когнитивный**, который содержит морально-психологические знания, профессиональные морально-психологические умения и навыки, понимание своей служебной деятельности, обязанностей и необходимости их выполнения

- **ценностно-мотивационный**, который отображает отношение к службе в правоохранительных органах; осознание важности служебных заданий, которые выполняются сотрудниками; сознательное стремление к добросовестному выполнению служебных обязанностей;

- **поведенческий** - навыки, умения и привычки, которые проявляются сотрудниками милиции в ходе выполнения служебных заданий, эмоционально-волевая стойкость; способность к саморегуляции;

- **системообразующий**, который отражает проявления гуманности, уважение к закону, адекватную самооценку, умение реально оценивать моральные последствия принимаемых сотрудниками милиции решений.

Список использованной литературы:

1. Порядок організації та проведення соціально-гуманітарної підготовки рядового та молодшого начальницького складу органів та підрозділів внутрішніх справ: Наказ МВС України № 1458 від 25 листопада 2003 р.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях / Водопьянова Н. Е. // Психология здоровья. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 443–464.
3. Горлинский И.В. Педагогическая система гибкого обучения специалистов в высших учебных заведениях МВД России: [уч. пособие] / И.В. Гор-

линский. – М.: Акад. управл. МВД РФ, 1997. – 282 с.

4. Зинченко И.В. Психология личности в кризисных ситуациях: [методические указания] / И.В. Зинченко. – Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет, 2006. – 32 с.

5. Кадрова та виховна робота в ОВС: навч.-методич. посібник / [В.М. Синьов, В.І. Кривуша, Т.В. Кушнірова, М.І. Легенький]. – К.: РВВ КЮІ КНУВС, 2005. – 260 с.

6. Колонтаевская И.Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран / И.Ф.Колонтаевская. – М., Акад.МВД РФ, 2002. – 348 с.

7. Лавриненко О.В. Правовая и социальная защита работников органов внутренних дел Украины / О.В. Лавриненко. – Х.: Знание, 1999. – 590 с.

8. Марьин М.И. Социально-психологический климат в служебных коллективах: метод. пособие / М.И. Марьин. – М.: ЦОКП МВД России, 2001. – 312 с.

9. Организация воспитательной работы в органах внутренних дел: учеб.-нагляд. Пособие / [В.С. Бялт, Е.Б. Гоголевская, В.В. Талянин, А.Н. Томашев]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург ун-та МВД России, 2008. – 72 с.

10. Соколова Е.Н. Педагогическая система морально-психологической подготовки личного состава органов внутренних дел. // Автореф. дисс. докт. пед. наук: специальность 13.00.08 / Е.Н.Соколова. – М.:МУ МВД, 2009. – 48 с.

11. Черненилов В.И. Применение методов психолого-педагогического воздействия при решении оперативно-служебных задач / В.И. Черненилов, В.В. Юстицкий. – Минск: МГУ, 1989. – 78 с.

К НАРУШЕНИЮ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО ПОЛУЧЕНИЮ ПОДАРКА (ПОЖЕРТВОВАНИЯ)

И. ГРАБЕЦ,

начальник отдела защиты интересов граждан и государства
в сфере земельных отношений Главного управления представительства в суде, защиты интересов граждан и государства при исполнении судебных решений Генеральной прокуратуры Украины, старший советник юстиции

SUMMARY

The article addressed the issue of solving the problem of bribery by accepting gifts, donations, charity or other assistance from both natural and legal persons, as and referred to the Law of Ukraine "On Principles of Prevention and Combating Corruption", as well as in the new chapter of the Code Ukraine on Administrative Offences and other legal acts.

Keywords: corruption, bribery, gift, donation, anti-corruption law, philanthropy, prevention, reaction.

В статье рассмотрен вопрос о решении проблемы взяточничества путём принятия подарков, пожертвований, благотворительной или иной помощи как от физических, так и юридических лиц, о чём и идёт речь в Законе Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции», а также в новой главе Кодекса Украины об административных правонарушениях и в других нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, подарок, пожертвование, антикоррупционный закон, благотворительная деятельность, предотвращение, противодействие.

Постановка проблемы. Одной из задач было решение проблемы взяточничества определённых субъектов под видом получения подарков, пожертвований, благотворительной помощи и пр.

В связи с этим, статьёй 5 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» [1] для отдельных субъектов ответственности за коррупционные правонарушения введены ограничения и запреты на получение подарков.

Актуальность темы. В 2011 году в Украине был принят так называемый пакет новых антикоррупционных законов, призванных заполнить пробелы в законодательстве, которое регулирует правоотношения в сфере предотвращения и противодействия коррупции как в публичной, так и в частной сферах общественных отношений, восстановления нарушенных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, а также государства.

Цель статьи – анализ нарушений, установленных Законом Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» по поводу получению подарка (пожертвования) отдельными субъектами ответственности за коррупционные правонарушения.

Изложение основного материала. Данные правонарушения посягают на порядок прохождения государственной службы, службы в правоохранительных органах, противоречат нормам общественной морали, несовместимы с честью и достоинством государственного служащего, сотрудника правоохранительного органа, суда, прокуратуры.

Законодательством, которое определяет организацию и порядок деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставление отдельных видов государственных услуг или деятельности

категорий лиц, уполномоченных на выполнения государственных функций, органов местного самоуправления, могут устанавливаться специальные требования для поведения данных лиц.

Об этом идёт речь в ч. 3 ст. 7 Конвенции ООН против коррупции от 23.10.2003 года [2] (ратифицирована Украиной 18 октября 2006 года), в которой сказано, что каждое государство-участник рассматривает возможность принятия нормативно-правовых актов и соответствующих административных мер по выполнению целей этой Конвенции и соответствующих нормам национального законодательства.

Согласно статьи 2 Дисциплинарного устава прокуратуры Украины [3], сотрудники прокуратуры должны иметь высокие моральные качества, быть принципиальными и непримиримыми к нарушениям законодательства, совмещать выполнение своих служебных обязанностей с гражданской мужественностью, справедливостью и неподкупностью.

Аналогичные меры дисциплинарной ответственности содержатся и в Законе Украины «О государственной службе», Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Украины и др.

Вопросы, связанные с этикой поведения государственного служащего в Украине, регламентированы статьёй

5 Закона Украины «О государственной службе» [4], согласно которой государственный служащий должен добросовестно выполнять свои служебные обязанности, уважительно относиться к гражданам, руководителям и сотрудникам, придерживаться высокой культуры общения, не допускать действий и поступков, которые могут навредить интересам государственной службы и негативно повлиять на репутацию государственного служащего.

Государство содействует укреплению норм профессиональной этики и других требований к осуществлению видов деятельности в кодексах поведения представителей соответствующих профессий.

С 1 декабря 2012 года вступил в силу Кодекс профессиональной этики и поведения сотрудников прокуратуры, который является сборником высоких морально-этических стандартов поведения сотрудников органов прокуратуры как при исполнении служебных обязанностей, так и в повседневной жизни.

Под подарком следует понимать вещь, которую подарили или дарят [5]. Под подарком также следует понимать кроме вещей материального характера также и право на имущество или действия имущественного характера (дарение документов, которые дают право на получение имущества, требование выполнить обязательства материального характера, бесплатное предоставление имущественной выгоды, оздоровительных или туристических путёвок, а также предметов, которые могут быть носителями других видов информации, иметь двойное предназначение и пр.).

В статье 718 Гражданского кодекса Украины [6] при определении предмета договора дарения сказано, что подарком

может являться движимое имущество, в том числе деньги и ценные бумаги, а также недвижимое имущество. Также подарком могут являться имущественные права, которыми владеет даритель или которые могут возникнуть у него в будущем.

Следует иметь в виду, что в статье 729 Гражданского кодекса Украины определяется понятие пожертвования, которое является дарением недвижимого и движимого имущества, в том числе денег и ценных бумаг, лицами, определёнными частью 1 статьи 720 этого же Кодекса. При этом, в отличии от дарения, в соответствии со статьёй 730 Гражданского кодекса Украины, жертвователю имеет право не только контролировать использование пожертвования согласно цели, определённой договором о пожертвовании, но и требовать разрыва договора в том случае, если пожертвование используется не по назначению.

Законом Украины «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [7] определено понятие благотворительной деятельности как добровольной личной и/или материальной помощи для достижения определённых этим Законом целей, которая не предусматривает получение благотворителем прибыли, а также оплаты любого вознаграждения или компенсации благотворителю от имени или по поручению бенефициара.

Статьёй 722 Гражданского кодекса Украины регламентированы действия и последствия принятия подарка. Если подарок направлен одаряемому без его предварительного согласия, то подарок считается принятым, если одаряемый немедленно не заявит об отказе в его принятии.

Ответственность за нарушения установленных законом ограничений по получению подарка (пожертвования) установлена в статье 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях [8]. В этой статье закреплено, что нарушение установленных законом ограничений по получению подарка (пожертвования) влечёт за собой наложение штрафа от двадцати пяти до пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан с конфискацией этого подарка (пожертвования).

Нарушение установленного законом запрета по получению подарка (пожертвования) влечёт за собой наложения штрафа от пятидесяти до ста необлагаемых минимумов доходов граждан с конфискацией этого подарка (пожертвования).

В примечание к статье сказано, что субъектами правонарушений по этой

статье являются лица, определённые в пункте 1, подпунктах «а» и «б» пункта 2 части 1 статьи 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции».

Для наличия состава проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях, достаточно факта дарения подарка (пожертвования), не соответствующего ограничениям, установленным вышеуказанной статьёй. По сути, эта статья является всеохватывающей к статье 8 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции».

Способ получения подарка может быть любым (от намёка или вымогательства подарка до получения в добровольном порядке, по почте, путём обмена на другой подарок, получение подарка через других лиц и так далее).

В случае принятия предложения, обещания или получения неправомерной выгоды служебным лицом при наличии состава преступления, предусмотренного статьёй 368 Уголовного кодекса Украины, наступает уголовная ответственность.

Ограничения, предусмотренные частью 1 статьи 172-5 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» в отношении получения подарка (пожертвования) определёнными лицами, распространяется на лиц, которые могут принимать лишь те подарки, которые соответствуют общепринятым понятиям о гостеприимстве, и пожертвования, кроме случаев, предусмотренных частью 1 этой статьи, если стоимость таких подарков (пожертвований) не превышает 50 % минимальной заработной платы, установленной на день принятия подарка (пожертвования) единоразово, а совокупная стоимость таких подарков (пожертвований), полученных из одного источника на протяжении года, - одной минимальной заработной платы, установленной на первое января текущего года.

В соответствии с Законом Украины «Об оплате труда» [9], минимальная зарплата – это законодательно установленный размер заработной платы за простой, неквалифицированный труд, ниже которого не может производиться оплата за выполненную рабочим месячную, а также почасовую норму труда (объём работ).

Министерством юстиции Украины по этому поводу дано разъяснение «Получение подарков лицами, уполномоченными на выполнение функций государства или местного самоуправления» [10].

Ограничения стоимости подарков

(пожертвований) не распространяются на подарки (пожертвования), которые:

- 1) дарятся (осуществляются) близкими лицами;
- 2) получаются как общедоступные скидки на товары, услуги, общедоступные выигрыши, призы, премии, бонусы.

Понятие «близкие лица» приводится в статье 1 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции».

Стоимость подарков плательщику налогов не включается в общее месячное (годовое) налогообложение дохода плательщика налогов и не подлежит налогообложению, если она не превышает 50% одной минимальной заработной платы (из расчёта за месяц), установленной на первое января отчётного налогового года, за исключением денежных выплат в любой сумме. В ином случае этот доход подлежит налогообложению.

Кроме этого, частью 2 статьи 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях предусмотрен категорический запрет на принятие подарка (пожертвования) для установленных пунктом 1 и подпунктами «а» и «б» пункта 2 части 1 статьи 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» лиц, который состоит в том, что согласно статье 8 этого же Закона им запрещается непосредственно или через других лиц принимать подарки (пожертвования) от юридических или физических лиц:

- 1) за решение, действия или бездействие в интересах дарителя, которые принимаются, совершаются как непосредственно таким лицом, так и по его содействию другим должностным лицом;
- 2) в случае, если лицо, которое дарит (осуществляет) подарок (пожертвование), подчинено такому лицу.

В статье 1 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» понятие «непосредственное подчинение» разъясняется как отношения прямой организации или правовой зависимости подчинённого лица от руководителя, в том числе при принятии решений (участие в принятии решений) о зачислении на работу, увольнении с работы, применении оштрафов, дисциплинарных взысканий, предоставлении указаний, поручений, контроля за их исполнением.

Подарки, полученные лицами, указанными в п. 1 и подпунктах «а» и «б» п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции», как подарки государству, Автономной Республике

Крым, территориальному обществу, государственным или коммунальным учреждениям, являются соответственно государственной или коммунальной собственностью и должны быть переданы органу, учреждению или организации в порядке, определённом Кабинетом Министров Украины.

Постановлением Кабинета Министров Украины №1195 «Об утверждении Порядка передачи подарков, полученных как подарки государству, Автономной Республике Крым, территориальному обществу, государственным или коммунальным учреждениям или организациям» [11] утверждён порядок передачи таких подарков.

Уполномоченное лицо, которое приняло подарок, обязано передать его соответствующему органу на протяжении месяца. В противном случае наступает ответственность, предусмотренная ст. 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях за коррупцию.

Ответственность должно нести лицо, которое официально получило подарок и которое должно контролировать и следить за передачей такого подарка. В случае наличия состава преступления наступает уголовная ответственность, например, за присвоение имущества.

Передача подарка происходит в административном помещении органа, о чём составляется акт принятия-передачи (в двух экземплярах одинаковой юридической силы). Один экземпляр остаётся в органе и передаётся материально ответственному подразделению, которое ведёт бухгалтерский учёт, а другой остаётся уполномоченному лицу.

Операции, связанные с передачей подарка органу, отображаются в бухгалтерском учёте в соответствии с законодательством.

Для оценки стоимости подарка, принятия решения о возможности его использования, места и срока хранения орган образует комиссию в составе не менее трёх лиц, одно из которых является специалистом в области оценки имущества.

Постановлением Кабинета Министров Украины №1195 определены права и организация деятельности такой комиссии, утверждён образец акта принятия-передачи подарка.

Субъективная сторона правонарушений, предусмотренных статьёй 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях, характеризуются виной в форме прямого умысла, то есть субъект осознаёт то, что получает личный подарок (пожертвование) или то, что он нарушает установленный законодательством запрет на его приняти-

е в связи с выполнением служебных обязанностей, своими должностными обязанностями или положением.

Для квалификации принятия подарка имеет значение осведомлённость служебного лица о том, что оно принимает подарок и о характере совершаемых им действий.

Так, принятие лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или органа местного самоуправления или приравненным к ним лицом, именных подарков от близких родственников, даже во время празднования официальных торжеств на рабочем месте, получение государственных, религиозных и других именных наград от общественных организаций или благотворительных фондов, в случае определения его победителем международных или государственных соревнований, номинаций, премий, что предусмотрено уставами таких организаций, или в случае принятия личного подарка на официальном мероприятии с одновременной передачей на протяжении месяца подарка соответствующему государственному органу, учреждению или организации, не создают состава административного проступка, предусмотренного статьёй 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях.

Размеры, виды благотворительной и другой помощи, вознаграждения, подарки (пожертвования) и т.д., которые принимаются лицами, отмеченными в п. 1, подпунктах «а» и «б» пункта 2 части 1 статьи 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции», не могут являться конфиденциальной, коммерческой или банковской тайной или относиться к информации с ограниченным доступом.

Субъектами правонарушений по ч. 1, 2 статьи 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях могут быть только лица, определённые в пункте 1, подпунктах «а» и «б» пункта 2 части 1 статьи 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции».

Таким образом, к этим субъектам нельзя относить лиц, которые временно или на постоянной основе занимают должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, а также специально уполномоченных на выполнение определённых обязанностей в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы соответственно с п. 3 ст. 4 Закона Украины «О принципах предотвращения и

противодействия коррупции», с учётом требований подпункта «б» пункта 2 этого же Закона.

К лицам, привлечённым к ответственности по этой статье, может быть применено административное наказание по ч. 1 ст. 172-5 Кодекса Украины об административных правонарушениях в форме взыскания штрафа от двадцати пяти до пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан с конфискацией такого подарка (пожертвования).

По ч. 2 вышеуказанной статьи возможно взыскание штрафа в размере от пятидесяти до ста необлагаемых минимумов доходов граждан с конфискацией такого подарка (пожертвования).

Следует отметить, что запреты и ограничения по принятию подарков государственными служащими в других странах не обязательно закреплены в Уголовном кодексе или Кодексе об административных правонарушениях. Например, положение о том, что не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда, государственным служащим и служащим органов муниципальных образований в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей закреплено в статье 575 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Выводы. Таким образом, можно прийти к выводам о том, что новый пакет антикоррупционных законов в Украине направлен в том числе на решение проблемы взяточничества путём принятия подарков, пожертвований, благотворительной или иной помощи как от физических, так и юридических лиц.

Закон Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции», новая глава в Кодексе Украины об административных правонарушениях и другие нормативно-правовые акты определяют действия конкретных лиц, связанные с принятием этими лицами вышеуказанных благ, которые представляют собой коррупционные правонарушения, а также предусматривают ответственность за их совершение.

Вместе с тем, некоторые неточности и пробелы в законодательстве имеют место. Так, например, остаётся неопределённой возможность считать коррупционными действия служебного лица по поводу дня рождения, повышения в звании, рождения ребёнка и т.д., а также то, можно ли считать этот подарок полученным из одного источника или всё-таки разных.

Так, устранение этих и других проблемных вопросов могло бы стать темой отдельной дискуссии.

Список использованной литературы:

1. «О принципах предотвращения и противодействия коррупции». Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в отношении ответственности за коррупционные правонарушения»: Научно-практический комментарий // Ответств. ред. С.В. Кивалов и Е.Л. Стрельцов. – Х.: Одиссей, 2011. – 344 с.
2. Конвенция ООН против коррупции // Ведомости Верховного Совета Украины (ВСУ). – 2007. - № 49.
3. Дисциплинарный устав прокуратуры Украины. // Ведомости Верховного Совета Украины (ВСУ). – 1992. - № 4.
4. Закон Украины «О государственной службе» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВСУ). – 1993. - № 52.
5. Электронный словарь / Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : formaslov.ru.
6. Гражданский кодекс Украины // Ведомости Верховного Совета Украины (ВСУ). – 2003. - № 40-44.
7. Закон Украины «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Голос Украины. – 2013. - № 22.
8. Кодекс Украины об административных правонарушениях // Ведомости Верховного Совета Украины УССР. – 1984. - № 51.
9. Закон Украины «Об оплате труда» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВСУ). – 1995. - № 17.
10. Разъяснение Министерства юстиции Украины от 28.07.2011г. «Принятие подарков лицами, уполномоченными на выполнение функций государства или местного самоуправления» [электронный ресурс] – режим доступа: umdpl.info.
11. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Порядка передачи подарков, полученных как подарки государству, Автономной Республике Крым, территориальному обществу, государственным или коммунальным учреждениям или организациям». // Правительственный курьер. – 2011. - № 233.

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ТРЕБУЕТ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

А. ВАВРЕНЮК,

соискатель кафедры надзора за исполнением судебных решений в уголовном производстве Национальной академии прокуратуры Украины

SUMMARY

The article presents the analyses of current state of research of governance issues in the field of crime combating and also the practice of its implementation. Proposes to centralize such activities and create a single nation-wide body with regional offices, without law enforcement powers.

Keywords: management, combating, preventing, criminological security, facilities management, control subjects, centralize.

В статье проведен анализ современного состояния исследования проблем управления в сфере противодействия преступности и практики ее осуществления. Предлагается централизация этой деятельности и создание единого в масштабе страны органа с региональными отделениями, без правоохранительных функций.

Ключевые слова: управление, противодействие, предотвращение, криминологическое обеспечение, объекты, субъекты управления, централизация.

Постановка проблемы. Как известно, эффективность функционирования любой социальной системы зависит в первую очередь от ее управляемости и способности к саморегуляции. Объективная потребность в управлении социальной деятельностью распространяется на все ее разновидности, в том числе и на деятельность в сфере противодействия и предотвращения преступности.

Актуальность темы. Вопрос о необходимости осуществления управления в сфере борьбы с преступностью впервые в криминологии советского периода был поднят Г.А. Аванесовым еще в 1975 году в монографии «Криминология. Прогностика. Управление» [1, С. 347-354]. Он отметил, что в сфере борьбы с преступностью складываются управленческие отношения, и поэтому есть необходимость внедрения научных методов управления. Однако выдвигание управленческого аспекта в сфере борьбы с преступностью хотя и было актуальным, но в работе имело только постановочный характер и рассматривалось автором с целью более глубокого изучения проблем прогнозирования и планирования мер борьбы с преступностью. К тому же, объектом управления определялась преступность, а не деятельность, направленная на противодействие ей соответствующими правоохранительными органами, иными социальными образованиями. После постановки этой проблемы Г.А. Аванесовым она, к сожалению, не получила своего дальнейшего фундаментального развития в криминологической теории ни в период Советского Союза, ни после его распада.

И только известный украинский криминолог профессор В.С. Зеленецкий, развивая общую теорию борьбы с преступностью, к ее предмету отнес организацию труда и управления в сфере борьбы с преступностью, включивши в нее: субъекты, объекты управления, виды управленческих функций, формы и методы управления, прогнозирование, информационное правовое ресурсное и научно-методическое обеспечение [2, С. 86]. Таким образом, управленческая тематика в сфере противодействия преступности в этой работе обозначена уже более рельефно, но только на уровне общей теории, не касаясь ее смыслового прагматического наполнения.

Целью статьи является анализ современного состояния исследования проблем управления в сфере противодействия преступности, определение понятия и сущности этой деятельности, ее целей и задач.

Изложение основного материала исследования. В целом же вопросы управления в сфере противодействия и предотвращения преступности в юридической литературе развивались преимущественно в русле рассмотрения проблем управления правоохранительной деятельностью. В этом направлении

в Украине написано много монографий и защищено докторских диссертаций. Но научная разработка специфики управленческой деятельности в сфере противодействия и предотвращения преступности в целом и по отдельным ее направлениям, а также субъектов ее осуществления в Украине, не проводилось. Определенным исключением из этого вывода может быть монография А.М. Бандурки и Л.М. Давыденко «Преступность в Украине: причины и противодействие», в которой специальный раздел посвящен рассмотрению некоторых вопросов управления в сфере противодействия преступности, но назван он был почему-то «Организационное обеспечение противодействия преступности» [3, С. 116-155].

Более полно сущность этой деятельности, ее основные признаки, понятия, система криминологического обеспечения были рассмотрены в работе выдающегося украинского криминолога А.П. Закалюка «Курс современной украинской криминологии», в которой этим вопросам посвящена специальная глава «Теория управления деятельностью в сфере предотвращения и противодействия преступности: криминологические составляющие» [4, С. 365-421]. Однако многие вопросы криминологического обеспечения управления деятельностью в сфере противодействия и предотвращения преступности, как специфической разновидности управленческой деятельности, в названных работах своего полноценного отражения не нашли. Все это обуславливает необходимость рассмотрения вопросов управления в сфере противодействия преступности на уровне общегосударственной стратегии, которая предусматривала бы структурирование системы управления, всяческое ее ресурсное обеспечение (правовое, информационное, кадровое, научно-методическое, криминологическое); формирование морально-психологической поддержки этой деятельности со стороны гражданского общества. Но прежде чем решать вышеперечисленные вопросы практического характера важное значение имеет теоретическое определение понятия «управление в сфере противодействия преступности», объекта управления, системы органов управления на различных уровнях противодействия. При этом термин противодействия преступности нами понимается в широком и узком смысле. В широком смысле – это вся государственная управленческая деятельность, направленная на про-

тивостояние общества преступности. И в этом значении он употребляется в данной работе. В узком значении – это криминально-правовое реагирование общества на совершенные преступления. А под предотвращением следует понимать деятельность, направленную на устранение причин и условий совершения конкретных преступлений [5, С. 13-16].

А.М. Бандурка и Л.М. Давыденко под объектом управления понимают органы и организации, служебных лиц и граждан, которые принимают участие в противодействии преступности, то есть всех субъектов противодействия и предотвращения преступлений [3, С. 116-155]. В этой связи мы поддерживаем вывод профессора А.П. Закалюка, что нельзя объект управления определять через субъект осуществления управленческой функции [4, С. 374]. Поэтому объектом управления деятельности в сфере противодействия и предотвращения преступности следует признать антикриминальную деятельность, направленную на сокращение преступности и отдельных ее видов, устранение или нейтрализацию факторов, которые ее обуславливают. А под управлением в сфере противодействия преступности следует понимать разновидность социального управления общественными процессами осуществляемого специально-уполномоченными субъектами и направленного на совершенствование и повышение эффективности антикриминальной деятельности с целью ограничения преступности, устранение или нейтрализацию факторов, которые ее обуславливают. Таким образом, эта разновидность управленческой деятельности направлена, прежде всего, на системное упорядочивание противодействия преступности в обществе. Эта деятельность осуществляется специально-уполномоченными субъектами в соответствии с их компетенцией.

Как отмечает А.П. Закалюк, в Украине командно-административная система и ее последователи в период после получения государственного суверенитета оказали крайне негативное влияние на функционирование системы управления деятельности в сфере противодействия преступности [4, С. 376]. Это проявилось преимущественно в декларативности и демагогичности, управленческих мер, направленных на усиление противодействий преступности и коррупции. Под либеральными лозунгами демократизации эта система

управления в стране была практически уничтожена. Не выполнение или не надлежащее выполнение плановых заданий, которые предусматривались разнообразными комплексными программами профилактики преступности и отдельных ее видов, отстранение институтов гражданского общества от контроля за управлением антикоррупционной деятельности, отсутствие общегосударственного координирующего центра управления противодействием преступности – это те основные недостатки, которые присущи антикриминальной управленческой деятельности в стране. В то же время следует сказать, что во многих странах мира управление деятельностью в сфере противодействия преступности рассматривается как необходимый, исключительно важный элемент в механизме противостояния преступности. Так, например, в Австрии существует консультативная служба по предотвращению преступности, которая имеет 143 региональных бюро, в Бельгии – Высший профилактический совет, в Дании – Высший совет профилактики, в состав которого входит 46 организаций, в США – в рамках Национального совета созданы профилактические службы, которые объединяют более ста государственных и общественных организаций. Они систематически анализируют состояние дел в государстве в сфере противодействия преступности и разрабатывают соответствующие рекомендации государственным структурам для принятия управленческих решений [6].

Таким образом, проблема управления деятельностью в сфере противодействия преступности требует, в современных условиях активизации преступных проявлений, системного осмысления ее целей, функций, принципов, механизмов управленческого процесса, возможностей ее централизации, применяемых мер криминологического обеспечения.

Существующая в настоящее время система субъектов управления противодействия преступности в Украине разноразнообразная и многообразная. В связи с этим возникает вопрос о необходимости проведения группировки этих субъектов. Исходя из целей, задач, объема и содержания управленческих полномочий субъектов управления можно классифицировать на:

1). Субъекты общего управления сферой противодействия преступности. Они определяют основные направления, задачи, формы, кримино-

логическую политику государства, планируют, координируют и контролируют эту деятельность, осуществляя ее нормативно-правовое регулирование. К этой группе субъектов, на наш взгляд, можно отнести Верховный Совет Украины, Президента Украины, Кабинет Министров Украины, местные государственные администрации, органы местного самоуправления.

2). Межотраслевые субъекты управления. Эти субъекты могут создаваться как на постоянной, так и на временной основе. К этим субъектам можно отнести, например, органы прокуратуры, которые координируют деятельность правоохранительных органов по вопросам противодействия преступности и коррупции, межведомственный координационный совет по вопросам борьбы с контрабандой, Национальный антикоррупционный комитет.

3). Субъекты отраслевого управления. К ним относятся государственные органы, которые осуществляют управление в сфере противодействия преступности в силу своего специального статуса. Эта деятельность определена законодательством, как основная их задача (МВД, СБУ, прокуратура, налоговая милиция, контролирующие органы, иные правоохранительные органы).

4). Органы и организации, деятельность которых опосредственно влияет на управление в сфере противодействия преступности (органы общего и специального управления, информационные, статистические, медицинские, учебные, научные, культурно-воспитательные органы).

5). Субъекты управления общественными организациями и объединениями граждан, в уставах которых противодействие преступности и коррупции определено в качестве направления деятельности.

Субъекты противодействия преступности и субъекты управления в сфере противодействия преступности – это хотя и органически взаимосвязаны, но все-таки автономные системы. Социальная функция управления заключается в достижении целенаправленной и согласованной деятельности всех субъектов противодействия. Но сегодня отсутствует четкая координация предупредительной деятельности на общегосударственном уровне. Существующие теоретические разработки предупредительной деятельности в общегосударственном масштабе во многом устарели, и не отображают современную криминогенную ситуацию

в стране и существующую законодательную базу [7, С. 16].

Исходя из того, что вопросы противодействия преступности и коррупции волнуют всех членов общества, а действующее в стране многочисленное государственные и общественные органы и организации работают бессистемно, решая фактически узковедомственные задачи, очевидно, настало время централизации этой деятельности в рамках единой стратегии. И в этой связи, по нашему мнению, следует поддержать предложение, высказанное учеными Украины, о создании единого в масштабе страны органа, без правоохранительных функций, который бы занимался всей совокупностью проблем противодействия преступности [8, С. 342-343; 9, С. 17]. Как показывает практика Совет Национальной безопасности и обороны Украины, которому были переданы функции координации после ликвидации Координационного комитета по борьбе с коррупцией и организованной преступностью с задачами управления в сфере противодействия преступности и коррупции не справляется.

В состав этих органов (комитетов, советов) могли бы войти представители науки, правоохранительных, судебных органов, общественных организаций, специалисты в области профилактики преступности и иных правонарушений. Тем более, что создание таких органов прямо предусмотрено Рекомендацией № 21 Комитета Министров Совета Европы Государствам членам «По сотрудничестве в сфере предотвращения преступлений» от 24 сентября 2003 года. Основными задачами Координационного комитета (Национального совета) в сфере противодействия преступности могло бы стать определение основных направлений государственной политики в сфере противодействия преступности; информационно-аналитическая деятельность; разработка научно-обоснованных методик подсчета ущерба от преступлений различных видов; проведение общенациональных исследований для определения уровня латентной преступности; координация деятельности отраслевых министерств и ведомств с правоохранительными органами; обобщение практики противодействия преступности; координация научных исследований; организация международного сотрудничества; обоснования распределения ресурсов правоохранительным органам; проведение криминологической экспертизы проектов и действующих законов и иных

нормативно-правовых актов.

Выводы. Таким образом, управленческая функция в сфере противодействия преступности достаточна, обширна и должна осуществляться на основе принципов централизации, верховенства права и законности, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств.

Список использованной литературы:

1. Аванесов Г.А. «Криминология. Прогностика. Управление». – Горький. – 1975. – 423с.
2. Зеленецкий В.С. Общая теория борьбы с преступностью. – Харьков: Основа. – 1994. – 321 с.
3. Бандура А.М., Давыденко Л.М. Преступность в Украине: причины и противодействие: Монография. – Харьков: Гос. спец. изд-во «Основа». – 2003. – 368 с.
4. Закалюк А.П. «Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн.». – К.: Видавничий дім „ІнЮре”, 2007, – Кн. 1: Теоретичні засади та історія української кримінології. – 421 с.
5. Проблеми протидії злочинності: Підручник за ред. проф. О.Г. Кальмана. – Харків: Вид-во ТОВ „Фірма Нова-софт”, 2010. – 352 с.
6. Кальман А.Г. Что противопоставить преступности? // Зеркало недели. – № 7. – 2009
7. Фундаментальні та прикладні дослідження проблем боротьби зі злочинністю в Україні // Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / редкол.: В.І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2012. – Вип. 24. – 280 с.
8. Кальман О.Г. Стан і основні напрямки попередження економічної злочинності в Україні: теоретичні та прикладні проблеми: Монографія. – Харків, Гімназія. – 2003. – 352 с.
9. Тацій В.Я. Десять років кримінальному кодексу України: здобутки і проблеми застосування // Право України № 9. – 2011. – С. 5-19.
10. Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua>

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОДГОТОВКИ К ПРОВЕДЕНИЮ ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ВЕЩЕЙ

М. КОРШИКОВ,

соискатель кафедры криминалистики Донецкого института внутренних дел, Украина

SUMMARY

The article deals with the procedure of an recognition that is set up by the Criminal Procedure Code of Ukraine. The need to establish a preparation the recognition.

Keywords: prejudicial investigation; investigative action; the recognition.

В статье рассматриваются процессуальные положения опознания, предусмотренные новым Уголовным процессуальным кодексом Украины, и обосновывается потребность подготовки его проведения.

Ключевые слова: досудебное расследование; следственное действие; опознание.

Постановка проблемы. Установление фактических обстоятельств совершенного преступления и доказывание причастности к нему конкретных лиц в процессе расследования уголовного производства осуществляется с помощью доказывания, одним из средств которого является получение доказательств из такого источника, как протокол предъявления для опознания. Порядок и основания проведения данного следственного действия достаточно регламентированы действующим уголовно-процессуальным законодательством. Однако это обстоятельство не исключает значительного количества ошибок, характеризующих организацию и проведение предъявления для опознания. Анализ следственной практики свидетельствует о том, что при проведении предъявления для опознания допускаются ошибки как процессуального, так и тактического характера, что приводит к утрате доказательств, нарушению прав и интересов личности. Чаще всего такие нарушения связаны с просчетами в организации его проведения, осуществлении комплекса подготовительных мероприятий и использовании криминалистических средств, приемов и методов.

Актуальность темы. Предъявление для опознания как средство собирания криминалистической информации в практике раскрытия преступлений известно давно. Вопросы формирования криминалистических знаний для осуществления опознания глубоко исследовались отечественными и зарубежными учеными в области уголовного процесса и криминалистики, такими как Н.Г. Бритвич, Т.А. Вольской, А.Я. Гинзбург, Н.А. Головецким, Л.Н. Ивановой, Г.И. Кочаровой, Л.Д. Удаловой, П.П. Цветковым, И.В. Шевчуком. Отдельные аспекты предъявления для опознания раскрываются в работах О.Я.Баева, В.П.Бахина, Р.С.Белкина, А.Н.Васильева, В.К.Гавло, Г.А.Зорина, В.А.Колесника, В.Е.Коноваловой, В.С.Кузьмичева, Е.Д.Лукиянчикова, М.В.Салтевского, Н.А.Селиванова, В.А.Снеткова, К.А.Чаплинского, В.Ю.Шепитька и иных ученых, однако в их трудах отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие методологические и методические направления информационной сущности

предъявления для опознания, недостаточно рассмотрены проблемы ситуационного подхода к проведению данного следственного действия.

Целью данной статьи является рассмотрение тактико-криминалистических аспектов предъявления для опознания под углом зрения современных изменений, произошедших в сфере судопроизводства, новых норм уголовного процессуального законодательства и современных проблем правоохранительной практики.

Изложение основного материала исследования. Тактика любого следственного (розыскного) действия должна обеспечивать максимальную эффективность его проведения, т.е. возможность с наименьшей затратой сил, средств и времени достичь положительного результата. Учитывая это, проведение любого следственного действия должно складываться из трех основных этапов: подготовка к проведению следственного действия, собственно его проведение, фиксация хода и результатов следственного действия и оценка его результатов.

Предъявление для опознания является тем уникальным следственным (розыскным) действием, которое фактически по сути и по содержанию никогда не повторяется, даже если задачей остается осуществление опознания того самого объекта и тем же лицом. Нельзя, как правило, предъявить для опознания опознающему то самое лицо либо тот самый предмет неоднократно, а в некоторых случаях по этому поводу даже установлен процессуальный запрет.

Обязательным условием опознания, установленного в ч.1 ст. 228 и ч.1 ст. 229 Уголовного процессуального кодекса Украины, является проведение предварительного допроса опознающего лица. В действующих сегодня нормах УПК сказано, что перед тем, как предъявить лицо для опознания, следователь, прокурор предварительно выясняют, может ли опознающий узнать это лицо, допрашивают его про внешний вид и приметы личности, а также про обстоятельства, при каких он видел это лицо, о чем составляется протокол (ч.1 ст.228 УПК), а перед тем, как предъявить для опознания вещь, следователь, прокурор либо защитник спрашивают у опознающего, может ли он опознать эту вещь, спрашивают о признаках этой вещи и обстоятельствах, при каких он видел эту вещь, о чем составляется протокол (ч.1 ст.229 УПК). В действующих нормах уголовного процессуального законодательства говорится не о предварительном допросе, а указывается на предварительный опрос опознающего и составление протокола. Но поскольку получение показаний от лица на досудебном следствии осуществляется в форме допроса, то необходимо понимать данное требование процессуальной нормы в таком аспекте, что такой опрос должен осуществляться факти-

чески во время допроса опознающего лица, с составлением соответствующего протокола следственного (розыскного) действия.

Мы поддерживаем Е.Д. Лукьянчикова в том, что предварительный допрос потерпевших (свидетелей) является не только необходимым этапом подготовки к предъявлению для опознания, но и обстоятельством, обеспечивающим принятие правильного решения о целесообразности проведения этого следственного действия, его успешный ход, получение необходимых результатов и их последующую оценку следователем, прокурором, судом [1, с.30].

Тактически грамотно организованный предварительный допрос опознающего обеспечивает возможность правильной оценки результатов опознания. Соотношение между показаниями, данными на предварительном допросе, и пояснениями о приметах, положенных в основу опознания, дает возможность высказать соображения о достоверности вывода опознающего лица об опознании им конкретного объекта [2, с.209].

Допрос, предшествующий опознанию, чаще всего проводят еще до того, как объекты опознания будут в распоряжении следователя либо прокурора в натуре, и поэтому задачей допроса является установление обстоятельств, сопровождавших расследуемое событие, а также признаков объектов, подлежащих опознанию. В зависимости от формы восприятия личности или вещей, подлежащих опознанию (звуковая, визуальная, тактильная либо комплексная), выясняют соответствующие признаки, запомнившиеся опознающему. Результаты предварительного допроса могут использоваться как для непосредственной подготовки к опознанию, так и для розыска объектов, имеющих значение для уголовного производства, и могут быть предъявлены для опознания в последующем.

Во время допроса следователь оказывает влияние на опознающего с целью активизации его памяти и создания благоприятных условий для воспроизведения событий, имеющих значение для уголовного производства. М.В.Салтевский и В.Г.Лукашевич указывают на то, что следователь побуждает лицо сначала вспомнить необходимый для опознания мысленный образ, а потом его воспроизвести его

и сообщить следователю данные о нем [3, с.31-33]. Психологическая подготовка потерпевших и свидетелей способствует качественному проведению следственного действия [4, с.99].

Для того, чтобы помочь допрашиваемому правильно описать внешность человека, следователь может воспользоваться средствами научной демонстрации – рисунками, компьютерными изображениями фрагментов лица, таблицами цветности со шкалой цветов, поскольку точное описание признаков вызывает определенные трудности при сообщении их характеристик, и в тоже время такие характеристики более всего влияют на полноту и правильность показаний. В тоже время, поскольку опознание – это следственное действие, во время которого информация практически полностью поступает от конкретного лица, при ее получении необходимо учитывать особенности опознающего. Это касается выяснения биологических, психологических, социальных качеств человека, необходимых для получения полной и достоверной информации об объектах опознания. Знание, например, профессии опознающего, сферы его интересов, может объяснить запоминание определенных признаков объекта опознания и не запоминание иных. На такие обстоятельства запоминания могут оказывать влияние возраст, пол, дефекты сенсорного аппарата, неблагоприятные психические состояния в момент восприятия объекта опознания. Поэтому во время предварительного допроса опознающего следователь с особым вниманием должен относиться к подбору того или иного тактического приема, использование которого даст наилучший результат не только при получении полной информации об объекте опознания, но и способного обеспечить психологическую подготовку лица к последующему опознанию.

С позиции этичности проведения следственных действий и использования следователем того или иного тактического приема, против проведения предварительной психологической подготовки опознающего высказывается С.Г. Любичев, считающий, что такая подготовка во время предварительного допроса состоит в своеобразном «натаскивании» потерпевших и свидетелей (подсказка признаков, по которым они должны опознаваться) и тянет за

собой недостоверность опознания [5, с.35]. Полагаем такое утверждение несколько односторонним и недостаточно обоснованным. Известно, что психологическая подготовка фактически имеет место во время допроса лица перед опознанием, проведение которого является обязательным условием подготовки к опознанию. Целью такого допроса является установление всех обстоятельств, при которых потерпевшие (свидетели) наблюдали лицо в процессе совершения преступления, и потребность активизации их готовности к повторному восприятию определенного объекта с целью его опознания. Это уже настраивает опознающего, психологически готовит его к тому, что впоследствии его ожидает опознание как отдельное следственное действие. В процессе его проведения необходимо будет подтвердить фактически то, о чем говорилось на допросе, и в случае предъявления конкретного человека, о котором допрашивают, опознанным будет именно он. Если же это будет иное лицо, то необходимо будет сообщить, что на опознании предъявлены другие люди и среди них нет того, о котором допрашивали. Ни о каком «натаскивании» не может быть речи, если следователь по время допроса предложит свидетелю или потерпевшему рассказать об обстоятельствах, которые предшествовали расследуемому событию и непосредственно связаны с ним. Постановка уточняющих, дополнительных, контрольных вопросов не являются «натаскиванием», а позволяют выяснить у допрашиваемого особенности внешности, характерные признаки объектов опознания и одновременно проверить правильность их восприятия, направленного на получение достоверного результата следственного действия, а не на «подтасовку» необходимых следователю фактов.

Подчеркивая важность роли опознающего для установления истины в уголовном производстве, Е.Д.Лукьянчиков указывает на то, что следователь заблаговременно, до проведения опознания, должен активизировать мысленную деятельность опознающего и его волевые усилия [1, с.48]. Это обосновывается тем, что во многих случаях короткий интервал времени, на протяжении которого наблюдают лицо либо вещь в криминальной ситуации, не может не оказывать влияния на всесторонность

и полноту восприятия как преступных действий, так и черт внешности и примет их участников и признаков вещей. Такую мысль поддерживают В.С. Бурданова и В.М. Быков, указывая на целесообразность актуализации памяти лица, с которым должны проводить опознание, особенно, если с момента наблюдения объекта опознания прошло много времени. В этом случае следователь может «оживить память», даже демонстрируя допрашиваемому его предыдущие показания [6, с.53].

Желательно, чтобы не только между восприятием объекта и его опознанием прошел небольшой отрезок времени, но и между предварительным допросом опознающего и проведением опознания также не должно пройти много времени. М.В.Салтевский подчеркивал, что в случаях, если в ходе предварительного допроса с достаточной полнотой и ясностью не были установлены и зафиксированы индивидуальные признаки объекта либо с момента его проведения прошло много времени, для проверки полноты сохранения и оживления в памяти признаков запомнившегося объекта, целесообразно непосредственно перед опознанием провести повторный допрос по обозначенным обстоятельствам [2, с.209]. Кроме того, если с момента допроса, предшествовавшего опознанию, прошло много времени, повторный допрос накануне опознания является обязательным, учитывая необходимость проверки того, насколько хорошо сохранились в памяти опознающего признаки объекта опознания, и для принятия следователем или прокурором конечного решения о целесообразности и возможности проведения опознания как следственного действия. Если во время повторного допроса описание признаков объекта будет сильно отличаться от предыдущих показаний, то возникает необходимость выяснения причин таких противоречий. Это может быть добросовестная ошибка, забывчивость некоторых признаков или же умышленная дача ложных показаний под влиянием различных факторов.

Ведь не случайно и законодатель в процессуальной норме учел эту криминалистическую рекомендацию и указал в новой редакции статей, регулирующих проведение опознания, что «перед тем, как предъявить лицо для опознания» (ст.228 УПК), «перед тем, как предъявить для опознания вещь»

(ст.229 УПК). Слово «перед» необходимо понимать как «накануне», а не просто в любое время до предъявления для опознания. Во время такого предварительного допроса следователь должен разъяснить субъекту опознания важность для уголовного производства достоверного и возможные последствия ошибочного опознания. Но мы не согласны с Л.Ф.Ивановой в том, что предметом допроса, предшествующего проведению опознанию, должно быть выяснение следователем только признаков и особенных примет объекта, которого необходимо предъявить для опознания [7, с.20]. Иногда выяснение и уточнение обстоятельств, при каких осуществлялось наблюдение лица либо вещи, а не только их признаков, не только поможет установить более точно признаки и приметы объекта опознания, но и предоставит информацию для лучшей подготовки следственного действия.

Правильное определение момента предъявления для опознания может существенно повлиять на результаты этого следственного действия, а иногда – и на весь ход досудебного расследования. Поэтому определение времени предъявления для опознания зависит от конкретной следственной ситуации, сложившейся на данный момент. В каждой конкретной ситуации следователь должен учитывать индивидуальные особенности расследуемого события. В то же время практика разработала общие рекомендации, которые необходимо учитывать при принятии решения о предъявлении для опознания. Прежде всего необходимо помнить, что значительное затягивание с проведением предъявления для опознания может повлечь за собой негативные последствия. Значительный промежуток времени негативно влияет на память лица, могущего забыть образ человека или иного объекта, который оно воспринимало ранее. Это происходит объективно и целиком закономерно. Следовательно, возникает объективная угроза того, что со временем объект, который будет предоставлен для восприятия (лицо, вещь), не будет опознан. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что достоверность опознания находится в прямой зависимости от фактора времени, а поэтому к проведению этого следственного действия после значительного промежутка

времени необходимо подходить с особой осторожностью.

Выводы. Эффективность и доказательственное значение результатов опознания в значительной степени зависят от качества проведения следователем, прокурором организационно-подготовительных мероприятий. Предварительный допрос опознающего является не только необходимым этапом в подготовке к предъявлению для опознания, но и обстоятельством, обеспечивающим принятие правильного процессуального решения по целесообразности и возможности проведения этого следственного действия.

Список используемой литературы:

1. Лук'янчиков С.Д. Пред'явления для впізнання : навч. посібник / С.Д.Лук'янчиков, О.М.Моїсєєв. – Мaкiївкa : Гpафiтi, 1998. – 104 с.
2. Салтевський М.В. Криміналістика : підручник: у 2-х ч. / М.В.Салтевський. – Харків: Консум, 2001. – Ч. 2. – 528 с.
3. Салтевський М.В. Проблемы классификации источников информации и следственных действий в криминалистической тактике / М.В.Салтевський, В.Г.Лукашевич // Криміналістика і судєбна експєртиза. – 1984. – № 29. – С. 29–35.
4. Лысенко В.В. Расследование вымогательств / В.В.Лысенко. – Харьков: Ун-тет внут. дел. 1996. – 155 с.
5. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики / С.Г.Любичев. – М.: Юрид. лит., 1980. – 96 с.
6. Бурданова В.С. Виктимологические аспекты криминалистики : учеб. пособие / В.С.Бурданова, В.М.Быков. – Ташкент : НИИРИО ТВШ МВД СССР, 1981. – 80 с.
7. Иванова Л.Ф. Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Л.Ф. Иванова. – Челябинск, 2007. – 26 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ

А. СОРВАЧОВ,

соискатель кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права НУ ОЮА, прокурор
Ширяевского района Одесской области

SUMMARY

This paper discusses the latest trends in the commodity markets and their impact on the legal regulation of industrial design. Indicated that the reduction in product life cycle and small series stimulate their need to move away from lengthy procedures qualification industrial designs based on patent- legal protection and appropriate use of the registration procedure. Registration of Industrial Designs at the same time provides them with legal protection, quick and relatively inexpensive. It is proposed to use the European experience in Ukraine and make changes to existing legislation.

Keywords: industrial designs, legal protection, patent, certificate, experience.

В статье рассматриваются новейшие тенденции на товарных рынках и их влияние на правовое регулирование охраны промышленных образцов. Указывается, что сокращение жизненного цикла товара и малые их серии стимулируют потребность отойти от длительных процедур квалификации промышленных образцов на основе патентно-правовой охраны и целесообразности использования регистрационной процедуры. Регистрация промышленных образцов одновременно обеспечивает их правовую охрану, быстроту и относительную дешевизну. Предлагается использовать европейский опыт в Украине и внести изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: промышленные образцы, правовая охрана, патент, свидетельство, опыт

Постановка проблемы. Современный уровень жизни характеризуется усилением индивидуальных подходов к потреблению товаров и уходом от усредненного или общего подхода на потребительском рынке. Коль появились различные слои потребителей, то и произошло разделение владельцев товара и производителей: каждому потребителю – свой или его товар, который соответствует его уровню. На смену крупносерийному производству товаров народного потребления приходит мелкосерийное.

Такая смена парадигмы рынка в пользу потребителей заставила товаровладельцев искать новые маркетинговые приемы и средства реализации товаров быть гибкими в их разновидности и ассортименте. Соответственно, такие тенденции влияют и на законодательство особенно в тех случаях, когда охрана прав участников правоотношений связана с определенными процедурами легализации объекта или прав его субъектов. Общая тенденция на потребительском рынке из сокращения жизненного цикла товара требует пересмотра патентных легализационных процедур в сторону их упрощения. Это отслеживается в процедурах легализации, в частности регистрации субъектов предпринимательства, отказе от его патентования, быстром (ускоренном) получении охранных документов.

Объектом являются правоотношения, которые возникают в связи с квалификацией промышленных образцов, а предметом – действующие акты европейского и национального законодательства, практика их применения, положения научной доктрины. В основном работа построена на анализе новейших тенденций в квалификации промышленных образцов.

Изложение основного материала. Современное производство характеризуется динамикой и постоянным изменением товаров за принципом больше ассортимента для каждого потребителя. Небольшие партии товаров и стремление их индивидуализировать с учетом вкусов потребителя меняет крупносерийное производство на мелкосерийное. В связи с этим возникает потребность ускорения предоставления правовой охраны объектам промышленной собственности на основе которых созданы товары.

В патентном праве прослеживается отказ от исследовательской системы патентования его объектов или сужение её объема и тенденции к замене длительных систем более упрощенными. Кроме того, с введения электронных технологий и алгоритмизацией многих видов деятельности, подобные подходы внедряются повсеместно, в частности в патентном праве.

Промышленные образцы занимают особое место в системе патентного права и переводят идеальные технические и технологические решения в товары с учетом тенденций на товарных рынках, изменений в концепциях построения бизнес-инфраструктуры, предпочтений

Актуальность исследования предопределена новейшими изменениями в квалификации промышленных образцов, незначительным жизненным циклом значительной части созданных на их основе товаров, стремительным развитием информации и её распространения, потребностями практики. К сожалению, используемые патентные процедуры в Украине характеризуются сложностью, длительностью, дороговизной, недостаточной эффективностью. Это стимулирует поиск более эффективных решений, которые бы быстро и с наименьшими затратами обеспечивали охрану промышленных образцов.

Состояние исследования проблематики двойственное: с одной стороны достаточно работ по общей проблематике промышленных образцов как объекта правовой охраны (В.Е.

Макода, Е.М. Мельник, О.О. Подопригора, Н. О. Халаим – в Украине; А. И. Абдуллин, Е. Л. Алексеева, С. Б. Бреус, Т. О. Вахнина, С. О. Воронцов, А. М. Горохов, М. М. Добрыдин, Г. А. Лаптев, С. В. Ловцов, Н. В. Обухова, П. В. Садовский, М. Л. Свиридов, Р. Р. Ханбеков, О. В. Хромушина, К. В. Ханина – в РФ), с другой – регистрационный порядок квалификации этих объектов исследован недостаточно.

Цель и задачи работы состоят в обосновании необходимости введения в Украине более простой регистрационной системы квалификации промышленных образцов и внедрения опыта стран ЕС в этой сфере их правовой охраны. Для этого отслеживаются тенденции в охране промышленных образцов и возможности распространения передовых решений в законодательство и практику Украины.

потребителей, направлений развития моды и другое. Все это потребовало ускорения предоставления правовой охраны объектам права промышленной собственности и, прежде всего, промышленным образцам.

В частности, в Обзорном письме Высшего хозяйственного суда Украины от 17.04.2006 г. № 01-8/844 «О практике применения хозяйственными судами законодательства о защите прав на промышленный образец и прав на рационализаторское предложение (по материалам дел, рассмотренных в кассационном порядке Высшим хозяйственным судом Украины)» [1]) указывается на необходимость взвешенного подхода к решению споров относительно прав на промышленные образцы. В таком русле было обращено внимание и на Парламентских слушаниях по проблемам интеллектуальной собственности. Соответственно, возникает потребность на ускорение признания объектов охраноспособным, создание программного и усиления правового обеспечения охраны прав на такие объекты.

Правовое регулирование отношений относительно промышленных образцов ведется в русле общих подходов, которые определены международно-правовыми актами и национальным законодательством, в частности Законом Украины «Об охране прав на промышленные образцы» [2] от 15.12.1993 г. и изданных с его учетом в его развитие другими подзаконными актами. С момента введения первого проявлялись недостатки других: уже несколько раз в них вносились изменения и дополнения. Оказалось, что промышленные образцы подчинены несколько иным закономерностям при их коммерциализации: в отличие от изобретений и полезных моделей здесь объект совершенно иной – внешний вид, который, к тому же, имеет тенденцию постоянно меняться (действие концепции индивидуализации).

Значительно продвинулось урегулирование отношений относительно промышленных образцов на международном и, особенно, европейском уровне. Международно-правовые акты в сфере охраны промышленных образцов имеют два подуровня: международно-правовой, определенный международными конвенциями (Международная классификация промышленных образцов (Локарнская классификация), Девятая редакция и европейская (ЕСовский Регламент о промышленном образце Сообщества, Регламент (ЕС) № 6 /

2002, Директива № 98/71/ЕС и другие), которого придерживаются страны ЕС).

Последний, учитывая программу адаптации законодательства Украины к законодательству ЕС и Закон Украины «Об Общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза» от 18.03.2004 ВРУ № 1629-IV, нас интересует прежде всего.

Европейское сообщество на основе Директивы № 98/71/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 октября 1998 о правовой охране промышленных образцов было гармонизировано на уровне ЕС и признано целесообразным «... создание наднациональной системы охраны прав на промышленные образцы на уровне Сообщества и принят соответствующий регламент (ЕС) № 6 от 12 декабря 2001 о промышленных образцах Сообщества» [3, с. 249].

Экономический глобализм и интернационализация рынков требует единства правового регулирования на всех этапах движения товара от его разработки до потребителя и последующей утилизации. Речь идет о сохранении объектного подхода в праве интеллектуальной собственности и правовой охраны при котором, по каждому объекту промышленной собственности или даже отдельных их разновидностей, принимаются отдельные нормативные акты. Такая отправная позиция заслуживает нашего внимания, а вопрос упирается в то, насколько она проведена в международных и особенно национальных актах законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Кроме того, неоднозначной, как нам представляется, выписана конструкция промышленных образцов в актах действующего законодательства и нечеткость их легального определения в основном акте гражданского законодательства, которым является ГК Украины.

Отправными идеями регламента Совета (ЕС) № 6 от 12 декабря 2001 о промышленных образцах Сообщества» [3, с. 249] указано необходимости унификации законодательства, сокращение длительных процедур регистрации, распространения правовой охраны промышленных образцов на всю территорию ЕС через представление только одной заявки в соответствующий орган общества, уменьшение расходов на регистрацию и ее упрощения, и сделать ее доступной для малых и средних предпринимателей, а также для самостоятельных авторов (дизайнеров» (выделено нами – А.С.)).

Речь идет о создании системы единых промышленных образцов, одинакового режима их правовой охраны, устранение разногласий и коллизий в их правовой охране, создании равных условий для конкуренции для всех участников рынка. Тенденция универсализации правового регулирования общественных отношений является общей и неотложной сейчас вследствие того, что проблемы одной страны не могут быть ею решены самостоятельно, а требует усилий определенного сообщества.

Относительно промышленных образцов, то в странах ЕС предусмотрено две формы охраны промышленных образцов: краткосрочная охрана незарегистрированных промышленных образцов и долгосрочная охрана зарегистрированных промышленных образцов. Первая отвечает концепции уменьшения жизненных циклов товаров, усиление товарной экспансии на рынках и даже вытеснение национального дорогого дешевым товаром иностранного происхождения. Ее проявления – агрессивная реклама все новых и новых товаров, введение стимулов при приобретении новейших моделей товаров или даже последнее время замены их устаревших версий на новые с доплатой. Вторая, основана на длинном цикле жизни товара, возможности усиленной его коммерческого или подобного ему использования. Здесь нужен фундаментальный исследовательский подход как к самым товаром, так и тем решениям, на основе которых они созданы, в том числе и промышленных образцов.

Одним из условий единства правовой охраны прав на промышленный образец единство понятийного аппарата. На национальном уровне в гл. 39 ГК Украины объединены определения правового режима и механизмов охраны интеллектуальной собственности на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Такое сочетание является обобщающим, научно необоснованным и, следовательно, не совсем удачным и заслуживающим критики. Следует обратить внимание, что легальное определение промышленного образца как результата творческой деятельности человека в области художественного конструирования подчеркивает именно художественность, а не техническую или технологическую новизну, как для изобретения и полезной модели.

Таков наш вывод основан на признание в праве интеллектуальной

собственности подходе, при котором все объекты права промышленной собственности является результатом разной по уровню и цели интеллектуальной деятельности. Международное законодательство применяет, так называемый, дифференцированный подход к правовой охране отдельных его объектов. Он проявился в разработке международных актов в области промышленной собственности и построении на основе них, с учетом их положения, акты национального законодательства. Даже к гармонизации законодательства о правовой охране промышленных образцов ряд стран ЕС придерживались дифференциального подхода.

Обычно промышленный образец связывается с его декоративным или эстетическим решением изделия точнее его внешним видом. В некоторых странах для его обозначения используется термин «дизайн». Он разрабатывается с учетом позиции потенциального потребителя (опросы, тесты и т.д.), влияния на позиции потребителя через средства массовой информации и навязывание ему определенного стиля или потребительской субкультуры. На это рассчитаны реклама, сетевой маркетинг и другие новейшие технологии продвижения товара.

Промышленным образцом признается красивая этикетка, оригинальная упаковка, нестандартная или просто привлекательная форма всякого изделия (товара). Поэтому эстетический его аспект является весьма важным. Недаром выдающийся конструктор О. К. Антонов, утверждал, что «некрасивый самолет не полетит». Иными словами, привлекательный товар не будет пользоваться спросом потребителя и не принесет прибыль. Владелец прав на промышленный образец получает выгоду за счет его использования, а монополия на такое использование гарантирует получение прибыли на инвестиции. Покупатель имеет возможность выбирать себе товар в соответствии с его предпочтениями, реализовать свое право на оригинальность, создавать определенные ансамбли или направлением потребления, способствует не только развитию средствами рекламы потребительского вкуса, но и созданию более эстетически привлекательных и разнообразных товаров.

При определении перспектив урегулирования правовой охраны промышленных образцов должен преобладать прагматический аспект, связанный с коммерциализацией промышленных

образцов, а значит, с использованием имущественных прав на них. Если товар имеет короткий жизненный цикл, например символика и сувенирная продукция под спортивные соревнования, в частности чемпионат Европы, то нецелесообразно проводить длительное патентование, а следует использовать упрощенные процедуры квалификации промышленных образцов. Здесь действительно уместна регистрационная система.

Напротив при длительном коммерческом использовании товара и угрозе недобросовестной конкуренции возможно и использование длительной, более надежной патентно-правовой их охраны.

Выводы. Легальное определение промышленного образца, как мы считаем, вызывает ряд вопросов:

1) какой именно это результат и чего: творческой деятельности, интеллектуальной или другой деятельности?

2) какими нормами следует руководствоваться при охране прав на промышленный образец?

3) какие критерии следует применять для квалификации промышленного образца: те, которые используются для оценки объектов творческой деятельности, в том числе объектов авторского права, или те, которые используются для квалификации объектов промышленной собственности?

4) каким образом следует сочетать технические требования к объекту промышленного образца, в том числе по оценке художественного конструирования или дизайна?

Что касается первого, то речь идет о возможной двойной правовой охране промышленного образца: нормами о творческой деятельности авторского права и нормами об интеллектуальной деятельности патентного права. В ряде случаев дизайнеры разрабатывают сначала внешний вид (концепт) особо сложного изделия, в частности автомобиля, а затем в его функциональных зонах такое изделие наполняется соответствующим оборудованием и механизмами. Напомним, что традиционный подход шел от технических и технологических решений – в их дизайн. Такие принципиальные изменения при разработке промышленных образцов позволили ввести модели и модельный ряд и тем предоставить конструкторам возможность в рамках общего решения изделия проводить его дальнейшие усовершенствования.

Такое решение является обоснованным для охраны промышленных образцов нормам авторского права и нормами патентного права. Первые рассчитаны на творческое оригинальное произведение, которое объективировано в определенную форму, а второй – на конструкторские решения для размещения в пределах заданой формы её составляющих. Такие критерии следует применять для квалификации сложного промышленного образца: те которые используются для оценки объектов творческой деятельности, в том числе объектов авторского права, и те, которые используются для квалификации объектов промышленной собственности вообще.

Таким образом, в тех случаях, когда жизненный цикл товара является непродолжительным, нецелесообразно использовать регистрационную заявительскую систему патентования, которая по сроку совпадает или дольше его выпуска и реализации. В этих случаях целесообразно применять упрощенный, регистрационный, порядок квалификации промышленных образцов. Его следует предусмотреть в действующем законодательстве и в практике.

Список использованной литературы:

Список использованной литературы:

1. О практике применения хозяйственными судами законодательства о защите прав на промышленный образец и прав на рационализаторское предложение (по материалам дел, рассмотренных в кассационном порядке Высшим хозяйственным судом Украины): Обзорное письмо Высшего хозяйственного суда Украины от 17.04.2006 г. № 01-8/844 // Вестник хозяйственного судопроизводства / Высший арбитражный суд Украины. - М. - 2006. - № 3. - С. 106-119.

2. Об охране прав на промышленные образцы. Закон Украины от 15.12.1993 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1994 - № 7 - Ст. 34.

3. Право інтелектуальної власності Європейського Союзу та законодавство України / За ред. Ю. М. Капіци: кол. авторів: Ю. М. Капіца, С. К. Ступак, В. П. Воробйов, та ін. –К.: Видавничий дім «Слово», 2006. – 1104 с.